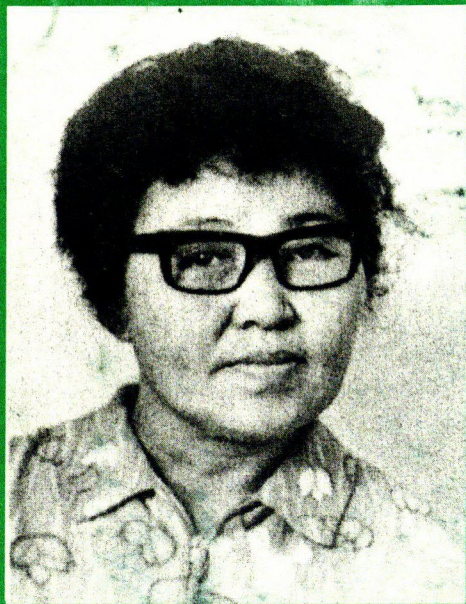

С (Тыва)
У НР

Журнал Союза писателей Тувы

№ 2, 2005 г.

**Журнал
Союза
писателей**

Журнал основан 28 августа 1946 года

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ**

Главный редактор Ч. Куулар

№ 2 (42) 119

2005 г., март-апрель

Редакция журнала "Улуг-Хем"

Кызыл — 2005

С (Тув)
У 47

Главный редактор
Ч. Куулар
Художник
В. Донгак

Редакционная коллегия:
А. Даржай, У. Донгак,
Н. Куулар, С. Комбу,
М. Хадаханэ.
Редакторы выпуска:
Г. Принцева, У. Донгак.

На обложке № 1 – Е. Танова, на 4 – одна из добровольцев
Вера Байлак

Учредитель журнала: Правительство Республики Тыва, Агентство по печати и массовым коммуникациям и его структуры, Министерство культуры и по делам национальностей РТ, Союз писателей РТ, творческий коллектив редакции журнала “Улуг-Хем”.

Журнал зарегистрирован в Тувинской Республиканской инспекции по защите свободы печати и массовой информации. Рег. № Т – 00028.

Куулар Черлиг-оол

СЛОВО СТОИЛО БОЛЬШЕ СНАРЯДА

Сегодня очень больно осознавать, что в связи с горьким дымом распада не сбылось то, о чем мечтали наши великие предшественники Степан Щипачев, Сергей Пюрбю, Степан Сарыг-оол, Семен Гудзенко в суровые годы войны, что кровью добытая народом и воспетая поэтами победа обесценивается, постепенно уходит в небытие. На самом деле общая вера в силу дружбы укрепляла их волю. Поэты были вдохновителями и глашатаями победы. Тувинцы, украинцы, русские, казахи на поле боя, не зная языков, объяснялись жестами и мимикой и хорошо понимали друг друга, так как их объединяло священное слово “Родина”. Жители молодой Тувинской Народной Республики в поддержку Красной Армии встали, как один, под лозунгом “Все — для фронта”. Вдохновленный героическим духом своего народа Сергей Пюрбю написал огненные строки, Көк-оол тут же сочинил музыку, Израйлевич сделал оркестровку. Как вспоминают очевидцы, за одну ночь родился марш тувинских добровольцев “В бой!”, ставший символом прочности духа воинов. Баллада Пюрбю “Красный обоз”, словно героический фильм, зримо запечатлел тревожные события тех лет.

Крутятся по склонам гор, по тропам их крутым,
огромный караван куда-то торопил
красавец-паренек, и знамени над ним
и под его конем — высокий пламень плыл.
Я ехал с пареньком и слушал песни звон.
Как плечи широки, как строен парня стан!
И с любопытством я спросил: “Откуда он?
Куда и что везет огромный караван?”

Степан Сарыг-оол написал чудесную поэму о трудовом подвиге чабанов “Саны-Мөге”, ставшую одним из первых классических произведений тувинской литературы.

Школьники, зная целебные свойства облепихи для раненых бойцов, в ноябрьские морозы ночью били их целыми тоннами. Охотники Тоджи зародами добывали пушнину, ловили тоннами рыбу, молодые люди с западных кожуунов по призыву областного комитета комсомола на лошадях ехали за 500-600 километров до верховий Пий-Хема, чтобы устроиться на работу в золотых приисках. В тылу всюду кипела работа, чтобы заполнить вагоны отправляющих с Абакана поездов “Подарок фронту от тувинского народа”. Дети плакали, когда отцы отбирали у них лучших скакунов для фронта, но скоро успокаивались, поняв необходимость и великую значимость такой жертвы. В те суровые годы слово было приравнено к штыку.

Приезд в Туву Степана Щипачева вдохновил нашу писательскую организацию. Саган-оол и Пюрбю вместе с ним приехали в Чадан, как вспоминает 80-летний народный писатель, доктор исторических наук Монгуш Борахович Кенин-Лопсан, и они среди своих земляков окрестили тогда юношу как поэта. Сегодня убеленный сединами М.Б. Кенин-Лопсан, как Степан Щипачев в те годы, верно служит российской литературе. Его мудрые романы и удивительно ласковые и теплые стихи, как прежде, радуют нас.

О трудовых буднях тоджинских охотников, движимых горячим желанием помочь фронту, прекрасную повесть “Подарок” в начале 40-х гг. написал Степан Сарыг-оол. В начале 60-х гг. вышел роман Монгуша Кенин-Лопсана “Стремнина великой реки”. В духе патриотизма им написан замечательный рассказ для детей “Калдарак”, который печатался в Санкт-Петербурге.

За цикл “Ровенских стихов” в 80-ые годы один из талантливых поэтов Тувы Александр Даржай был награжден премией комсомола Ровенской области Украины имени Миколы Максися. По сути, вся его поэзия интернациональна, ибо он – один из достойных преемников

Степана Сарыг-оола, Сергея Пюрбю, Монгуша Кенин-Лопсана. Время особого подъема молодой тувинской литературы во время войны и в последующие годы отмечено кипучей переводческой работой.

Во-первых, это для самих авторов было “боевой” школой, во-вторых, отстаивание нашей идеологии перед фашизмом, поднятие патриотического духа народов.

В разгар войны Гитлер повысил гонорар на слово военных журналистов. Сталин, узнав об этом, в два раза больше увеличил гонорар. Хлесткое слово стоило выше снаряда. Вот почему солдаты у костра зачитывались книгой Островского “Как закалялась сталь”. Нередко бывали случаи, когда в окровавленных карманах бойцов обнаруживались эти или другие книги. Из этого видно, что слово, как барабан в оркестре, первым поднимало дух солдата. Яркий пример тому - зарождение народной поэмы Твардовского “Василий Теркин”.

Сегодня миром правит Америка. Скоро 9 мая, в День Победы на Красной площади вместе с Путиным будет выступать американский президент Буш о том, что основная заслуга в Победе над фашизмом действительно принадлежит многонациональному советскому народу. Настораживает, что мы теперь забыли слово “патриотизм”. Что мы, взрослые люди, почти забыли свои песни “Землянка”, “Священная война”, а дети пионерский марш “Взвейтесь кострами”. Кстати, этот марш написал эмигрировавший из Германии композитор Кайдан. Он немец, своим творчеством отстаивавший великую идею социализма. Во время войны был сослан в Туву. Нынче нет студенческой песни, нет песни геологов, вообще мы разучились петь. Пастухам нынче не воля в степи. Табунщика ночью не радует луна да и пасти ему нечего...

... Стали хилы парни,
кичливыми стали...

Они больше в квартирах
звонят хрусталами –

писал еще в 80-ые годы ваш покорный слуга, автор этих строк, будто предвидя смуту нынешних времен. Сегодня

разгул бандитизма, вызвавший падение духовности и обнищание морали, вытесняет самые лучшие устои нашей национальной культуры, и в первую очередь гибнет наш богатейший древний язык.

С какими словами обратиться мне в канун Дня Победы, что я скажу братьям-писателям и учителям родной литературы?

Давайте не будем падать духом. В нашей истории есть имена тех, с кого надо брать пример. Сергей Пюрбю был репрессирован в 1947 году. Это после активной работы на ниве культуры. Человек ни за что просидел в ГУЛаге 7 лет. Освободившись после смерти Иосифа Сталина в 1953 г., поэт назло тем силам, которые хотели погубить его, переводит роман в стихах “Евгений Онегин”. Он, как и прежде активно включается в культурную жизнь родной республики.

Прекрасно справляется с переводом “Ромео и Джульетта” У. Шекспира, романа М. Шолохова “Поднятая целина”. Пишет новые пьесы для театра. Пюрбю, заново открыв в себе богами данный поэтический дар, снова становится любимейшим поэтом своего народа и времени. Я восхищаюсь тем, как он нашел в себе силы простить подлецов, которые ни за что посадили его, нашел силы забыть ту безграничную горькую обиду. Наверное, этому способствовали вдохновенный труд и любовь многочисленных читателей. Помня обо всем этом, и нам нужно забыть горькую обиду за потерянное многонациональное Содружество и приложить все усилия, чтобы заново восстановить величие и мощь Отечества.

М. Кенин-Лопсану — 80

Монгуш КЕНИН-ЛОПСАН

ДЕВЯТЬ АЛГЫШЕЙ

1. Алгыш к солнцу

Ты, Солнце, нам даришь свою благодать,
мы видим при свете твоём далеко.
С утра я спешу тебе жертву воздать,
из чаши разбрызгивая молоко.

Шепчу я: “Пусть крепкими дети растут,
чтоб горя и хвори никто не знавал!
Пусть слава приходит наградой за труд,
пусть полнится радостью отчий аал!”

Пусть льется тепло на поля и на нас,
пусть воды струятся, пусть ветер шумит,
пусть солнечный, ярко сияющий глаз
кровавая туча вовек не затмит!”

2. Алгыш к небесной горе

Вдали от всех морей я выросстал.
Зато еще в младенческую пору
из юрты сделал шаг — и увидел
Монгун-Тайгу — серебряную гору.

Стоит ли в мире летняя жара,
или сжимается земля от стужи —
чистейшего, литого серебра
мы видим шапку гордую все ту же.

Мир переменчив: нынче — не вчера!
Но я молюсь: “Будь вечно неизменна
благословенна, неприкосновенна,
Монгун-Тайга, Небесная гора!”

3. Алгыш к одуванчику

Снег еще не растаял, не сходит на нет,
а уже за пригорком, в тиши, в уголке,
защищенном от ветра, пробился на свет
одуванчик на тонком своем стебельке.

Ты пришел провозвестником нежной весны,
тихих, теплых и радостных солнечных дней.
Средь красот многоцветных родной стороны
с каждым годом ты мне и милей, и родней.

Самым первым под солнцем красуешься ты,
будь же стоек, всем заморозкам вопреки.
Лишь когда подспеют другие цветы —
можешь сбросить, разведчик, свои лепестки.

4. Алгыш к роднику

Милый, светлый родник, свежий, чистый аржан,
сердцем благословляю рождение твое!
Ты в истоке — малыш, стань силач, великан,
под скалой начиная движение свое.

В летний зной оставайся прохладным, как сталь,
и в суровую зиму, сквозь холод и мрак,
устремляйся вперед, в незнакомую даль,
словно конь-иноходец, лихой арамак.

Если хворый к тебе издалека придет —
ты живительной влагой его излечи.
Если к струям текучим певец припадет —
удивительной песне его научи!

5. Алгыш коню

Этой дружбы начало — в глубоком былом,
на дорогах и в битвах далекого века.

И до наших времен добрый конь под седлом
выручает еще иногда человека.

С ним широкие степи ты сможешь пройти,
и на горной тропе не нужна ему плетка.
А когда попадетя река на пути,
для тебя он — живая гривастая лодка.

Человек подружился с конем неспроста,
пусть и впредь бережет его, холит и гладит:
ведь еще на земле остаются места,
где авто не пройдет, вертолет не присядет!

6. Алгыш сказителю

Гости вечером в юрту спешат к чабану.
Для чего и зачем, подсмотреть не хотите ль?
Все уселись в кружок и хранят тишину,
потому что приехал известный сказитель.

Вот на коврике круглом сидит он — и чай,
прикрывая глаза, не спеша попивает
и задумчиво, как бы совсем невзначай,
старый-старый шаманский мотив запекает.

И для всех оживает минувшее вмиг.
Пляшет в юрте огонь — темноты победитель.
Будь здоров, пой, рассказывай, мудрый старик,
век тебе не закашляться, славный сказитель!

7. Алгыш к чаю

Культ чая у тувинцев с давних пор.
Чужой ли, свой ли в юрту забредет —
без доброй чашки чая разговор
хозяин добрый с ним не заведет.

Как две горы бывают ни близки,
им не сойтись — так говорят у нас.
Нам, людям, расстояньям вопреки,
как не сойтись? — так говорят у нас.

Уютна юрта белая моя,
и многим людям путь ко мне знаком.
Входите, гости, путники, друзья,
примите чашу чая с молоком.

8. Алгыш человеку

Здесь, на древней земле, много прожил я дней,
постарел, и виски мои выбелил снег,
но, как прежде, я верю: всех выше, умней
и мудрей, и сильней на земле — человек.

Пусть вокруг мне твердят убежденно весьма,
что наивные речи я нынче веду,
что однажды — видать, от большого ума —
он придумал сверхбомбу себе на беду.

Но сомнения нет у меня ни на миг:
если мы заблудились когда-то в пути,
если разум завел нас однажды в тупик —
только он может вывести нас и спасти.

9. Алгыш к ячменю

Ушли холодные ветра,
земля оттаяла, мягка,
и глянула уже с утра
из норки мордочка сурка.

Гусей вернулись косяки,
длиннее стал, теплее день.
“Пора, — сказали старики, —
в горах посеять нам ячмень”.

Сурова наша сторона,
один ячмень растет у нас.
Ложитесь в землю, семена,
и прорастайте в добрый час!

*Литературный перевод
Ильи ФОНЯКОВА,
Санкт-Петербург.*

К 60-летию Победы над фашизмом

Екатерина ТАНОВА

ДЕТИ ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ

1. А “кавалерия” дальше умчалась...

Отслужив в рядах Революционной аратской Армии, вернулся Белек-оол из соседнего аала. Он как-то сразу привлек к себе внимание и парней, и мальчишек военной выправкой и формой. На нем была рубашка бледно-зеленого цвета, брюки-галифе причудливой формы — с обеих сторон бедер расширены, словно к ним приделаны барба — кожаные сумы. В их карманах мог запросто поместиться целый ягненок. Сапоги у него блестели и скрипели, видать, совсем новенькие. Широкий ремень опоясывал узкую талию.

Белек-оол учился в школе младших командиров. По окончании он даже командовал группой бойцов, правда, недолго. По состоянию здоровья его комиссовали. Но он выглядел совсем здоровым, был строен, весел, утром делал зарядку. Только лицо было бледным. Зато глаза — такие озорные, смеющиеся, как будто он всему удивлялся и радовался.

Он сразу взялся учить парней и мальчишек, как скакать на боевом коне по-кавалерийски. Парни старались подражать ему: делали упор ступнями на стремяна и подпрыгивали в седле. Только старикам нашего аала такая езда не нравилась.

—Что это такое, как будто бала (пест) толчет тару. Настоящий седок должен сидеть на лошади, как пришитый к седлу, а не подпрыгивать, — недоумевали старики.

Не обращая внимания на их замечания, Белек-оол рассказывал, как его учили в армии — на скаку рубить воткнутую в землю ивовую лозу, на ходу стрелять из ружья по “врагам”. “Как только раздавалась команда: “Рысью вперед, ма-ар-ш!” — нас как будто ветром сдувало” — рассказывал он. Мальчишки тут же подхватили эту команду, подражая Белек-оолу. Везде и всюду было слышно, как они галдят: “Кавалерия аратской армии, вперед в атаку, ма-ар-ш!”

Мальчишки загорелись мыслью устроить скачки. Но кто даст лошадь для детской игры? Тогда они решили скакать на бычках. Скачки на бычках и раньше проводили. Но на этот раз мальчишки хотели по-настоящему: на скаку срубить метелки ковыля и других высоких трав, на ходу стрелять по “врагу” сухими овечьими катышками. Каждый мальчик имел своего собственного бычка, которого сам обучил для езды. На бычках ездил за отарами овец, на них же собирали разбредшихся по лугам коров, загоняли на дойку. И вот теперь появилась новая затея.

Все было готово для скачек: отмерено расстояние, отмечены финиш и старт. И “кавалеристы” снаряжены саблями-прутиками, полными пазухами “патронов”. Боевой командир Орлан-оол сам себя назначил командиром, поскольку он старше всех, окончил уже второй класс. Проверив готовность, он во весь голос кричит: “Аратская кавалерия, слушать мою команду: Вслед за ведущими скакунами, по моей команде в атаку на врага вперед, ма-ар-ш!”

“Кавалерия” пошла в атаку. Помчалась гурьбой, махая саблями, стреляя “пульками”. Бычки неслись, как будто на их спинах сидели огромные оводы. Кое-кто из “кавалеристов” сразу же свалился. Хорошо, что скакуны невысокие и земля мягкая. Пыль стояла столбом.

Вот и финиш. Но “кавалерия” лавиной проскакала мимо, не обращая внимания на крики Орлан-оола: “Кавалерия, стой! Я же дал команду “стой!” Вот же финиш! Стой, балбесы непослушные!” “Кавалерия” умчалась, чуть не свалив самого командира с ног. Она остановилась только у пологого бережка веселой речки Чес-Булун.

2. Страшное слово

Боевых скачек не получилось. Эти упрямые животинки совершенно не подчиняются седокам во время скачек. Ну да это же не кони, что с них возьмешь. А вот разрешили бы скакать на настоящих скакунах, как учил всамделишный младший боевой командир Белек-оол. Вот бы всей гурьбой служить в ревармии и учиться ездить по-кавалерийски, на скаку рубить лозу, на ходу стрелять из винтовки, воевать с врагами. Мальчишки только не знали, кто они, эти враги, почему надо в них стрелять. Где живут эти враги? Почему они враги? На этот и другой вопрос Белек-оол сумел понятно ответить: есть на свете плохие люди, которые хотят захватить чужую страну, сделать людей рабами, сжечь их города и деревни. Вот эти люди и есть враги. Надо с ними бороться, защищать свою Родину, свой народ. Смертельная борьба с врагами называется “война”. Впервые ребяташки услышали это страшное слово.

Белек-оол где-то взял новую книгу. Она называлась “Пионер”. А кто такие пионеры, дети уже знали. На обложке книги был нарисован мальчик в красном галстуке и с горном. Белек-оол поручил грамотею Орлан-оолу прочитать книгу вслух. Орлан-оол собрал всех на зеленой лужайке, посадил в круг и начал читать.

...Затаив дыхание, мы слушали Орлан-оола. Узнали, что на свете есть много стран, в которых живут дети разных национальностей-племен. Впервые узнали об отважном пограничнике Карацупе и его собаке Индусе. Много было картинок-фотографий. Только одна нас удручала: дети спрятались в расщелине скалы от бомбардировки. Они с тревогой смотрели на пролетающий над скалами аэроплан. Вот-вот он начнет бомбить...

Какая страшная картинка. Спрятать бы этих детей в неприступных скалах нашей Кызыл-Тайги. Вражеский самолет ни за что их не увидит. Орлан объяснил, что это испанские дети. Где-то далеко есть красивая страна Испания. Враги, называемые фашистами, хотят захватить ее, убить людей, сжечь города и деревни. Там идет жестокое сражение

между захватчиками и испанским народом. Значит, там идет война...

Мы долго молчали. Потом кто-то из мальчишек заговорил: “Эх, скакунов бы нам быстроногих. Полететь бы вихрем в Испанию, срубить головы фашистам”. Только где находится эта страна, никто не знал. Так молча и разошлись по юртам, каждый думая о своем.

3. Эхо войны

С тех пор, когда мы впервые услышали страшное слово “война”, минуло два-три года. Мы уже учились в школе, стали пионерами. Как мы тогда гордились своими красными галстуками, старались активно участвовать во всех мероприятиях, которые проводили ревсомольцы сумона, участвовали в концертах, спектаклях, заготовливали сено и убирали урожай. Самое главное для детей скотоводов — летний нагул скота. Мы пасли овец. Наш чайлаг был на берегу озера Сут-Холь, в местечке Алды-Достак. Гора Алды-Достак стояла впритык к озеру. Солнечная сторона горы безлесая, покрытая разнотравьем, теневая сторона — сплошной кедровник. На макушке горы торчали высокие скалы причудливых форм, с выступами, удобными для лазания. Мы с братом Буга любили карабкаться на них. Сидишь на скале — перед тобой открывается вся ширь озера, его окрестности. Все видно, как на ладони. Мы любовались красотой родного озера. По его разноцветной поверхности плавали птицы. В тихие ясные дни озеро блистало мелкими бурунами. Большие черные утки — конгулуки выводили своих птенцов. Такая красота — глаз не оторвешь. Я, помню, однажды залезла на самую высокую скалу, во весь голос пою недавно выгученную новую песню:

“За счастливую нашу жизнь
спасибо тебе, товарищ Тока...”

Вдруг слышим крик. Кто-то бежит к нам, махая рукой, быстро карабкается по крутому склону горы. Мы спустились. Запыхавшийся Кушкаш-оол, еле отдышавшись, выпалил:

— Ребята, война! Война началась!

Мы одновременно спрашиваем:

—Где?!

Кушкаш-оол сам, видимо, не знал, где началась война. Он показал на ту сторону озера, куда закатывается вечернее солнце. Мы смотрели туда во все глаза. Там было тихо, как всегда. Все втроем залезли на самые высокие скалы, но нигде не было видно признаков войны. Везде тишина, никаких аэропланов, которые бомбили испанских детей. Спустившись со скалы, ищем, есть ли на наших скалах расселины, куда можно спрятаться во время бомбардировки...

В этот же день мы узнали от взрослых, что фашисты без всякого разрешения напали на СССР (только у кого они должны спросить разрешения, мы так и не узнали). Вот беда-то! О чудесной стране Советов мы уже разучили новую песню и по школе об СССР хорошо знали. Сообщение о войне приняли с тревогой, думали, что фашисты могут напасть и на нас, вот-вот за Кызыл-Тайгой появятся. Но война до нас не дошла. Героическая Красная Армия заслонила и задержала ее где-то там. Война не дошла до нас, но ее эхо дошло до самых глубин сердец.

Вскоре парни наших аалов один за другим стали уходить на службу в реварию. В том числе и наш старший брат Чылбак. Как мальчишки завидовали им!

4. Мой Бора-Богба тоже поехал на фронт

Началось всеобщее движение аратов — помощь фронту. Что только не отдавали люди: заготовленное за лето масло в овечьих брюшинах и бычьих пузырях, мешки сушеного творога, сдавали овец, коз, быков. Шерсть, настриженная тем летом, сдавалась полностью. Поэтому в тот год ни одна юрта не обновилась новым белым войлоком, никто из хозяек не сшил новый ширтек — войлочный ковер. Дети тоже не отставали от взрослых, сдавали для фронта свой эжелик — выделенный им по случаю стрижки волос скот.

Самым главным из всех подарков для фронта был сбор лучших, сильных лошадей: тогда в каждом аале имелось по несколько ездовых и скаковых. Папа мой отвел на сборный пункт двух наших самых лучших скакунов. Один

из них, Бора-Богба — Серый стригунок — был моей единственной собственностью. Его подарил дедушка, когда мне исполнилось три года. Был обычай у тувинцев — до трех лет у ребенка не стригут волосенки. Как только он достигнет трех лет, устраивают большой праздник стрижки волос. Первым остригает прядь волос ребенка самый старший и почтенный человек аала. Он берет ножницы, разукрашенные шелковой лентой, обкуренные артышом, отрезает прядь, торжественно, с благопожеланиями дарит свой подарок. Дедушка мне подарил годовалого жеребенка — красивого, серой масти стригунка. Ему сразу дали имя Бора-Богба — Серый стригун. И эта кличка осталась за ним даже, когда он стал взрослым конем. Мои братья обучали его для езды. Он стал красавцем. Люди сравнивали его с шахматным конем. Тувинские шахматы вырезались из целого куска дерева или камня в форме животных: коня, верблюда, слона, собаки. Я очень любила своего коня, научилась ездить на нем. И вот моего Бора-Богбу забрали на фронт. Папа отвел его вместе с другой нашей лошадью в загон, куда сводили своих лошадей араты. Мне так жалко было его, я заплетала ему хвост, расчесывала шелковистую гриву. Когда его угнали вместе с другими лошадьми нашего сумона на сборпункт, я убежала в лес, схватилась за ствол лиственницы и горько-горько плакала. Когда немного успокоилась, стало стыдно — большая девочка плачет из-за коня, когда на фронте люди гибнут. Выйдя из леса, побежала к ребятам, стала доказывать, что на моем Бора-Богбе будет ездить самый геройский командир. Все равно в глазах стояли слезы, готовые вырваться и побежать по щекам. Долго горевала я о своем друге. Немножко успокоилась, когда узнала, что мой старший брат Чылбак уехал на фронт вместе с тувинскими добровольцами. Я надеялась, что брат там, на фронте, обязательно встретится с Бора-Богбой, сам будет ездить на нем, их больше никто не разлучит. Я живо представляла, как мой брат скачет рядом с Чапаевым, подняв свою саблю, громко кричит: “Ура!”. О том, что Чапаев утонул в реке Урал, мы знали из кино, но все равно я представляла его живым. Я надеялась, что,

победив врага, мой брат приедет домой на Бора-Богбе. К великому сожалению, мой любимый брат и мой резвый скакун так и не вернулись с поля брани...

5. Фашиста никто не хотел играть

Жизнь в наших аалах текла без изменений, как река по своему руслу. Каждый был занят своим делом. Только люди стали более серьезными. Не стало, как раньше, праздношатающихся людей. Сообща обсуждались серьезные вопросы. Везде и всюду проводились собрания, после собрания – читки газет с сообщениями с фронтов о героических подвигах Красной Армии, о сборе подарков, развешивались на войлочных стенах юрт новые плакаты, изображающие героические будни людей труда, военные действия. Наш отец был председателем партячейки. Поэтому все собрания и сходки аратов в основном проводились в нашем аале. Отец привез из Чадана новый плакат. Перед началом собрания мы с братом развешивали его на наружной стене юрты. На плакате была изображена мощная атака Красной Армии под знаменем Ленина и Сталина. По небу самолеты летят, по земле танки идут, за ними пехота со штыками. К нам пришел старый дед Курбан. Посмотрев на плакат, серьезно заговорил: “Страшная война идет. Вот уже отрублены две головы...” Так говорил дед, показывая на силуэты голов Ленина и Сталина, нарисованные в кружочке на красном знамени, которое реет над атакующей армией. Тут брат мой Буга, одев на лице строгое выражение, говорит: “Нельзя, дедушка, так говорить. Хорошо, что людей тут нет. Это не отрубленные головы, а головы наших вождей, нарисованные на знамени героической армии. Видишь, над атакующей армией колышется знамя победы Ленина и Сталина. Значит, героическая Красная Армия победит врага.”

Старый дед как-то виновато съежился, только выдавил: “О-о!” Мы от души хохотали вдоволь. А люди уже подходили, рассматривали плакат. Мы не стали рассказывать об оплошности старого деда. А то бедняжку засмеют. Собрание проходило бурно, кого-то хвалили, кого-то ругали. А после

собрания, как всегда, ревсомольцы дали концерт, в котором участвовали и ученики школы. Показывали инсценировку из прочитанной книги. Инсценировку сделал сам Досун-оол — председатель ревсомольцев. В ней играли и ребята из нашего класса. Наш Кушкаш-оол играл юного разведчика, поймавшего фашиста. Только фашиста никто не хотел играть, как ни объяснял Досун-оол, что, наоборот, фашиста надо играть так, чтоб он вызвал ненависть и отвращение зрителей. Все равно никто не согласился. Пришлось самому Досун-оолу играть фашиста. Кто-то из ребят его даже упрекнул: “Как это ты, ревсомольский вожак, играешь фашиста? Его надо играть плохому человеку”.

— Да? Ну, тогда подскажи мне, кто у нас плохой человек?

— ...

А плохого человека у нас не нашлось.

Мой брат Буга летом отдыхал в кызылском пионерлагере на Кок-Тее. Этот лагерь назывался “КИМ”. Туда его устроила наша старшая сестра, которая жила в Кызыле. Когда Буга приехал домой, он вообще стал неузнаваемым. Говорил, что был барабанщиком, показывал, как стучал в барабан. Перевернет ведро или таз, стучит палками по дну. Стучал и по крышкам сундуков, чем очень была недовольна наша бабушка. Он еще говорил, что научился дуть в горн. Но у нас ничего похожего на горн не было. Тогда Досун-оол где-то нашел большую морскую раковину и сказал ему, чтоб дул в раковину, когда нужно звать людей на собрание. Это поручение он выполнял с великим удовольствием. Он еще пел русские песни, которые выучил в лагере на концертах:

Повоен найдороге

Шолбарбей итревоге...

(По военной дороге

шел в борьбе и тревоге...)

Или еще:

Палатьем наянощ

Упримор скихграниц...

(Пала темная ночь

у приморских границ...)

Вскоре его русские песни стала петь и молодежь сумона,

и в школе. Они постоянно исполнялись на концертах, устраиваемых после собраний аратов.

7. “Если завтра война...”

Так пелось в одной русской песне. Мы ее выучили на уроке. Учитель наш Салчак Авыр-оолович объяснил: “Вот в этой песне поется, что делать, если завтра будет война. А война сегодня идет вовсю. Идет жестокая война. Мы должны быть готовыми к войне”.

Да, война шла вовсю. Где-то гремят пушки, взрываются бомбы, гибнут люди. По всей стране объявлено всеобщее военное обучение населения. Военный всеобуч охватил всех жителей наших аалов — молодежь и стариков, мужчин и женщин. Создавались отряды, называемые “Ополчением”. Ополченцев мог бы обучать запросто отставной младший командир Белек-оол. Но он, к сожалению, скорострительно скончался. К этому времени вернулся обучавшийся в Ревармии наш земляк Доржу и стал инструктором-командиром ополченцев. Он учил их маршировать, выполнять различные команды, стрелять из винтовки, быстро разбирать и собирать ее. Метали гранаты, учились маршировать под марш революционной армии “Сорок боевых лошадей”.

Ополченская учеба проходила на территории нашего аала. Поэтому мальчишки любили пристроиться в “хвосте” ополченцев, чтобы научиться выполнять все, что делали они. Ополченцы относились очень ответственно к учебе и своим обязанностям, подчинялись строгой военной дисциплине. Каждый себе сделал деревянное ружье со штыком, часто уходили в ночные походы, устраивали соревнования по лыжам, стрельбе, бегали через препятствия, прыгали с высокого трамплина, сооруженного из снега.

Еще военный инструктор требовал, чтоб каждый ополченец сшил себе военную форму — гимнастерку и брюки из материи защитного цвета. Женщины шили себе юбки из того же материала. Командир показывал образец военной формы местным мастерам-швеям. Только почему-то такая форма тогда называлась “комсомольской”, и защитный цвет тоже назывался комсомольским. Ревсомольцы-активисты

нашего сумона были тогда все одеты в “комсомолки”.

Старшеклассники суг-аксынской начальной школы — это 3-й и 4-й классы, тоже в выходные дни проводили походы — военные игры.

В один из выходных дней мы вышли в поход. Разделились на “красных” и “белых”. Но никто не хотел попасть в отряд “белых”. Тогда директор школы, он же главнокомандующий, “белых” заменил “зелеными”. “Красные” повязали на рукавах красные лоскутки, “зеленые” — зеленые. По условиям игры, кто потеряет повязку или ее у него сорвут, считается убитым и выходит из игры. Конечно, никто не хотел быть убитым. Поэтому каждый самоотверженно “сражался”, сохраняя свой лоскуток. Самое главное в этой игре — отнять у противника флаг. Воюющие стороны тщательно берегли свой флаг, как символ военного могущества. Если противник обнаружит флаг и отберет его, то потерявшие считаются побежденными. На том заканчивается сражение.

Мы, “зеленые”, сражались самоотверженно и немало сорвали повязок противника. Учувя, что “красные” усилили свой напор, начали нас ловить, мы с подругой Полиной удрали от преследователей, спрятались в стожок овсяной соломы, стоящей на краю поляны. После отчаянных усилий залезли на него. Овсяная солома очень скользкая, несколько раз мы сползали, не достигнув вершины. С большим трудом укрепились наверху, быстро соорудили яму и хитро закрылись сверху соломой. А противники — мальчишки из 4-го класса, заметив стожок, прибежали, обошли его, потыкали палками, и убежали восвояси. Хорошо, что снег еще не выпал, мы следов не оставили. Стоял морозный день глубокой бесснежной осени. Уставшие, вспотевшие, отдышавшись, немножко успокоились. Лежим тихо, как мыши. В соломенной яме хорошо, тепло! Слышим, как мимо стожка прошмыгнули преследователи. Мы тихо разговаривали и не заметили, как уснули в теплых объятиях овсяной соломы.

Разом проснулись... Это ворон нас разбудил. Рядом со стожком стоял старый тополь с вороньим гнездом. Видимо, старый ворон учувял что-то неладное и решил нас разбудить.

Разом высунувшись, увидели над собой звезды. Они были такие яркие, висели совсем близко. Затем увидели далеко внизу огни нашего поселка. Мы до звездной ночи проспали в соломенной яме. Тут же, скатившись вниз, побежали во весь дух в поселок. Старый ворон вдогонку каркнул дватри раза. Как мы добежали до дома, не помню. Оказалось, мы устроили такой переполох, нас искали долго, даже в раковину дудели, но все было напрасно. Возвратившись домой, срочно созвали ополченцев. Кто на лошади, кто на лыжах уже начали уходить на поиски. А мы вот... сами объявились. Конечно, досталось. Но это мы приняли как должное. Так, поделом нам. Нечего засыпать в соломе во время боевого похода.

А потом долго говорили в школе и поселке, как потерялись девочки во время военной игры. А мы не потерялись и сами нашлись.

8. Витамин для красноармейцев

Вдоль Хемчика далеко растянулся смешанный лес. Тополиные рощи, ивняк, березы, ягодные кустарники окаймляют берега реки. Тихо качаются, склонившись, кусты черемухи и облепихи, словно перешептываются с прибрежной зыбью.

Зимой и летом неумолчно шумят леса разноголосьем птиц, ржанием лошадей, пасущихся на полянках-плещинах. А поляны сплошь покрыты густыми стебельками земляники (чадаг-кат) — душистой, сладкой ягоды. Летом, когда копыта пасущихся лошадей окрашиваются в красный цвет, значит, земляника поспела — пора собираться за ягодами. Вслед за земляникой поспевают кислица, потом смородина, а облепиха — позже всех. Когда она поспевает, вся роща полыхает оранжевым пламенем. Такая красота — глаз не оторвешь. Издавна на Хемчике люди очень уважали эту ягоду, считали ее целебной, особенно от простуды и недомогания, и называли почему-то “горячей ягодой”, несмотря на то, что собирали ее мерзлой. Мерзлые оранжевые бусы. Как только ударят первые морозы, стар и млад уходят в лес за облепихой.

Вот и ударили первые морозы — пришла пора заготовки

облепили. Наш учитель Салчак Авыр-оолович объявил: “В этот выходной пойдем в поход. Будем собирать ягоду для Красной Армии. Приготовьте барабаны-дунгуры, мешки, тазики или корыта, веники и, конечно же, санки”. Мы обрадовались.

И вот наш третий класс со всем снаряжением построился по-боевому. Даже вызвали на соревнования 4-й класс. Пришли на место “сражения”. Вдоль берега полыхает оранжевое пламя. Прибрежные кусты склонились над протокой замерзшей реки. Первым делом мы очистили обширный участок льда от снега, стирая следы птиц, лисиц и зайцев. А лед такой чистый, прозрачный, сквозь него виден весь подводный мир. Вскоре вся поверхность обширной протоки оказалась полностью очищенной от снега. Началось “сражение” — одни стряхивают со склонившихся кустов мерзлые ягоды, другие собирают их вениками в кучи, третьи очищают ягоды от мусора. Там и тут появляются оранжевые горки. Чистую, как янтарь, ягоду убирают в мешки. Полные мешки нагружаются на санки.

Кто-то из ребят спрашивает у учителя:

— Башкы, как красноармейцы будут употреблять мерзлую ягоду? Или они ее с чаем, что ли?

— Нет, ребята, красноармейцы не будут есть мерзлую ягоду. Из облепили там делают очень ценные лекарства для раненых бойцов и еще витамины — такие желтые шарики для укрепления здоровья.

Ребята тут же загалдели: знаем, знаем, врач Хандынмаа каждое утро перед началом уроков нам раздавала по два шарика. Они такие вкусные, сладко-кислые...

— Да, еще она заставляла нас по ложечке пить рыбий жир. Говорила, что это тоже очень полезный витамин, только он очень противный, — вставила худенькая девочка Дарыймаа.

— Сама ты противная. Помню, как ты с трудом открывала рот, чтобы его принять, а потом украдкой плевалась. Вот почему ты такая худая, как тростинка, да еще такая маленькая, — говорит самый сильный в классе мальчик, Чунак.

Дарыймаа обиделась, взяла полную горсть ягод и

швырнула в Чунака. Чунак ей ответил тем же. Потом другие стали брать с них пример, набрав в руки мерзлые ягоды, начали швырять ими друг в друга. Кто-то даже упал, поскользнувшись на льду, и ему за воротник всыпали ягод. Все начали друг друга пулять мерзлыми ягодами. Начался всеобщий галдеж. Тут учитель Салчак Авыр-оолович вмешался, испугавшись, как бы не ушиблись, бегая по скользкому льду:

— Хватит! Что это вы затеяли побоище на льду! Только что говорили о ценности этой ягоды, а сами разбрасываете и топчете ее. Это не овечьи катышки, которыми можно стрелять друг в друга. Так-то вы помогаете Красной Армии и фронту! Лучше наполняйте мешки и грузите на санки!

Ребятишки перестали бегать, смеясь и толкаясь, взялись за работу. Пять мешков очищенной ягоды мы сдали. Завскладом дядя Бульчун хвалил нас, даже ставил в пример другим. Мы старались, чтобы бойцы Красной Армии были здоровыми, сильными и скорей разбили врага.

9. Никто не хотел помогать фашистам

Учащиеся нашей школы в годы войны принимали активное участие во всех делах взрослых. Продолжали собирать подарки для Красной Армии, выступали с концертами, читали старикам военные сводки из газет. Многие даже обучали аратов новой письменности. В те годы тувинская письменность перешла на русский алфавит. Учащиеся быстро и легко научились русской грамоте, стали помогать взрослым, обучали их. Араты их называли “маленькими учителями”.

Как всегда, дети аратов участвовали в весенних и осенних работах, ухаживали за скотом. Самое главное для учащихся — хорошая учеба. В каждом классе над доской висело написанное на картоне большими буквами напоминание: “Кто плохо учится — тот помогает врагу”. А кому хочется помогать врагу? Поэтому все старались учиться только на “отлично” и “хорошо”. А на стене коридора висел стенд-показатель успеваемости и дисциплины классов. На нем изображены аэроплан, конь, вол, черепаха. Под аэропланом

отмечался самый лучший по всем показателям класс — хорошей учебе, активному участию в общественной жизни. Под конем — чуточку отставшие от “летчиков”, под волком — посредственники, а под черепахой — отстающий класс. Колонка под черепахой в основном пустовала. Видимо, никто не хотел помогать врагу плохой учебой и дисциплиной. Только два раза наш третий попал под черепаху. Вот из-за чего: приехали врачи из Чадана или из Кызыла, стали делать прививки от какой-то болезни. Тогда почти половина нашего класса убежала, испугавшись уколов под лопатку. Мы спрятались в густой караганник и, там ждали, когда врачи закончат работу и покинут школу. Долго ждали.

...Вот наконец-то они выходят из школы — две женщины в белых халатах с чемоданами, с ними поселковый врач Хандынмаа и директор школы. Мы вернулись в класс только когда уехали эти врачи. Конечно, не обошлось без нагоняя. Вся школа построилась. Нас, дезертиров, выставили перед строем. Директор школы принародно объявил нас несознательными элементами, испугавшимися уколов “слабее комариного укуса”. Ставили в пример пионеро-героев, которые при страшной казни даже не пикнули. В результате мы попали под черепаху. Очень стыдно было, обвиняли друг друга, вспоминали, кто первым придумал прятаться от уколов. Попало и от родителей. А в остальном наш класс ни в чем не уступал другим. Приходили аккуратными, чистыми, несмотря на то, что кто-то из нас ходил в старых, заплатах шубенках. Санитары каждое утро перед началом уроков строго проверяли чистоту рук и ушей. Не дай бог, если найдут у кого-то длинные ногти с чернотой под ними, он тут же попадет в стенгазету. Особенно следили за пионерскими галстуками, чтоб они были чистыми, не мятыми. А к остальной одежде не так уж придирались, кто как мог, так и одевался. Ведь война шла, со снабжением было хуже, чем раньше. Все старались быть чистыми, аккуратными, хорошо учились. Таково было строгое требование военного времени.

Однажды наш класс опять попал под черепаху. Нас

подвел Кушкаш-оол. У него была привычка везде и всюду рисовать фашистскую свастику, проткнутую штыком. На клочке бумаги, на гладкой дощечке, даже на снегу он рисовал ту же свастику. Однажды он сумел оставить свой “автограф” даже на гладкообструганной доске двери школьной столовой — фашистский крест нарисован толстой жирной краской, а штык изображен тонкой линией. Издалека видится только крест. Это возмутило всех, особенно повара. Пришлось всем классом стирать крест, но не получилось. Что только ни делали: терли мокрой тряпкой, снегом, песком, а фашистский крест оставался на месте. К нам подошел старый дед Бызан — искусный плотник. Он, посмеявшись, сходил домой, принес свой маленький фуганок, провел им несколько раз туда-сюда — и от фашистского знака следов не осталось. С этого дня Кушкаш-оол бросил рисовать фашистский знак, проткнутый штыком. У него появились другие рисунки: летит самолет — сбрасывает бомбу; идут танки, стреляя по фашистам; вихрем несутся кавалеристы с саблями в руках. За такое творчество наш учитель хвалил Кушкаш-оола перед классом. Потом он стал художником нашей классной стенгазеты, я — редактором. Вот тут-то мы и развернулись. Особенно удачно получались карикатуры, нарисованные Кушкаш-оолом на нерях и лентяев. А у меня впервые появились в стенгазете стишки на разные темы.

Мы все старались учиться только на “отлично” и “хорошо”. Это было нашим основным трудом и обязанностью. Хороший труд считался хорошим ударом по врагу.

Те далекие грозные годы Великой Отечественной войны закаляли наши детские души, учили ненавидеть врага, любить Родину. Главное — выработывали чувство высокой сознательности с малых лет. В годы войны дети быстро росли, чувствовали свою причастность к великому делу нашего народа, свою ответственность за все, что делалось нашим народом во имя Великой победы над фашизмом.

Впоследствии из нашего класса вышли замечательные люди — учителя и врачи, артисты и музыканты, знатные чабаны и строители, партийные и советские лидеры. Став

взрослыми, они не утратили чувства ответственности, которое выработалось у них с детства.

Быстрым жеребенком пролетело наше детство — детство детей военного лихолетья. Я всегда сравниваю детство своих сверстников с цветами, выращенными на благодатной, здоровой почве, проверенной временем.

*Литературный перевод
И. Принцевой.*

КЫЗЫЛ-ЭНИК КУДАЖЫ

УЛУГ-ХЕМ НЕУГОМОННЫЙ

(главы из Серебряного тома, сокращенный вариант)

Улуг-Хем, как мне не продолжить эту историю? Как дальше не рассказать о судьбах людей, которые любили, страдали, ненавидели и сражались на твоих берегах? Как не вспомнить Сульдема? Как не пожелать доброго пути его потомкам? Как не завершить эту долгую историю — на том кратком отрезке времени, который отмерен мне жизнью? Слишком кратком, Улуг-Хем.

Анна

В московском медицинском техникуме имя Айны изменилось — стало звучать совсем по-русски: Анна, Аня, Анечка, Аннушка. А друзьям и вовсе — Нюта, Нюра. Но для паспорта нужна еще и фамилия. И отчество. Сначала тувинцы вместо фамилии брали название сумона: Кыргыз, Монгуш, Ондар, Сат. Но как-никак Айна — человек образованный, и это ей не по душе. Может быть, будет Анна Сулдем? Нет, хоть и привыкла Айна к слову “ачай”, но разве можно брать фамилию дедушки? Тувинцы соблюдают мужские и женские имена. И Айна в память о матери решила оставить себе ее имя: Анна Суузунмаа. Сначала ей было не по себе, когда называли имя покойной, но постепенно Аня привыкла.

Анна Суузунмаа. Решив назваться так, она вспоминала

свою недолгую историю — как росла маленькой Адаской, не умерла от сиротства. Как дедушка привез имя русского доктора Анны из Монголии. Как училась в Москве, как сама стала фельдшером.

Анна Суузуномаа. Приятно произносить это красивое имя. Анна — одна из первых тувинков, получивших образование в Москве, одна из первых, ставших медиками, эмчи.

Теперь Анна будет работать. Как ее любимые учителя, особенно директор техникума Павел Васильевич Лебеда-Чашпан-оол. Но сначала обязательно поедет домой. Дедушка и бабушка ждут — не дождутся, их белые головы то и дело поворачиваются в сторону дороги... а может быть, бабушка лежит на кровати, крепко-накрепко схватившись руками за ее края, чтобы не умереть раньше времени?..

Айне хочется многое рассказать родителям, братьям и сестрам, всем, всем: как она пешком шла через Саяны, как ехала на поезде. Про Москву, Кремль, Красную площадь, театры, парки, метро, Черное море... как ее чуть не исключили из техникума. Чтобы все рассказать, нужно не несколько дней, а месяцы. Анна Суузуномаа обязательно должна поехать к родителям.

... После Москвы Кызыл, хоть и столица, но не город, даже и не село, а тихая деревенька. Здесь четыре года назад голова Айны кружилась от шума. А теперь звенит от тишины. Когда идешь по улице, слышен перестук каблучков.

Каждый восхищается девушками, уехавшими в Москву и получившими медицинское образование. Каждый руководитель твердит:

— Теперь только работать.

Впрочем, тогда слово “работать” было главным. Слово “отпуск” появилось значительно позднее. И Анна не стала говорить о доме. Она спросила:

— Где я буду работать?

Ей ответили смешно:

— В больнице.

Конечно же, в больнице, прыснула в ладошку Анята. А Анна не стала уточнять, где именно располагается эта

больница. Не только ей, но и другим девушкам не дали времени на размышления. Врачей не хватало везде. Сарыг-Тараа поедет к подножиям Бай-Тайги, Серенмаа уже уехала в Барун-Хемчик, Хууракпан и Дакый-Сурун остались в Кызыле.

Самую интересную историю начала Серенмаа. Она привезла из Москвы новорожденную дочку и начала работать в Аянгаты. Вскоре пришел Николай Львов. Именно пришел. Пешком. Если бы парень добрался от Арбата до Солянки в Москве, никто бы не удивился. Но бурган знает, как он добрался от Москвы до Кызыла, Кызыл-Мажалыка и Аянгаты. Однако тут была не Москва, где осуществились желания молодых. Здесь разговор между Николаем и Серенмой не получился. Единственная радость — посмотрел отец на маленькую дочку. У человечка были светлые волосы, большие глаза, белая кожа. И стал он Николаю дороже жизни.

Но Серенмаа не поехала в Россию, а Николай не остался в Туве. Вдоволь покачав на руках, исцеловав ребенка, он сказал:

— Всю жизнь буду ждать тебя, на другой не женюсь.

Потом сын русского человека Николай Львов опять пошел пешком вниз по течению реки с тувинским названием Аянгаты. Бывают такие грустные истории.

А что было в жизни Дакый-Сурун? Тут не грустно, а страшно. После того, как расстреляли “контрреволюционную группу” Чурмит-Дажы, Хемчик-оола, Данчая, в 88-ом (241) номере газеты “Хостуг арат” можно было прочитать письмо “Дело о тщательной проверке Дакый-Сурун”:

“Женщина Дакый-Сурун, рожденная в сумоне Хендерге Улуг-Хемского хошуна, сейчас работает в больнице, на важном для государства посту... Родной отец Дакый-Сурун Намбырал был теократом-ламой, сыном главного камбы Хендергейского монастыря. В роду этих Шойдаров нет ни одного арата, все они, такие, как Демчи соржу, Бегзи демичи, Намбырал хелин, Домбай хаа, угнетали аратов, были феодал-теократическими эксплуататорами...

Контрреволюционные эксплуататоры Хемчик-оол,

Дашпаа, были старшими зятьями Дакый-Сурун. До выяснения контрреволюционного дела Хемчик-оола Дакый-Сурун приглашала к себе на чашку чая Хемчик-оола и его жену, и сама вместе с Доржу ходила в гости к этой контрреволюционной собаке.

... Дакый-Сурун и Доржу поддерживали экономическую и политическую связи с контрреволюционным Хемчик-оолом и его женой.

До выяснения дела контрреволюционной группы дети феодала Дашпаа жили в доме Дакый-Сурун. Мне кажется, надо проверить хорошенько Дакый-Сурун, принять меры.

Всезнающий”.

Что значит — “принять меры”? Бесконечно проверять, подвергнуть гонениям, схватить, лишит свободы, допросить, выслать... или не выслать. Страшна наша история.

... Анна поняла, что местечко Эми находится очень далеко, но отказаться было уже невозможно. Работать не на родине, в другом месте — это было для аратов еще одной революцией, касающейся родственных связей. Удивительно было — как это, работать не там, где вся семья?..

Четыре года назад пешком перешедшая ненастные Саяны, Сузунмаа получила отличный урок. К тому же была ловкой всадницей. Поэтому долгая дорога до Эми, до Тере-Холя для нее не составила труда.

...Маленькое село, затерявшееся в тайге, расположенное на небольшом открытом склоне, показалось ей странно знакомым. Ане казалось, что она давно знает эти места и этих людей с их хлопотами. Она приехала утром, когда по беспорядочно разбросанным улочкам торопились на работу золотодобытчики. Именно их руководитель потребовал, чтобы в Эми приехал медик. И предоставил фельдшеру дом со всем необходимым, где даже посуда была.

Анна неторопливо шла по Эми, изучая его по пути.

Позднее лето. Самое замечательное время в тайге Тере-Холя. Пospела ягода, вот-вот пойдет орех. Вода чиста, небо ясно. В задумчивости она не заметила, как подошла к небольшому дому, о котором ей говорил начальник

золотодобытчиков. Робко постучала в дверь. Никто не вышел. Замка не было, но это не значило, что хозяев нет — тувинцы не запирали двери. Поэтому она еще раз постучалась, громче. Потом дернула дверь и вошла.

— Это ты, Ким? — из-за деревянной перегородки послышался знакомый голос, — я тут вздремнул немного. Не торопись, аал, сейчас чего-нибудь перекусим. Место, где будем бить орех, недалеко. Туда еще никто не ходил.

Анна молча ждала. Мужчина появился из-за перегородки и увидел белолицую девушку с короткими блестящими волосами, огромными черными глазами. У него пропал голос. Анна тоже стояла в ошеломлении: Демир-Хая?..

Когда-то трое барыкских юношей, Демир-Хая, Кошкар-оол и ее брат Хойлаар-оол уехали добывать золото. В Туве много приисков, а вестей от парней не было.

— Ба!

Демир-Хая не мог найти слов. Ему не верилось, что он видит маленькую Айну.

— Здравствуй, акый, — поздоровалась Анна и протянула ему руки с тонкими, как ростки вербы, пальцами.

— Я не узнал тебя, Айна. Как ты изменилась!

Да и Демир-Хая уже не тот хрупкий паренек с обритой головой, бегавший в коротком овчинном пальтишке и мягких идиках. Смуглый, крепкий, с сильными руками. Лишь теплый взгляд карих глаз напоминает прежнего подростка.

— Садись, садись, сестренка, — заторопился Демир-Хая, — бедная моя, говори поскорей, где пропадала, откуда приехала?

Усевшись на стул, Анна коротко сказала:

— Училась. В Москве. Стала фельдшером. Сюда приехала работать. А Хойлаар-оол здесь?

Демир-Хая улыбнулся:

— Он уехал с Диспеек.

— С диспеек? Он никогда не любил кошек.

— Да не кошка. Мы так ласково называли русскую девушку, твою невестку. Кошечкой.

— Хойлаар-оол женился?

— И уехал вместе с женой в Барык. Вы не встретились?
— Я еще не была дома. Из Москвы прямо сюда. А как зовут его жену?

— Лиза.

— Красивое имя. А я теперь не Айна. Анна Суузунмаа.

— Мне все равно, сестренка. Что Айна, что Анна. Теперь почти у всех русские имена. Меня зовут Дима, Дмитрий. Хойлаар-оол — Коля. А Кошкар-оол...

Демир-Хая запнулся и стал торопливо наливать чай.

— Что Кошкар-оол?..

— Ты кушай, кушай, Анна... потом... бедный Кошкар. Мы его называли Гошей. Потом. Когда ты зашла, я подумал, что это Ким, мой товарищ. Он кореец.

— Я спрашивала не про Кима. — Анна строго смотрела в глаза Дмитрию.

— Да, да. Анна, ты ведь за ключом пришла? Меня предупредили. Ты не уходи, подожди немного, сейчас придет мой друг, ключ у него. Я и предположить не мог, что приедешь именно ты. Бедный Лю говорил...

... Забывшись, застыв на минуту перед Анной, Демир заметил, как похожа она на отца: Лю был таким же белокожим, черноглазым, с блестящей смоляной шевелюрой. Только Анна чаще хмурится, а Лю все хохотал, скаля ослепительные зубы.

В недоумении Анна уже не знала, о ком спрашивать. Кто такой Ким? Лю? Где Кошкар-оол?

В дом вбежал невысокий крепкий парень.

— Ты готов, Дима? — торопливо спросил он, но увидев Анну, резко остановился. — Здравствуйте.

— Вот его мы ждали, Аня, — сказал Дмитрий. — Познакомьтесь.

Вошедший протянул руку.

— Это моя сестренка, Ким, — просто сказал Демир-Хая. — Почти родная сестренка Хойлаар-оола. Она будет работать у нас фельдшером. Дай ключ.

Ким весело прищурился:

— Где ты прятал такую красивую сестренку, Димка? Нельзя так. Буду жаловаться в правление.

“Утихни” — незаметным жестом показал Демир. Ким

достал из кармана связку ключей и один протянул Анне.

— Ключик не простой, золотой. Этим все, что угодно откроете, даже сердце.

Аня наконец-то широко, по-настоящему улыбнулась, показав белоснежные зубы:

— Посмотрим.

Ийи-Тал

Государственный переворот. Например, в конце тридцатых годов в Ийи-Тале произошел маленький государственный переворот. Анай-Кару сняли с должности председателя женсовета сумона, председатель сумона Чудурукпай отправился в верхний мир, а секретаря партячейки Буяна посадили в тюрьму. Одним словом, переворот. Только крохотный.

На освободившиеся места пришли новые люди. Кызылбай из монгушей стала председателем женсовета. Председателем сумона назначили Хойтпак-оола из барыкских кыргысов. Секретарем партячейки стал Ногаан-оол. Все как на подбор, энергичные, справедливые, дисциплинированные, уважаемые. И биографии лаконичны, без задоринки:

“Кыргыз Хойтпак-оол родился в 1899 году в семье аратов. Сам выучился грамоте. В партию вступил в 1930 году. Не отклонялся от партийной линии”.

“Кыргыз Ногаан-оол родился в 1890 году. Из простого сословия. Сам выучился грамоте. Член ЦК ТНРП”.

Ногаан-оол и Хойтпак-оол проводили более спокойную политику, чем “пламенно революционный” Буян. Эти руководители хоть и критиковали людей, держащих личные хозяйства, но делали это без лишних эмоций, спокойно и практично.

В передовице “Шын”, опубликованной под названием “Товарищи бедняки, смело ведите борьбу с середняками” было сказано: “...невозможно, отбросив феодальные позиции, оставить в покое середняков. Только бедняки могут построить социализм. Но при этом — укрепляя связи с середняками...

Народный писарь”.

... Двое руководителей Ийи-Тальского сумона, не жалев ни времени, ни сил, объезжали арбаны, однако “укреплять связь с середняками” отнюдь не торопились. Работали много, араки в рот не брали, лошадей использовали своих, дополнительной оплаты не требовали. И упорно игнорировали середняков, имея свои резоны. Во-первых, частники платили налоги в казну в несколько раз большую. Например, аал середняка Соскара сдавал государству хлеба в несколько раз больше, чем целое хозяйство, тожзем имени Энгельса. Частники зимой и летом возили товар в Кызыл, отгружали бревна для строительства школ и клубов, сдавали шкуры, рубили дрова, чистили дороги, копали оросительные каналы, строили изгороди. И попробуй откажись — махом станешь “феодалом и врагом народа”...

Тем временем работа партячейки № 83 в Ийи-Тале шла своим чередом. И вся Тува знала об этом благодаря араткорам Маскыр-оолу, Кылын-оолу, Намарандып из кыргысов, Шанна из монгушей, Нас-Сурун из ховалыгов.

“Аревэ шыны” от 21 января 1937 года:

“Не дадим скоту погибнуть из-за снега

На территории Ийи-Тальского сумона Улуг-Хемского хошуна на главном зимнем пастбище толщина снега достигает пяти пальцев. На ногах у мелкого и крупного рогатого скота возникают раны от наледи. Нужно быть начеку: если зимой будем плохо ухаживать за скотом, весной начнется падеж.

Намарандып”.

Конец года, та же газета:

“Работа молодежи ячейки Ийи-Тала.

Если подробно рассмотреть работу ревсомольской ячейки Ийи-Тальского сумона Улуг-Хемского кожууна, то можно сделать следующие выводы:

1. При ячейке созданы пять просветительных кружков, где обучаются 177 человек.

2. Если в 1936 году в сумоне было 1693 голов скота, то в 1937 стало 1921.

3. Если в 1936 году ревсомольцы собрали 1243 пудов зерна, то в 1937 году — 1300.

4. Если в 1936 году накосили сена с 18, 5 га и застоговали 1194 пудов, то в этом году накосили с 51 га и застоговали 1448 пудов.

Нас-Сурун”.

В сумоне регулярно выходила стенгазета “Кызыл-тук”, на вывешенных страницах которой можно было прочитать о том, что происходит в Ийи-Тале, хошуне, республике.

“С второго по четвертое июля 1938 года в Кызыле прошло собрание женского актива Тувы. С радостью был воспринят доклад товарища Анчима, любимого вождя женщин республики. Да здравствует бывший руководитель женщин товарищ Таня! Да здравствует новый руководитель женщин товарищ Анчимаа!

Вот и все, товарищи.

Представитель Кызылбай”.

“Я родился в 1913 году. Родители мои — бедные араты. В нашем роду нет лам, шаманов, феодалов, чиновников. Сам я батрачил. Шесть месяцев назад вступил в партию. Своими руками разбил бубен шамана Силбии, за что был исключен из рядов партии. Об этой несправедливости объявляю всему миру.

Нелгун”.

“Некоторые члены ревсомола отобрали у женщин перстни, заставили снять, и сами теперь носят на разных пальцах.

Действительно видел”.

“По сравнению с другими странами в Туве очень много скота. В каждом орее по 80 голов, на каждого приходится 19 голов”. “Член партии Торлаажык напился с феодалом Енданом и сидел с ним в обнимку”. “Женщины скрывают побои мужей. Аратка Манмаа на хошунном собрании сфотографировалась с другими представителями, фотографию привезла домой. Муж разорвал ее и стал совать в рот жене”. “Невозможно представить — рожениц до сих пор привязывают веревками!”

Поступали заявления от желающих вступить в партию. Ногаан-оол сам выбирал их среди ревсомольцев и помогал писать:

“Подаю это заявление в ячейку Ийи-Тала в связи с тем, что хочу вступить в ряды партии. Я сам выучился революционной грамоте. Член ревсомола. Имею 96 голов личного скота, к зиме заготовил три стога сена, уничтожил пять самцов волков. Сдал в магазин два желудочных и четыре мочевых пузыря топленого масла, для строительства сумонной школы привез пять бревен, у которых толстый конец равен 40 сантиметрам, а тонкий 30. Учитывая вышесказанное, прошу принять в ряды красной партии.

Записано верно, Кыргыз Кодур-оол, сын Намарандапа, гражданин восьмого арбана Ийи-Тальского сумона УХК”.

Эми. Ай-Му.

Демир-Хая и Ким проводили Анну и ушли.

... По дороге она молчала. Кто такой “бедный Лю”? Что случилось с Кошкар-оолом? У Хойлар-оола русская жена... это жизнь, это хорошо.

Она сразу заметила, как опрятен предназначенный для нее маленький домик. Дорожка, ведущая к крыльцу, чисто выметена. Вокруг загороженные грядки. А сколько сорняков! Кто-то посадил эти грядки, но рука хозяина в последнее время редко до них доходила.

Внутри... Будто кукольный домик без кукол. Все готово: мебель, посуда, на стене портрет Конфуция. Лысый, с длинной, до пояса, белоснежной бородой, пожилой человек сидит, чуть подавшись вперед и держа руки в молитве. Над головой — иероглифы. Наверное, имя.

На другой стене — еще одна картина. Дракон. Пасть разинута, видны острые зубы. Огромные крылья, чешуйчатое тело, на лапах острые когти. Обе картины — подлинники. Купить такое — слишком дорого. Значит, это работы хозяина. Кто хозяин дома? Кто этот человек?

Анна ходила по комнатам, не решаясь прикоснуться к вещам. Пустой дом скрывал тайну. И село вокруг него вдруг стало чужим. Неведомое, с неведомыми людьми среди огромной тайги. Москва и даже Кызыл казались роднее и понятнее. Ей было страшно: как можно жить в этом маленьком поселке, в этом пустом доме?

... Она выдвинула из-под стола табуретку, примостилась на ней. Думала — “нужно разобрать вещи...” — и не могла стряхнуть с себя оцепенение.

На крыльце послышался топот. Дима и Ким. Еще несколько минут назад собирались в тайгу.

— Чей дом? — опять спросила Айна. — Он обжит, он не для нового жильца. Здесь есть хозяин.

Парни не ответили. С шутками растопили печку, стали готовить ужин. Ким вышел во двор.

— Дима, кто такой Ким?

Демир-Хая не торопился с ответом.

— Золотодобытчик. Здесь каждый золотодобытчик, сестренка. Строитель, овощевод, охотник, учитель, доктор... Все.

Кореец вбежал в дом с охапкой овощей и зелени. Анна поразилась:

— Где вы все это взяли в холодной тайге?

— Если они есть, то никуда не денутся, — серьезно ответил Ким, показывая на ладони. И вновь непонятно добавил:

— Бедный Лю...

Обед был готов. Трое сели за стол. Разговор не ладился, ели молча. Неожиданно Демир сказал:

— Аня, оденься теплее. Сейчас пойдем в тайгу.

Айна, уставшая от загадок дня, оделась и вышла на крыльцо. С одной из ступенек Ким бережно подхватил целую охапку лесных цветов.

... Нет солнца. Нет ветра. Нет звука. Не шевелятся метелки трав. Ни пчел на лепестках поблекших в сумерках цветов, ни птиц на ветках. Или просто так кажется? Лишь две могилы на холме видит Анна, и на нищих столбиках читает: “Гоша Кошкар-оол”, “Лю-Ай Му”.

Лю-Ай Му, бедный юный китаец, сколько прошло времени с тех пор, как, прикинув к возлюбленной, ты дал жизнь крохотной девочке. Эта жизнь еле теплилась в горестной семье Сулдема-охотника. Девочка громко кричала, и под ее свободный плач угасла от оспы твоя жена.

Ай Му, твои глаза были так черны, что насквозь видели ночь. Китаец Ай Му, дочь пришла и обнимает землю, в которой ты лежишь уже много лет. Она не знает и никогда не узнает, как целовала Суузунмаа пятнышко обмороженной кожи на твоей щеке, будто надеясь отогреть ее. Худенькая чернокобая Суузунмаа в обтрепанном тоне, в идиках, пропускающих воду и воздух, так любила тебя, Ай Му, что не стала жить после разлуки. Бедный ты батрак, твою дочь зовут Анна Суузунмаа.

... На обратной дороге они завернули в правление золотого прииска, забрали оставшиеся там медикаменты.

— Все, что смогла лошадь увезти, — виновато улыбнулась Аня. — Но из Кызыла обещали все время посылать.

— Уже завтра к тебе придут.

— Многие придут. И не только больные. В поселке нет женщин, которые рожали бы каждый год. Но со стоянок оленеводов будут приходить часто. Они будут бояться, потому что не видели никого, кроме лам и шаманов.

Дом, лишь недавно пустой и страшный, теперь показался Ане полным тепла. Иероглифы, стол, посуда, дракон и седой Конфуций на стене. Она присела на ту же табуретку, где пару часов назад чувствовала себя чужой и маленькой. Демир-Хая и Ким тоже сели, молча наблюдая за ней. Сгустилась темнота. Дима сказал:

— Охотник рано ложится спать и рано встает. Золотодобытчик тоже.

— Идите. Все хорошо. Я не боюсь.

Ей и вправду не было страшно. Не отводя взгляда от улыбающихся узких глаз Конфуция, Анна незаметно уснула. Кто во сне шептал ей о том, что золото может лежать в земле вечно, а жизнь человеческая кратка? Кто убеждал, что охотник может не поймать добычу, а она должна поймать и удержать жизнь?

Спи, маленькая. Спи, перешедшая Саяны. Спи, не побывавшая дома. Спи, нашедшая отцовский дом. Спи, Айна Суузунмаа, внучка Сульдема-охотника.

Старики Сульдемы

Детей у стариков Сульдемов много. Несмотря на бедность, всех вырастили, всех поставили на ноги. Можно было бы и отдохнуть. Да где уж там, переженились, разъехались кто куда. словно зерно рассыпалось. Старики больше о Буяне, которого увели под конвоем, беспокоятся, чем о непутевом Саванды, зяте оюннаров Соскаре. Больше, чем о Хойлар-ооле, уехавшем искать золото, да так и пропавшем. И от Айны давно весточек не было. Единственное утешение, оставшееся от дочки Суузунмы — эта девочка, внучка, выросшая на руках дедов.

Даже камень, брошенный в воду, и тот оставляет след. А с тех пор, как арестовали Буяна, обвинив в контрреволюционной деятельности за спрятанное оружие, да еще приплетя чинзе на шапке Сульдема, ничего о нем не слышно.

А Айна? Как-никак девушка, а вот уже четыре года не появляется дома. Сказала, что едет учиться, и пропала, как скользнувшая из лука стрела, как одичавшая верблюдица. Редко приносили помятые письма в растрепанных конвертах, где внучка хвалилась, что выучилась грамоте, учится на фельдшера-эмчи. Кое-как написанные Саванды ответы уходили в Москву и было неизвестно, дошел ли до Айны хоть один. Нынче наконец дождалась очередного письма от девочки. Пишет, что работает в селе Эми. Хойлар-оол вроде туда же уезжал мыть золото. Встретились ли они?

Вроде и не болеют Сульдемы, и не одряхлели, а тревожно на душе. Хоть на самом деле никогда они не оставались одни. Ребятишки Саванды, а их больше десятка, так и вьются возле деда с бабушкой. С рассвета допоздна у стариков времени нет присесть. И еда в юрте Сульдемов хоть и простая, но вкусная. Чолдак-Ой, единственный сын Буяна, живет далековато, и то прибегает, чтобы переночевать у деда хоть несколько ночей. Иногда приводит с собой дочерей покойного Чудурукпая. Так что юрта всегда полным-полна, и Сульдемы не дедают, где дети Чудурукпая, где Саванды, где Буяна. Все свои, все любимые.

Когда в Барыке создали коммуны имени Хемчик-оола, Сульдем не вступил в нее. А вот непутевый Саванды вступил, и на тракторе научился работать. Правда, после репрессий убрал железные буквы “Х” с копыт своего любимого Мухортого и капота трактора. Позже конь сдох, а “Фурдзон” угнали в Арыг-Узуу. Саванды остался пешим.

И руководители тожзема имени Энгельса пока не могли заманить туда Сульдема. Однажды в аал прискакал председатель партии по ликвидации неграмотности Шанна Монгуш. Спешился, по привычке сдвинул набекрень шляпу с полями. В юрте метко сплюнул в сторону очага. Сказал осторожно:

— Вступай в тожзем, акый. Это хорошее место для таких многодетных бедняков. Правда.

Сульдем не торопился с ответом:

— Погоди, не спеши, Шанна. Вот посоветуюсь с женой, там посмотрим.

Саванды опять согласился, не задумываясь. Что ему терять? В коммуны все нужно отдавать, все становится общим, от юрты до коня. В тожземе можно самому решить, коня или вола отдать обществу. А у Саванды скота и в помине нет.

— Я силен, мой Мухортый... — начал он, да вспомнил, что коня давно нет в живых. — Я и богат, и себе не рад. Принимайте в тожзем. Я любой работе рад, да и тетушка Чымчак-Сарыг все умеет. И дети подросли, сыновья совсем взрослые. У партизана Саванды патрон-сатрон еще имеется.

...Той весной ниже Даштыг-Кежиги стояли две юрты. Старики Сульдемы жили с Саванды на прежнем месте. В разгаре был сев. Кусты караганника покрылись желтыми цветами. На белых ивах, наполнившихся земными соками, появились сережки. Они трепетали при малейшем ветерке.

Совсем неожиданно приехал Соскар с детьми и женой. Был он в шелковой одежде, и продукты привез, и араку. И — вот странно — тут же прибыли сто лет носа не казавшие из Калбак-Арыг Чээнека Даргаа-Ха с Чочай, тоже нарядно одетые. Лошади их тоже были нагружены разными гостинцами.

Старики засуетились. Соскар-то ладно, куда он денется от родного гнезда. Дарган-Хаа, да еще с женой, совсем другое дело. Со времен манчжуров не показывался.

— Дети уши прожужжали о дедушке с бабушкой, — сияла красавица-невестка Ончатпаа.

— А мне-то как хотелось всех вас видеть, — тихонько заплакала Кежикмаа, вытирая слезы рукавом.

Невестка еще больше похорошела. Это уже не изнеженная дочка Опай чалана Оюннарв, а круглощекая женщина с высокой грудью, уверенной походкой. Но те же черные глаза сверкают на белом лице, тот же задорный нрав, как магнитом притягивающий людей. Улыбается, сверкают белоснежные зубы. А как говорит! Слушать и слушать хочется Ончатпу.

— Рассказывай, доченька, рассказывай, — раскраснелась от удовольствия Кежикмаа.

— Соскар так заработается, бывает, что и про еду забудет, и про сон. Все вспоминает того русского соседа, забыла, как его звали.

— Севээн-Орус, наверное?

— Он, он!

Слышится недовольный голос Соскара:

— Семен Лукич. Имя человека надо произносить правильно. Мама, правда, Ончатпаа очень похожа на его жену, Серафиму Мокеевну. Саша Губанов так когда-то сказал. Говорит, будто одна женщина, только одна тувинка, другая русская.

Хлопнула дверь юрты, вбежал Саванды, плюхнулся возле огня.

— Патрон-сатрон есть, партизан Саванды тоже есть. Как узнал, что приехали, бросил свою мотыгу, и сюда. Чымчак идет потихоньку. Я и богат и себе не рад, — поразился, заметив деспы, полное мяса. — Говорите, есть основание есть грудинку, есть повод есть курдюк?

Дарган-Хаа расхохотался первым:

— Есть основание... есть повод!..

— Дарган! Тебя не узнать! Ты моложе меня выглядишь...

— Конечно, — заметил Соскар. — Он теперь у нас хозяин тайги. Чистый воздух, лекарственные травы. Араку не пьют, табак не курит. Женился вот недавно.

Только приглядевшись, Соскар заметил, как плохо выглядит Саванды. Старше отца. Желтый нос еще больше заострился, на голове остался жалкий пучок светлых волос, глаза опухли, а губы истончились в ниточку. Бледный, будто ни капли крови в нем нет, осунулся...

По сравнению с ним Соскар как молодой бычок: шея крепкая, два кулака напоминают тяжелые песты, смуглый. Из голоса исчезли печальные нотки, которые слышались после гибели жены во время пожара. Печаль развеяла красавица Ончатпаа.

В этот вечер никто не говорил о прошлом. Какой в этом смысл? Если вспомнишь, будет эта история выше горы Куу-Даг с одинокой лиственницей на вершине, не поместится в Барыке...

К завершению разговора Соскар решительно сказал:

— Мать, отец, готовьтесь.

— Куда? Зачем? — всполошились старики.

— К переезду. Мы построили вам теплый дом, — нежно сказала Ончтпаа. — Он совсем готов.

Лишь на миг просияло лицо Кежикмы и сразу посерело:

— Куда я пойду из своей бедной юрты? Что делать с этой оравой? Что будет с детьми Саванды, Буяна? Хойлар-оол и Айна тоже с пустыми руками не приедут... Как я без них проживу? Нет, нет, не могу, не просите. Сами живите на здоровье в теплом и светлом доме.

Кежикмаа заплакала. Все сидели молча, растерянные.

Назавтра уговоры продолжила жена Дарган-Хаа Чочай. Еще недавно она пасла скот зажиточных людей, доила коров, мяла шкуры. Росла сиротой, не было у нее ни сестер, ни братьев. Потом встретила мужчину вдвое старше, стала его женой. Семья обзавелась юртой. И хоть Дарган-Ха почти безвылазно сидит в своей тайге, народ дивится: Чочай рождает одного за другим, ровно коза.

— Переезжайте, тетушка, — убеждала она Кежикму.

Не бродяжка, ждущая подачки по аалам, замужняя детная женщина просила, и голос ее был тверже и увереннее.

— Сколько можно нянчиться с внуками. Все встали на ноги. Теперь будешь водиться с моими детьми, кадам. Смотри, какие они: будто желторотые птенчики. Нет нигде стариков с такими добрыми руками, как у вас с Сульдемом.

— Не перевал перейти, не речку переплыть, — поддержал жену Дарган-Хаа. — Ну что за расстояние между Даштыг-Кежигом и Кошкелиг-Дагом? Рукой подать. Если боитесь, что в доме будет жарко, давайте захватим вашу юрту, поставим рядом. Не понравится — обратно вас привезем.

Старик Сульдем, с шумом пососав старую трубку из таволги, погладив козлиную бородку, наконец веско произнес:

— Переезжаем.

Чымчак-Сарыг, хоть и женщина, но все равно Саванды. Заплакала навзрыд. Она несколько раз на дню, бывает, затоскует, заволнуется, а через некоторое время опять смеется. Люди удивляются — как ребенок, глаза на мокром месте. Как эта женщина умудрилась нарожать детей, уму непостижимо.

— Сами уезжайте, — вдруг вскрикнула она. — Вы подумали, какво будет моим детям без дедушки и бабушки?

Но раз Сульдем сказал слово, оно — как зарубка на дереве.

Переезд — пустычное дело, если есть сильные мужские руки. Вмиг старая юрта Сульдемов осела. Дээвиир, ынаа легли наземь, волю были запряжены, а утварь погружена. Вскоре под плач детей и лай собак процессия тронулась.

Чымчак-Сарыг все тараторила вслед:

— Негоже старикам оставлять насиженное место...

— Негоже говорить лишнее, если имеешь язык, жена, — мягко сказал Саванды. — Тем более, если имеешь аал и детей.

Хоть и непутевый Саванды, но неглупый.

Чымчак-Сарыг окинул взглядом свою одинокую юрту, вытерла рукавом слезы. Там остались лишь самые младшие. Старшие, кто пешком, кто верхом, отправились провожать дедушку с бабушкой. Странно, что деды и внуки больше привязаны друг к другу, чем родители и дети. Так странно

и мудро устроил всевышний. Может быть, лишь поэтому род людской не прерывается.

Чымчак-Сарыг вышла из юрты с деревянным ведром. Без слез, сияя лицом, она шептала:

— Өршээ, пусть будет гладкой дорога стариков, пусть очаг их всегда ярко пылает. Пусть хорошо им живется на новом месте, пусть будут здоровы дети. Пусть скот будет жирным, пусть всегда будет у них молоко!

Держа в одной руке ведро с молоком, другой она сжимала ложку-девятиглазку с треснувшей ручкой, и молочные брызги летели вслед уехавшим.

Анна

— Что вы здесь делаете? Что случилось?! — Анна взволнованно требовала ответа от Кима, сидящего на крыльце.

Ким, не шевельнувшись, спокойно ответил:

— Вас сторожил.

— Зачем?!

— Думал, ночью станет страшно. Здесь тайга, бродят медведи, волки.

— Хорошо, — передохнула Аня. — Теперь, пожалуйста, идите отдыхать. И больше так не надо.

...Почти дойдя до калитки, Ким вдруг быстро вернулся и посмотрел Анне прямо в глаза. Солнце выглядывало из-за вершин тайги, и лица молодых людей были просвечены утренними лучами. Ким тихо сказал:

— Ваш брат Хойлаар-оол свою кошечку тоже так берег...

Корец резко отвернулся и почти побежал от дома. Анна пожалала плечами: “Странный”.

Позавтракав, она сразу стала приводить в порядок рабочий кабинет. Амбулатория будет здесь же, в доме. Дима и Ким предупреждали ее, что пациенты придут сразу, поэтому надо приготовить инструменты, медикаменты, расположить их, как учили. Не успела Аня навести порядок, как появились первые посетители.

В фельдшерском пункте начался прием. Только за первое утро туда пришли четыре человека.

И только за последним пациентом закрылась дверь, как крылечко вновь зашкрипело. Анна вышла на порог. Перед ней стоял молодой человек с огромной охапкой цветов. Вся его одежда — брюки, безрукавка, небольшая шапочка на голове — были из новенького коричневого сафьяна. Сверкали черные сапоги, рубашка была бела, как первый снег, а на ней горел ярко-красный галстук. Аня непроизвольно зажмурилась и потрясла головой. Щеголем оказался не кто иной, как кореец Ким.

Он протянул девушке букет:

— Я пришел, чтобы поздравить вас с первым рабочим днем, эмчи.

— Спасибо.

В минуту, когда Анна принимала цветы, Ким изловчился и поцеловал ей руку. “В такой глухомани!” — успела подумать девушка, смешалась и замолчала. Они вошли в дом.

— По корейскому обычаю рабочее место девушки должно быть украшено, — Ким поставил несколько оставшихся у него цветков в вазу.

Дом преобразился, наполнившись яркими красками и лесным запахом.

— У корейского народа замечательные традиции, — восхищенно улыбнулась Аня. — Как хорошо, что вы их не забываете. Спасибо.

Ким взволнованно молчал.

— Ким, вы хотите еще что-нибудь сказать? Н улице ждут люди, и порядок мне нужно навести.

Парень, не зная, как остаться еще хоть на несколько минут, выпалил:

— Эмчи, я болен...

Аня всплеснул руками:

— Ну вот! Я же говорила. Разве можно целую ночь сидеть раздетым на улице! Конечно, вы простудились.

Анна взяла тонкими пальцами крепкую руку Кима, считая пульс. В белом халатике она казалась еще более черноволосой. Брови взлет на белоснежном лице... Нежная рука прикоснулась ко лбу корейца.

— Пульс в норме, температура тоже.

Ким сопротивлялся:

– И голова болит.

– Откройте рот. Горло не красное. И зубы у вас замечательные. Такие у одного человека из десятиерых. Я не нахожу у вас симптомов заболевания, но могу написать направление в Кызыл, там есть более опытные специалисты.

– Нет, я хочу лечиться только у вас, – всполошился Ким. — Я заметил, что сердце бьется как-то странно, с перебоями.

– Снимите рубашку.

Ким стал торопливо стаскивать сафьяновую безрукавку, красный галстук, белую рубашку. Стоял нагой по пояс, сильный, шоколадный от солнца. Анна долго прослушивала стетоскопом сердцебиение юноши.

– Сердце у вас здоровое, – коротко резюмировала она. — Человек с таким сердцем проживет до ста лет.

– Почему же оно болит и так странно бьется? Что с ним делать?

Анна улыбнулась и тихо сказала:

– Ну вот что, Ким. Раз ваше сердце так болит, я поставлю вас на учет. Будете приходиться, я за вами понаблюдаю.

– Вот! — почти вскрикнул Ким. — Каждый день приходиться, да?

– Раз в месяц...

Анна задумалась на секунду и подняла черные, как июльская ночь, глаза на юношу.

– Приходите хоть каждый день, Ким.

Аал Соскара

В устье Барыка на Кулузун-Аксы появилось новое село со множеством скота. Конечно, на самом деле хозяином нового аала Сульдема был Соскар. И люди говорили: аал Соскара. Кто с восхищением, кто с завистью.

Жена Соскара, Ончатпаа, и впрямь была очень похожа на супругу Семена Лукича Домогацких, Серафиму Мокеевну. Чистоплотная, аккуратная, со вкусом одетая, и даже походка была та же: будто лебедушка плыла по жизни статная Ончатпаа.

А Соскар молчаливый, слов на ветер не бросает. Был бы болтливым, как брат Саванды, или самолюбивым, как Мангыр чейзен, хвастался бы напропалую: мол, мой Кулузун-Аксы. И то люди стали его передергивать в частушках: “устье Кулузуна — в руках бирюка Соскара”... Кулузун — просто ручеек. Но это место с сочными травами для скота, с водопоем. Не случайно бывший батрак Севээн-Оруса, научившийся у русского, как принести благосостояние в семью, выбрал именно эту местность.

Кто только не живет здесь. Для начала Соскар пригласил Дарган-Хаа с Чочай. Старший сын Ончатпы стал совсем взрослым, и юрту свою поставил здесь же, рядом с отчимовой. А уж сколько малых ребятишек в обеих семьях! И не только в них. Когда Буяна посадили, Анай-Кара сюда же перебралась с двумя детьми. Один из них был от Чудурукпая. И сироты Чудурукпая здесь же прижились. Хорошо, что много детей. Раньше они в чреве помещались, позже белый свет заполнят.

Потом одряхлевших родителей, Сульдемов, перевезли. И старшие ребятишки Саванды перебрались ближе к Соскару. Как магнит, притянул он к себе всю семью.

Дети растут, что ни год — свадьба, новая юрта. А коли новая юрта, то и новорожденные дети из каждой подадут голос. Какой тут аал? Тут целое село.

Это все в порядке вещей, испокон века так повелось, дети растут, женятся, своих детей заводят. Но тут произошло событие, от которого ахнули не только в устье Барыка, а во всем сумоне. Хойлаар-оол, мывший неведомо где, на краю света, золото, вернулся. И не один, а с русской женой! Русскую невестку привел!! И она тут же родила!!!

С удовольствием попивая чай, раздумывавшаяся Кежикмаа ворковала домашним:

— Помните, мы Айну провожали учиться? Все говорили, что вернется с русским парнем. Ан вот как все вышло. Теперь маленький русский появился. Интересно, вырастет, как будет разговаривать? По-русски или по-тувински? Если по-русски, совсем пропаду, языка-то не знаю!..

– Ничего, – ободрял жену Сульдем. — Я и в Монголии по-тувински говорил. Люди есть люди, дело не в языке.

Прослышав, что в аале редкие гости, прибежал Саванды. Суетился, болтал без умолку:

– Я и богат, и себе не рад. Заделаюсь переводчиком, мать. Я силен, мой Мухортый...

И вновь примолк, пригорюнившись, вспомнив, что любимого Мухортото давно уже нет.

Вот так Соскар построил аал в Кулузун-Аксы. Целую коммуны. Целый тожзем. Только названия нет.

Соскар руководил своим хозяйством, как научился у Севээн-Суруна. Даже маленькие дети заняты: девочки доят коз и овец, мальчики пасут отару. Взрослые строят, сеют, косят. В этом аале крик петуха слышится, куры кудахтают, свиньи возятся на лугу, белые утки, пестрые гуси появились на пруду.

Свадьбы справляют всем аалом. Дом построят или юрту поставят. Лучше юрту. Как без нее? Дом за скотом во время перекочевки за собой не потащишь.

За русскую невестку Лизу сильно волновались. Как она с нежным русским ребенком в юрте? Замерзнут ведь. Но Лиза только повторяла:

– Ничего, ничего, не волнуйтесь. И в юрте проживем.

Соскар посмотрел-посмотрел, а потом поднял на ноги родственников. Стали строить дом для Лизы. Все лето слышался стук топоров, песни пилы. К зиме дом был готов. Не казанак, не четыре стены, проект Соскар делал с умницей Ончатпой. Саша и Валя Губановы приезжали из Баян-Кола, советовали, как лучше. Даже кое-что из мебели привезли и семена овощей. Саша поставил четыре столба, чтобы лошадей подковывать. Уж Саша и Соскар друг друга понимали. Знали, что такое “выручай”, а заодно “хомут”, “сани”, “телега”, и все прочее мелкое, необходимое в хозяйстве.

Трудно было с другим. Налоги, наличные, натура. С каждым годом поборы увеличивались, как и план сдачи пшеницы государству. Языки Ногаан-оола и Хойтпак-оола замерзали при беседе с единоличниками. Вроде шибко и не

зовут в коллективное хозяйство... Налог сам за себя говорит. Мало того — границы земли частников все теснее и теснее. Ни в каком законе не писано, а хорошей земли, чтобы сеять хлеб, косить, скот пасти, будто не осталось.

Кто, не выдержав, вступал в тожземы, кто откочевывал дальше и дальше, до Монголии.

... А сумонные начальники Ногаан-оол и Хойтпак-оол усталости и жалости не ведали. Так и скакали на личных лошадях по аалам, ничего не упуская из виду, так и не спали, не ели толком, араки в рот не брали. Так и не просили у своих руководителей дополнительной платы. Их не просто уважали — боялись, не понимая.

...Араку из хойтпака
выпью залпом,
земляку Хойтпаку
пожелаю здоровья.

Тут и насмешка, и уважение, — поди, разберись. Тогда же в “Аревэ шыны” (“Ревсомольской правде”) опубликовали большое стихотворение об Ийи-Тальском сумоне. Писали секретарь молодежной ячейки Шимит-Доржу и фельдшер Маадыр-оол. Призывали аратов активнее работать, равняться на Хойтпак-оола и Ногаан-оола. Хвалили хозяйства сумона, критиковали недостатки. Особенно удачная, лукавая строфа о Халбаа, который пас баранов и козлов-производителей, и вовсе не сходила с уст:

“Вся причина в тебе, Халбаа”, — горланила с хохотом молодежь. Поголовье и впрямь росло.

Глава десятая. Отцы и дети.

...“Девятку” судили в Кызыле, чтобы другим было неповадно. Судьба “врагов” завершилась выстрелами в ночной степи в местечке Манган-Элезин неподалеку от Кызыла. Это было 16 октября 1938 года. Позже суды стали проводить по всей Туве. Будто играли: сегодня ты человек, завтра — негодяй.

Прошел всего месяц, и 20 ноября выездное заседание ЧС состоялось в Шагонаре.

“Гражданин 14-го арбана Шагаан-Арыгского сумона Улуг-Хемского хошуна обвиняется по статьям 30, 38, 10, минуя статью 8 УК ТНР. Тулуш Балажык родился в 1907 году. Тувинец. Имеет 13 голов скота. Окончил среднюю военную школу в СССР. Командир эскадрона Тувинской революционной армии. Здоров.

Обвиняется:

Вел агитацию против партии и правительства, сопротивлялся снятию с должности контрреволюционера Серена”.

“...Выездной Чрезвычайный открытый суд постановляет: вина негодяя Балажыка заключается в ведении вредительской работы против национал-революционной партии, правительства, трудового народа. В связи с этим применить высшую меру наказания, т.е. расстрел в течение 72 часов. Имущество вышеназванного конфисковать.

Председатель суда М. Сугдур.

Член заседания С. Онгай-оол.

Народный заседатель С. Биче-оол.

Секретарь Д. Дамдынчап.

20 ноября 1938 года. 2 часа 15 минут дня”.

Так четко и слаженно работали те суды. Даже минуту вынесения приговора указывали.

Через несколько дней на полосах газет появилось сообщение генерального прокурора ТНР “О выявлении и уничтожении проклятых врагов аратского народа”:

“... судебная коллегия МВД ТНР рассмотрела дело по отношению активной группы контрреволюционеров Чик-Сурун, Тевер-оола, Эренчина и Манлай-Байыра, и, руководствуясь ст. 10,11, 12 и 13 УК ТНР вынесла решение — применить высшую меру наказания, т.е. расстрел.

Президиум Малого Хурала ТНР считает беспочвенными ходатайства о помиловании врагов народа. Генеральный прокурор подтверждает вынесенное решение.

Генеральный прокурор ТНР Шоома. Кызыл, 1939 г. 25 января”.

Система прогрессировала. Изначальный “Чрезвычайный открытый суд” породил “выездные заседания ЧОС”. Родилась и “судебная коллегия”...

Очередное заседание выездного ЧОСа состоялось 26-27 февраля 1939 года в Чадане. Судили на этот раз “активных товарищей” Чурмит-Дажы, Хемчик-оола, Данчая. Опять состоялась казнь. Расстреляли Содунама Ооржака, Оруйгу Монгуша, Байыр-Хелина Куулара. Куру-Базыра Сата и Чамыяна Кара-Монгуша посадили на восемь лет.

... В мае 1938 года в Ийи-Тальском сумоне Улуг-Хемского хошуна открылась летняя школа. Сначала родители собрали детей в “красном уголке”. Сейчас бы его назвали “клубом”. Ничего похожего. В темном сарайного типа помещении единственным имуществом был сундук, где хранились шан и тун. Этими музыкальными инструментами пользовались, чтобы собрать народ. Шан — медные тарелки, тун — раковина-рог. В одни можно оглушительно бить, в другой — трубить до посинения. Перед дверью “красного уголка” — высокая лестница. Это сцена. Чего она только не видела, эта сцена. Отсюда читались стихи про великих товарищей Сталина и Току, здесь неуклюже делали постановки, в финале которых всегда разворачивалось красное знамя, отсюда славословили, критиковали, клеветали...

Особенно смешно было, когда несколько человек, возглавляемых Сержикеем, играли пьески. Ни слов, ни сюжета, каждый несет, что хочет и может. Вроде сначала договорятся, как играть, кто чиновник, кто его жена, кто революционный солдат... потом все перепутают, соврут, но красный флаг оконцовке все равно вывешат. Зрители смеются, издеваются, детям страшно, они вопят! Зато все понятно. Все про жизнь.

Однажды в Ийи-Тал приехал симпатичный парень Сема Оюн. Учитель. В военной форме, перепоясанный желтым ремнем. Лет ему, наверное, 16-17. Такое уж время — зимой школьники учатся, летом сами учительствуют в литпунктах и летних школах.

Араты вдохновились. Детей привозили на лошадях, пешком приводили. Причем среди недорослей были семилетки, а были и восемнадцатилетние женихи-невесты. Понятное дело, эти долго не задерживались. В итоге осталось где-то двадцать ребятишек.

Анай-Кара привела четверых. Из аала Соскара больше никто не решился, все ждали, что из этого выйдет.

Вышло, что за один месяц в летней школе дети выучились читать и писать. Учитель Сема отправил письмо в “Аревэ шыны”, где перечислил лучших учеников. Настала осень. Председатель пионерского бюро сумона Чамзырын Монгуш объехал все аалы, собрал детей, окончивших летнюю школу, для продолжения образования в начальной шагонарской. И тут Анай-Кара плакать не стала, а спокойно отправила четверых ребятишек в хошунную школу.

... Поздней осенью полыхнул дом правления Улуг-Хемского хошуна. Здание пожарной охраны располагалось рядом, его только построили, и на самом деле там жили мальчики из старших классов начальной школы. Они вместе с остальным народом толпились возле пожарища, носили воду и песок... Но от правления осталось лишь большое пятно золы на земле.

Вскоре пошли разговоры о поджоге. Однажды самый старший из школьников сказал:

— Говорят, что дом правления поджег старший счетовод Намдакай.

“Говорят”... “Говорят”... Это слово, будто давешний пожар, охватило школу. Дети Анай-Кары ходили, опустив головы: главный бухгалтер правления Кыргыз Намдакай был их родственником. Анай-Кара обязательно забегала к нему и его жене, приезжая в Шагонар.

Они, хоть и разновозрастные, все учились в одном классе. Втором. Первый окончили в летней школе. И, лишь услышав слово “вредительство”, сразу перестали ходить к Намдакаям. В том же классе учились две дочки Намдакаев, и дети Анай-Кары больше не разговаривали с ними. Слишком много они повидали на своем коротком веку.

Разговоры утихли, а после Нового года возобновились. На этот раз говорили не только о Намдакае. А что поджог устроили секретарь хошкома партии Даржаа, завотделом культуры Эртине, главбух Намдакай. Их посадили.

Вскоре перестала ходить на занятия учительница Уйнукай, которую очень любили дети. Вместе они ходили

гулять после уроков, устраивали экскурсии на электростанцию, на фермы. По пути она покупала арбузы и кормила ими ребятишек. Она была женой Эртине, “прихвостня облезлых контрреволюционных лис”.

В начальной школе Шагонара четыре класса. Те, кто ее окончил, считаются образованными людьми, их посылают в сумоны учительствовать. Араты при встрече с ними уважительно покачивают головами: мол, зачем столько наук?

Изначально в одном здании помещались тувинская и русская школы. Для тувинской позже стали строить отдельный дом. Работами руководил Бора-Хопуй.

... Да детям нет никакой разницы. На переменах ученики тувинских и русских классов смешиваются, играя. В кутерьме школьного двора образуются водовороты танцев и энергичных драк. Девчонки разучивают новые песни:

Если за-автра война,
если завтра в поход,
если че-е-рная сила нагрянет...

Или:

Бы-ы-ли сборы недолги,
от Кубани до Волги
мы коней поднимали в поход...

Звонок. Быстрый топоток, пыль клубится от легкого бега, тишина.

В классе директор представляет молодого мужчину:

– У вас новый учитель, дети. Дыртык-оол Оюн. Уйнукай больше не будет у нас работать.

Приглушенное дыхание, одинокий горький вскрик. Бедная башка Уйнукай, любимая Уйнукай...

Директор продолжает:

– Дети Намдакая, встаньте. С сегодняшнего дня вы не учитесь в школе.

Тишина. Две светловолосые девочки встают из-за парты, спокойно собирают книги, выходят из класса. Глаза опущены, ни взгляда по сторонам, ни прощания.

Теперь, наверно, все.

Но директор продолжает:

– Салчак-оол, встань.

Встает высокий мальчик. Он старше одноклассников на два года.

— Ты из Баян-Кола, из семьи Седипа.

— Да, башкы.

— Ты слышал, что отец говорил “Тока наклонится, Хемчик-оол выпрямится”?

В горле у мальчика застревает:

— Не знаю, башкы. Не слышал.

— Очень плохо, что не слышал, Салчак-оол. Ты тоже с сегодняшнего дня не учишься в школе.

Все?

Директор продолжает:

— Дети Анай-Кары из Ийи-Тала, встаньте.

Чолдак-Ой и три девочки встают. Молчат, склонив головы.

— Кто ваш отец? Вы путаете всех. То скажете — Буян, то — Чудурукпай?

Молчание.

— С сегодняшнего дня вы не учитесь в школе.

Четверо направляются к двери.

В классе почти никого нет.

* * *

Я уже старик, я слишком много знаю и помню. Но как странно, как мне непонятно до сих пор...

Тридцатые годы, и Тува обливается кровью. А одновременно, в те же самые дни, недели, месяцы — меняются ее люди, не то что перекраиваясь на русский лад, а просто меняясь. Как странно, что жестокая война за власть в верхах не стала помехой в переменах...

... Так вот, вырывая с мясом друг у друга разнообразные должности и привилегии, расстреливая, вешая, рубя головы, — борющиеся собственно за власть не получили ничего особенного. Не стали и помехой в развитии республики. Листая архивные страницы, я могу лишь удивляться, что происходило на нашей земле в те годы. В наследство — да и то не всем, — лишь тем, кто помнит и понимает, остались жгучая боль и стыд. Куда их денешь, что с ними поделаешь.

Разве что время поможет. Борьба продолжалась и в 1921 году. Боже ты мой, старик умирает со стоном, младенец рождается с криком. Так всегда.

Маленькая моя Тува. Что за народ у тебя? Сейчас мне, старому человеку, говорят, что тувинцы не имели своей письменности. Если так, то какой юноша с раскосыми глазами писал на скалах твоих, Тува? Кто высекал слова нежности и почитания на камнях? Тува моя, уходя в дальние миры, благословляю язык твой, людей твоих. Благословляю тайгу, степь, дороги, которые всегда к чему-то приводят. Седую свою голову прислоняю к Улуг-Хему. Будь благословен, великий. Прощай.

... Прежде чем появиться на свет, новая письменность Тувы прошла не одно испытание. В тридцатые годы набросок (нынче говорят “проект”) письменного нашего языка составил монах, старший лама Чаданского монастыря Лопсан-Чимит Монгуш. Тогда же люди стали учиться грамоте.

“Собрание Политбюро ЦК ТНРП.

Присутствуют:

Члены бюро Чурмит-Дажы, Булчун, Шагдыржап, Хемчик-оол, Дондук, Сотнам, Данчай. Кандидаты в члены: Бодагандай, Кундуп, Сандак.

Принимает участие: Нацов.

...IV. Согласно проведенной проверке каждая буква подходит фонетическому правилу тувинского языка. Исходя из этого, комиссия принимает за основу предложенный проект в шести пунктах. Назначить руководителем кружка по изучению тувинской письменности Дондука. Назначить членами кружка по изучению тувинской письменности Данчая и Тоткана”...

Вскоре всех их взяли. Лопсан-Чимита обвинили в том, что он “руководитель Ак и Шуйской контрреволюционной группы, шпион иностранной разведки”. Его расстреляли с девятью товарищами в 1941 году.

Это я, как всегда, торопясь, забежал вперед. Через год после того, как Лопсан-Чимит предложил свой вариант письменности, объявили об официальном проекте. Еще

через год стали выходить книги и газеты на тувинском языке. Появилось электричество, зажегся свет. Стали показывать кино. По дорогам побежали машины. Молодежь манили золотые и угольные прииски. Но главной отраслью республики оставалось скотоводство. Скотоводство. Жизнь, тепло, хлеб арата. Недаром первым вопросом вежливости в степи во все времена было:

– Здоров ли, в сохранности ли ваш скот?..

В Туве тридцатых годов было полуторамиллионное поголовье. Социалистической задачей к 1941 году было увеличение поголовья до двух миллионов.

“Араты! Увеличим поголовье скота до двух миллионов!”

– эти призывы занимали первые полосы всех местных газет. Они были понятны, потому что уже родилась тувинская письменность.

И ийи-тальцы не отставали от времени. В центральных газетах от 11 октября 1938 года публиковалось:

“... под руководством активистов... Хойтпак-оола... Ногаан-оола ... пришли работать... 24 человека. Два дня они работали под дождем, разбившись на три группы. Энтузиасты выполнили следующее:

- на территории 42 га 8 человек поставили снопы. Стоимость работ 21 акша;

- 8 человек взвесили 29 тонн зерна. Стоимость работ 30 акша;

- еще 8 человек просушили 25 тонн пшеницы. Стоимость работ 17 акша 50 копеек будет;

- 18 числа намолотили зерна, стоимость 75 акша.

Итого, прибывшие выполнили работ на сумму 145 акша 80 копеек. Расходы на них составили 61 акша 70 копеек.

Араткор Маскыр-оол”.

Председатель сумона прискакал с другого берега, кричал:

– Раньше мы пешком ходили! Теперь машины водим. Потом полетели на ироплане, потом поплыли на самодвижущейся лодке парохоме! Что потом будем?..

Как работали! Переходящее Красное знамя получили ийи-тальцы. Но и критиковали их тоже. В газете “Хостуг арат” опубликовали заметку под названием “Жаль брошенной машины”:

“ Осенью 1938 года со склада в Ийи-Тальский сумон привезли новенькую сенокосилку. Уже нынче эта машина осталась в поле без присмотра. Аалы оттуда перекочевали, а когда спросили у водителя Чамбала, он ответил, что сохранность техники — дело начальства. Что по этому поводу думают руководители сумона Хойтпак-оол и Ногаан-оол?

Защитник”.

Что за “Защитник”? Все знает, значит, свой человек. Свободный. И прав, что ругается. Доверили людям власть, технику, разве можно работать спустя рукава?..

Старики Сульдемы.

“Старикам не нужно перебираться на новое место”. Кто знал, что старшая невестка Сульдемов, произнеся эти жестокие слова, потом брызгала вслед молоком, желая отцу и матери здоровья.

В новом аале старик Сульдем долго болел. Сославшись на духоту в доме, поставил юрту на лугу возле речки. Приезжал фельдшер, привозил лекарства, которые не помогли. Кежикмаа тайком позвала шамана Элдепа, но Сульдем прогнал его. Что сделает шаман, когда близок день смерти. Пора, пора Сульдему отправляться в мир иной.

В отчаянии Кежикмаа билась оземь. Не зная, что делать, позвала ламу Сандака, родственника. Правда, тихонько, тайно от людей. Упала в ноги:

— Этот старик совсем занемог, — плакала. — Скажи, что делать. У кого повернется язык донести на тебя?

Горе старухи не тронуло ламу.

— Дядя должен предстать перед бурганом, тетушка. Ни одна лекарственная трава здесь не поможет. Положись на волю Всевышнего.

Все вынес старик Сульдем: нищету, пытки, пожар, войну, смерть. И никогда не обижался на жизнь: что мог, взял. Что мог, отдал. Самый главный, живой след — дети выросли, внуки повзрослели, и сам он запутался в своих потомках. Пора и честь знать. Вот только Кежикмаа...

— Милая, — неожиданно нежно позвал ее сдержанный Сульдем. — Даже Чингис-хан не смог удлинить жизнь. Что

она? Хрустнет, как сухой сучок, и нету. Позови Айну. Если Всевышний благословит, она поможет...

Айна, Анечка, где ты? Как на грех, и от Буяна никаких вестей, будто от камня, брошенного в омут Улуг-Хема. Даже пены не видно. Оставил стремя и пропал. Кто отыщет младших, любимых? Кто, кроме них, отгонит смерть от отца?

Буяна искали дальше Хайыракана, дошли до ОВД Улуг-Хема. Там его след потерялся. Соскар сам еле вернулся. Нужно, сказал, спрятать голову под плоский камень.

Анай-Кара, черный козленок, жена врага народа и феодала, Буяна и Чудурукпая, тоже попала под пристальное внимание “органов”. Спаслась не тем, что была партизанкой и председателем женсовета. Спаслась лишь тем, что была одинокой матерью. Партбилет у нее отобрали уже давно, за молитвы Зеленой и Белой Таре в Монголии. Припомнили далекое прошлое: чуть не убила Анай-Кара живого человека. И детей Анай-Кары недавно выгнали из школы. Как она будет жить дальше?..

Буяна искал Соскар до Хайыракана, Анай-Кара в Шагонаре, Губанов в Кызыле. Где еще искать сына? Подняться на Саяны? Нырнуть в Улуг-Хем?

Саванды в своей юрте бормотал сам с собой:

— Как плохо, что я пешком, как плохо, что нет Мухортого... Бедный мой братишка, мой воробышек. Я и богат, и себе не рад. — смешливый Саванды скрипел зубами:

— Одно слово, два кулака, братишка, да?

Это только пустая болтовня. Что может сделать Саванды? А Хойлаар-оол, таскающий за собой всюду беременную “кошечку” Лизу? У него брат, у нее отец, у стен тюрьмы они и поплакали вместе.

“Кошечка”, впрочем, ранее объездила с отцом всю Туву. Мыла золото, учила язык, обычаи. Что белит — мастер, что стирает — хозяйка, что тару толчет, жарит — настоящая тувинка. И подружилась со всеми, под русские песни женщины аала работают.

Навоз, простой навоз, который иногда использовали как топливо, Лиза, как могла, перенесла в огород, удобрила

землю. Даже золу эта зеленоглазая кошка не выбрасывает, а несет в огород, и все женщины подражают выдумкам Лизы.

В конце лета устье Барыка преобразается. Синее и становится выше небо, вершины тайги желтеют, луга усеиваются копнами сена. Идешь — и высокие травы спутывают ноги... на коне едешь — из-за полыни тебя не видно.

Поспели и овощи в огороде Соскара. На черноземе возле воды сплошняком стоят кусты картошки. Капуста вымахала в обхват.

Осень. Аал Соскара готовился к перекочевке...

*Литературный перевод
И. Принцевой*

Вячеслав БУЗЫКАЕВ

МАКАРИХА

главы из повести
(журнальный вариант)

Русская печь

НАША встреча с этой старой женщиной состоялась при обстоятельствах, лишней раз подтверждающих истину: ничего случайного на свете не бывает.

Любашка разродилась первенцем с трудом, с некими осложнениями, о которых главврач роддома, стройная седая дама в очках, предпочла не распространяться. Но зато настоятельно посоветовала вывезти молодую мамашу с младенцем на свежий воздух, подальше от загазованного пыльного города.

Проблем с отпуском, как ни странно, не возникло. Обычно мой ежегодный отдых приходился на зиму. Причины тому у шефа всегда находились, и довольно веские. А тут он даже не поинтересовался, что да как, а просто взял да и подмахнул мое заявление.

Оставалось выбрать подходящее место для семейного отдыха. Пока я прикидывал, что да как, из глухой дере-

веньки на имя Любашки пришло письмо, а в нем приглашение дальних родственников приехать, погостить недельку-другую всем семейством.

Я немедленно навел справки о тех местах. Получалось лучше некуда: и свежего воздуха вдосталь, и грибы под каждой березой, и поляны сплошь в клубнике, и в речке хариус плещется — чем не отдых! И лишь одно смущало: в деревеньке той жили люди старой веры — а ну как не придутся ко двору горожане?!

Однако все обошлось как нельзя лучше. Нам отвели пустовавшую на краю поселения избу о целых два крыльца. Рядом тихо струились светло-пресветлые воды. На другом берегу родника брала начало луговая тропинка, которая вела в лесную чащу. За ней по доносившемуся характерному шуму угадывалась горная речка, должно быть, та самая, харюзовая.

Я с ходу, натянув болотники, взялся углублять русло родника, наводить переправу на другой бережок. Для этого оказалось достаточным уложить на дно два больших колеса, невесть как оказавшихся в малом проулке, а на них укрепить три доски. Правда, доски оказались тонкими, а мостик довольно хлипкий, но все же гордость за содеянное вдохновляла меня. Я был весь переполнен новыми хлопотами, без которых откровенно скучал в городе. И вот теперь с головой ушел в деревенские заботы, заранее предвкушая радостные моменты завтрашнего поединка с хариусом, большим речным хитроvanом.

Вечер, однако, внес существенные коррективы в мои планы. Дальняя родственница, прямая еще в стати старушка, припожаловала в гости. В руках она держала большую банку молока. Молча передала ее Любашке и лишь затем, обмахнув лоб двуперстием перед старинной иконой в переднем углу, певуче произнесла: “Здорово живете!”

С моего языка чуть было не сорвалось привычное: “Привет!” Выручила Любашка. Она смиренно поклонилась гостье и молвила: “Здорово и вы живете, баба Стеша!”. Одета в длинную черную юбку, глухую черную же кофту, с низко повязанным на голове белым платком, женушка прямо-таки преобразилась. Еще каких-то несколько часов

назад она была горожанкой-модницей, а тут вмиг стала деревенской бабенкой. Строгой не только в одежке, но, должно быть, и в помыслах.

Но не это более всего поразило меня, а голос гостьи. Он у нее был грудной, по-девичьи звонкий, с неожиданными для ее возраста серебряными модуляциями. Если бы я не видел перед собой “старую калошу”, то без труда мог бы представить обладательницу дивного голоса юной девой.

“Юная дева”, меж тем, певуче обратилась к хозяйке с просьбой помочь смахнуть клевера за огородом. Не ко мне, пусть и не богатырского сложения городскому очкарику, но все же мужику, а к моей суженой, ни разу в руках литовки не державшей. Должно быть, чем-то я старушке не понравился, коли за все время короткого разговора она ни разу не обронила взгляда в мою сторону. Лишь на прощание обратилась ко мне с укором: “Бороду-то пошто бреешь?”. Ответа, однако, не стала ждать. Вновь певуче повторила свою просьбу помочь смахнуть клевера. Они хорошо ложатся под литовкой, добавила старушка, ежели по росе, ежели ранним утречком, до восхода солнца.

Прощай, рыбалка!

Ничего себе - помочь смахнуть! Пришлось махать литовкой целых три дня кряду, прежде чем клевера устало полегли в валки. Как назло, задождало. В короткие ведра мы с Любашкой, когда сынишка спал, переворачивали, тербели валки, чтобы траву подсушило солнышко. Чтобы, не приведи Господи, говаривала певунья, сеногной не прибрал к рукам труды людские.

А потом надо было еще сено вручную сгрести, поставить в копны, а копны уложить в зарод. Я умаился весь, прежде чем управился с непривычной работой.

На всю деревеньку было четыре мужика. Татарин Петр, чернобородый крепыш под пятьдесят, женат был на строгой староверке. Сам он лоб не крестил перед иконами, пил горькую и в будни, и в праздники, успевая, однако, вершить мужицкие дела. После очередного запоя уходил с ружьишком в тайгу, пропадал там несколько суток, возвращался под строгие женины очи тверезо-мрачный, неразговорчивый, с непременною добычей. Проходила

неделя-другая, Петр выводил своего трехколесного “скакуна” и укатывал в соседнее село. Назад возвращался навеселе, а в мотоколяске звонко побренькивало-позвякивало. В такие дни хозяйка не допускала его до светлицы, он безропотно удалялся под навес, пил водку стаканами, закусывая огурчиками из погреба. Пил до той поры, пока “окаянная” не сваливала его с ног в мертвецкий сон.

Фекла выходила из избы, прибирала бутылки с дьявольским зельем, взамен выставляла рядком порожние. Петр, очухавшись, бестолково озирал дюжину “стекляшек”, удивлялся собственной прыти: это ж когда он успел управиться с ними, окаянными? Шел к роднику, кряхтя и охая, обливал студеной водой из ковшика голову, плечи, грудь. Через часок молодцевато возвращался домой, где на столе уже ждал его грибной суп с маралагиной, густо приправленный сметаной. Долго и шумно хлебал, не раз прося добавки. Насытившись, виновато благодарил хозяйку и обращался душой и телом к накопившимся делам-заботам.

В верху ручья обосновался Мокей, кряжистый и шумный старик с рыжей бородой во всю грудь. Годков ему было за семьдесят, но в работе мало кто из молодых способен был угнаться за ним. Хозяйка его была ленива от рождения, все-то у нее валялось из рук, хлеба и то не научилась выпекать. Хозяин ловко управлялся и с квашенкой; к буханкам, правда, душа у него не лежала, а вот калачи выпекал отменные, по всей округе славились его калачи. Наезжающая в деревеньку молодежь, все больше по праздникам, непременно заглядывала к Мокею на свежие калачи. Тот гостям был рад, но от водки отказывался: грех-де великий вкушать государево зелье. Употреблял медовуху-травянуху собственного изготовления. Уж на каких таких травах настаивал ее, секрета не открывал, как ни дознавались у него любопытствующие. Действовала она всегда одинаково: голова вроде ясная, а ноги не слушаются, выделяют такие кренделя, что впору вновь учить их умуразуму - обыкновенной ходьбе.

Раза два-три в год рыжебородый упивался в стельку, и тогда в вечернем воздухе неслись визгливые звуки двухрядки и непристойные частушки, от которых старушки

испуганно прятались в избы, занавешивали окна, дабы и вовсе не слышать охальника.

Двое других мужиков вели жизнь тихую, уединенную, отстраненную от общих деревенских забот: Серафим, слегка тронутый головой, и Семен с хозяйкой Павлой, чья усадьба стояла за ручьем.

Остальное население деревеньки составляли старухи-вековухи, самой младшей из них перевалило за шестой десяток, самой старшей – Макарихе – за восемьдесят. Так что пара мужских рук, не совсем умелых, но крепких в работе, была нарасхват. Я уж и не мечтал о харюзовых поклевках, с головой ушел в нехитрое деревенское житье-бытье.

Любашка, как-то испробовав знаменитых мокеевых калачей, полушутя-полусерьезно обронила: “Вот бы и нам так наловчиться, а?” Вопрос повис в вечернем воздухе недосказанной нотой.

Наутро я молчком собрался и укатил на стареньком “Москвиче”, ни во что не посвящая жену. В город! Вернулся засветло, а за мной - грузовичок, доверху набитый оранжево-красными кирпичами. Никак особняк решил строить, ахнула Любашка! Да нет же, обстоятельно пояснил я, русскую печь – для твоей стряпни.

– Как?! - не поверила молодая женщина.

– А уж как получится, - привлек я ее к себе и нежно поцеловал.

Любашка страстно ответила на мой призыв. Лешка мирно посапывал в детской коляске, накрытой от мух тюлем.

Следующим днем выбрав время, мы вдвоем отправились в гости к старожилам - расспросить обо всем касаемом русской печи.

– А мы ее и не клали вовсе, а сбивали из глины, - в первой же избе огорошили нас. - Давненько, однако, было, я тады под стол пешей ходила, - вздохнула баба Стеша. –А потом эдак стала ходить моя доченька, а за ней – внучата, а ей ничо не деется. Печке то ись. Как стояла, так и стоит, исправно печет булки-калачи. Теперь уж никто эдаких не ставит, перевелись мастеровые.

Примерно такие же слова мы с Любашкой услышали и

в других избах. Вот те раз! И с натурой осечка получилась, и со знающими людьми. Лишь тверезый в тот день Петр мрачно посвятил в кое-какие детали. Раза два или три он помогал знакомому печнику из соседнего села класть “домашние пекарни”. Я дернулся было, но Петр враз охладил: третье лето как снесли печника на погост.

Н-да! Не везти же кирпич назад в город. И я по скучным рассказам деревенских стал вычерчивать на бумаге контуры русской печи. И когда, казалось, всю как есть увидел ее изнутри, взялся за дело. Разобрал по кирпичику плиту за стенкой, в соседнем “подъезде”, и уже после обеда выложил на полу первый ряд кирпичей. Он занял добрую половину хаты.

– Ну, мать, не только калачи будем печь, - улыбнулся я в сторону Любашки, – а и кости греть на старости лет.

– Да ну тебя! - благодушно отмахнулась женушка. - Выдумал тоже, до старости еще дожить надо.

– Доживем – весело заверил ее. - С такой-то печицей да с горячими калачищами!..

Клал печь неспешно, обстоятельно, подолгу обмозговывая очередную операцию. Иногда забредал Петр, как всегда, навеселе, охотно давал советы. Он где-то раздобыл уголки и заглавную деталь - спицу. “Без нее, брат, - гудел иерихонской трубой гость, - не печка, а лишь полпечки сподобится. Эдак!”

Стал замечать за женушкой новые, непривычные на слух словечки: “Эдак... Здорово живете!.. Спаси, Христос! Сподобились... Давеча...” И у самого нет-нет да проскальзывали в речи деревенские лексемы: душа просила их, настраивалась на нехитрый лад. “И то ладно!”

Я уже начал выводить трубу, как случилось непредвиденное: на моих глазах печь медленно осела - сначала одним боком, затем другим, а потом и вовсе ушла под пол. Катастрофа! Я лишь беспомощно хлопал глазами, снимал и вновь протирал очки, как будто от этих моих движений печь могла вновь занять отведенное ей в избе место.

Озлился на самого себя. Не на староверов, хотя не один из них не подсказал мне насчет фундамента. Ведь мог и сам догадаться, охламон! Какой же пол выдюжит, коли в один

только под, эту утробу печи, всыпал не менее тонны песка и битого кирпича. Ну и ну! От стыда я не знал куда деваться, а тут еще в глазах жenuшки что-то подозрительно запоблескивало. Слезы любимой женщины меня вконец dokonали. Почти бегом спустился к роднику, шаткими мостками перебрался на другой бережок, широко зашагал по вьющейся тропинке - в ту сторону, откуда до меня все грознее и грознее доносился шум горной реки. Так, впервые за три недели пребывания в деревеньке, я оказался на ее берегу - не азартным рыболовом, а печником-неудачником.

Поначалу не обращал внимания на стремительный поток, но вот почти неосознанно отметил про себя одно уловистое место, другое... Босоногим пацаном немало времени проводил на берегах горных рек, особенно увлекала рыбалка на мошку. Мог целые дни проходить с гибким удилицем в руках, весь отдаваясь азартному поединку с речным хитроvanом: кто - кого? Перехитрить стремительную рыбину, умелой проводкой мошки выманить ее из-под шапки пены на стремнину, спровоцировать на атаку - поклевку и, ни мгновением раньше, ни мгновением позже, подсечь пятнистого хариуса. О-о, ради этого счастливого мига я готов был часами пропадать на реке, забывая обо всем на свете...

Вернувшись с реки, запер дверь на крючок и принялся по кирпичику вытаскивать печь из-под пола. Всю ночь ни на минуту не прилег, не сомкнул глаз, торопился с выданным самому себе уроком. К солнцу восходу управился. Шумными глотками осушил литровую кружку молока и вновь ушел в работу: подводил балки под пол, укреплял их сутунками-стояками, готовил опалубку под бетон. Это дело мне было знакомо, как-никак в юности три года плотником-бетонщиком проработал на стройке.

На удивление себе и Любашке с новой работой управился вдвое быстрее. И когда затопили печь, когда весело затрещали в ее утробе смолистые поленья, когда от них остались одни угольки, когда Любашка очистила под для первых калачей, когда по избе распространился этот ни с чем несравнимый запах свежепеченого хлеба, я невольно прослезился.

Это была первая в моей жизни русская печь. И, наверное, последняя. Баба Стеша первой пожаловала на свежие калачи. Как всегда, с крынкой парного молока. С молитвой приняла из рук Любаши постряпушку, долго пережевывала кусочек, проверяя на вкус. Мы с нетерпением смотрели на нее, ожидая оценки.

— Есть можно, — скупой похвалила та. — Спаси, Христос!

Вот так мало-помалу, день за днем, шаг за шагом и состоялось наше близкое знакомство с бабой Стешей, дальней родственницей жены по материнской линии. В деревеньке давно уже никто не обращался к ней по имени, а все более кликал Макарихой. Павел Аверьянович Макаров некогда был ее суженым. Был да весь сплыл. Осталась от него одна лишь фамилия, да и то в сильно измененном виде — “Макариха”.

Покос

Все Петровки лил дождь. Он то стихал, и тогда в разрывах облаков появлялась небесная синь, то вновь частил по лужам, и тогда не верилось, что густая облачность когда-нибудь уступит место солнечным лучам. Двенадцать дней ненастья сменились, наконец, ясной погодой.

Ночью вызвездило, а утром солнышко, как и положено ему, выкатило из-за ближайших сопок и с ходу принялось за привычную работу, одаряя и лес, и луга, и скот на них, и людские фигуры, и всякую малую тварь долгожданным теплом и светом. Застрекотали кузнечики, запорхали бабочки, полетели за нектаром пчелы, полжизни потерявшие в тесных ульях в ожидании добычливой поры. . .

Макариха еще засветло натянула на ноги хоботы, по самые брови повязала платок на голове и, слегка опираясь при ходьбе на суковатую палку, зачастила мелким шагом по проселку к лесному кордону. Ей понадобилось часа два, чтобы одолеть путь. Несколько раз одышливо останавливалась, приложив ладонь к груди, успокаивала расшалившееся сердце: “Ну, будя тебе, работное, не в поре нежиться-то. Вот минет покос, тогда и...”

Макариха недовершивает начатую мысль, да и ни к чему. И без того ясно, что и после покоса заботы не отпустят,

не оставят в покое ее высохшее тело. А ведь оно вынесло многое, неподъемное в мирное время, но посильное в лихолетье. Да и как ему не быть посильным, коли на деревне не осталось ни единого мужика. Одни бабы, солдатки и вдовы, да за ними орава ребятишек мал-мала меньше. Всякую работу делали, и даже ту, с которой не каждый мужик мог сладить. Одно корчевание пней на месте бывших вырубок чего стоило. Распахали лесной подзол, высадили на нем капустную рассаду - ох и вилки запузатились на грядках в конце лета! Ни до, ни после таких уже не было. Знать, не только бабы, но и земля-кормилица расстаралась в помощи фронту.

Фронт... Где-то там, на его ратных полях, poleg ее муженек - ни бугорка, ни креста над его могилкой. Лишь казенная бумага, пожелтевшая, до дыр истершаяся от времени на сгибах, гласит: без вести пропал. Как это - без вести? Бился с супостатом не в одиночку, рядышком много было их, воинов-сибиряков, так нешто никто из них не узрил, куда пропал гвардеец Макаров. Это душа невидима глазу людскому, а тело-то, оно ведь не исчезает бесследно. А может, гадала Макариха, все его товарищи полегли в той ратной работе, схоронили их кое-как в общей могиле, а обозначить место не смогли, не успели, мог и вражина помешать. Вот и получились без вести пропавшие.

А какой был бравый да жадный до работы Павел! Все мог, все умел. На века строил, до сих пор все сделанное его руками прочно стоит на земле; сколь годков прошло, а усадьба ничуть не порушилась. Вместе с ней так и вековала то ли вдовой, то ли солдаткой она в ожидании суженого. Не дождалась. Свыклась с мыслью, что погиб ее защитник. Да и не он один. Из доброй дюжины мужиков, ушедших воевать, лишь один вернулся в родную деревеньку, и то без ноги.

За воспоминаниями о давно минувшем Макариха и не заметила, как одолела остаток пути. Удивленно глянула на лесникову избушку, узнавая и не узнавая места от неожиданной скорой встречи с ними. Узнала, и легкая улыбка тронула губы: "Ну вот, милое, а ты бастовало. Зря выходит", -

вновь усовестила она неровно тукающее в груди сердце.

А навстречу уже с лаем неслись мохнатые псы. Узнав гостью, разом встали, виновато завилияли хвостами, потрусили рядом к усадьбе.

Сашок, молодой лесник, резво сбежал с крылечка, не выдержав строгой осанки человека на государственной службе. Каждый раз при встрече с людьми он напускал на себя всю серьезность, на какую только был способен, но уже через минуту-другую забывал о своем намерении, приветливо щурил глаза, а губы сами собой, помимо воли, расплывались в улыбке, открывая щербатый рот. Три передних зуба Сашок потерял прошлой осенью, когда орешничал с артелью: промазал колотом по кедру и вместе с ним кувыркнулся с крутяка вниз; все бы ничего, да встретились его зубы с этим самым колотом, ну и...

— Здорово ночевали, баба Стеша!- громогласно поздоровался лесник.

— Здорово ночевали! - степенно откликнулась Макариха.

— Я чаю к тебе, унучек,- без паузы продолжила старуха.
— Петровки кончились, вот и энто... в самый, стал быть, раз...— неожиданно оробела гостья.

— Понимаю, - пришел на помощь хозяин. - В самый раз! Завтра ждите, прикачу в полном снаряжении.

— Вот и весь сказ.

— Может, чайку, баба Стеша, - попытался лесник остановить непоседу.

Какой там! Она уже торила обратный путь, лишь на ходу взмахом руки дала понять: некогда, милоч, потом как-нибудь, вдругорядь...

И вот так каждый раз — и в прошлое, и в позапрошрое лето. О порог не обопнется, хлопотунья!

Проводив взглядом старуху, Сашок не мешкая обратился к новым заботам. Первым делом взялся за трактор, от него перешел к косилке. Осмотром остался доволен. Да и чего там осматривать, еще неделю назад все подкрутил-подмазал, техника в полной боевой готовности. Теперь он с нею будет нарасхват. А то, что первые прокосы всегда начинаются с макарихиного луга, так это не им заведено. Деревенские

давно свыклись с таким порядком, не оспаривают первенство Макарихи и даже рады ей уступить, знают уже: если затарахтел трактор за речкой – значит, пришла покосная пора.

...Аккуратно, чуть ли не по корень срезанные травы уже через три дня подсохли, ломко сгибались в пальцах. “В самый раз!” И будто подслушав Макарихины мысли, на усадьбу к ней стала съезжаться родня. Припылил из соседней деревни на стареньком “Иже” Лука. Кто из них старше – мотоцикл или брат, Макариха уж и не помнит. Но зато помнит, как Лука некогда лихо погонял свой драндулет до дальних солнцепеков, усыпанных пахучей клубникой, а она, вцепившись обеими руками в его кожанку, лишь тихо ойкала да творила молитвы на крутых поворотах - до сих пор сердце замирает от той бешеной езды. Сдал Лука, сильно сдал. Но нет-нет да вспомнит былое, так разгонит свой “Иж”, что того и гляди седую бороду ветром сдует. В неразлучном танкистском шлеме военного покроя он выглядит молодцевато, этаким заезжим ухарем.

Немного погодя на усадьбе вновь затарахтело, хозяйка по звуку определила: “Запорожец”. Это уже внук Коля пожаловал. Старая не сдерживает терпежа, быстро-быстро минует сени, выкатывает на крылечко навстречу любимцу, троекратно целуется с ним. Все же не так часто видятся, как хотелось бы, в дальнем селе живет, за сотню верст, да и работа серьезная у парня – заведует нефтебазой, так что по гостям не наездишься. Последний раз виделись на Пасху, почти три луны сменилось с той поры.

Старая откровенно любит внуком: какой же он хороший да пригожий! Черный чуб не поддается никакому гребню, тугой волной скатывается на широкий лоб; глаза глубокой сини, а над ними брови черные вразлет; от всей фигуры веет сдержанной мужской силой, и лишь губы... Вот губы подвели парня: по-девичьи сложенные бантиком, они кокетливо улыбаются миру. Но зато пониже них есть на что поглядеть - широкий подбородок с ямочкой посередке выдает волевой характер. Вот в эту самую ямочку и расцеловала старая внука; она у него чуть ли не с младенчества обозначилась, и нянька

уже тогда то и дело припадала к ней губами, стоило мальчугану зареветь от обиды, либо от нечаянного укуса пчелы.

— Проходи, милоч, проходи, - налюбовавшись вдосталь, пригласила старая желанного гостя. - Щас похлебаем щти да и...

Похлебали, перекрестили лбы перед иконостасом и сноровисто собрались на покос.

К ним присоединилась Лукерья, семидесятилетняя, но все еще могучая племянница. Всякая мужская работа спорится в ее руках: хоть зарод сметать, хоть лошадь подковать. Мало уже окрест найдется таковых. А все потому, что холят-лелеют чад своих горе-родители чуть ли не до трех десятков лет. Дочки уже и в замужестве побывали, и в разведенках, а матери все ахают да охают: ах, кровиночка моя, ах не простудись, ой, не надорвись!

Вон катят одни из энтих! Пылят с большака. Го-ро-жане. Отец с дочкой, братец с внучкой. “Рыжий с пыжей-конопатой. . .”

Макариха обрывает сутемные мысли, мелко крестится: “Помилуй мя, грешную”. Напускает на себя, как и положено, светло-приветливый вид.

— Здорово ночевали, - певуче тянет Юлька.

— Здорово ты живешь! -- Старая притягивает к себе зардевшуюся внучку, целует в пунцовые щеки. Оглядев ее всю с ног до головы, укоризненно качает головой: и на каких таких дрожжах замешаны вы там, в своем городе — былинка былинкой, ни кожи, ни рожи, ни спереди, ни сзади. . .

Оставив внучку наедине с ее смущением, Макариха сдержанно поприветствовала младшего братца.

— Вот. Значица. На покос прибыли. Помочь надо бы. Одним-то неподъемно. Вот. Значица.

— Эдак, эдак, — охотно поддакнула старая. Все же не удержалась, уколола Вениамина: — Без твоей-то помочи и копы не сгоношим.

Остальные в разговор не вмешивались, лишь тайком улыбались, знали уже, какова городская помощь.

Едва Коля завел лошадь, впряженную в грабли пожаловали самые главные помощники - средний братец с двумя

сыновьями-богатырями. Из райцентра. Они всегда так - аккуратно к самой работе приезжают, ни раньше, ни позже. Их приезду, кажется, даже солнышко обрадовалось. Уж теперь-то, вконец уверовала Макариха, управятся со страдой, и никакой сеногной не грозит.

Едва Макариха, умело управляя Рыжкой, сгребла сено в первые валки, как мужики с вилами пошли вдоль них. Веселая эта работа: сенокосчики втроем упираются вилами в валок и по команде гонят его все дальше и дальше, пока он не разрастется до размеров копешки. А уж тут один из богатырей Игната вонзает в нее вилы и, поплевав на ладони, поднатужившись, легко подымает копешку высоко над собой. Плавно плывет она над головой покосчика, покачивается в такт шагам и затем разом опадает на означенное ей место.

Не прошло и часу работы, как на лугу выросло до десятка больших копен. Перекур! Горожане от жары и работы вконец разомлели: и без того огненно-рыжие, они теперь прямо полыхали ликами. Первой выказывает сострадание Макариха, не останавливая лошади, кричит в сторону городских:

— Передохните малость в тенечке. - Вполголоса добавляет: - Тошно смотреть на этих помощников.

Ей ли не знать, что заставило их приехать за сто пятьдесят верст из города. Сметанки дай, медку дай, маслицем-шанежкой ублажи, картошечки прошлолетошной ведерко, а то и два отсыпь, ну и само собой—свежего молочка налей. На этот счет “рыжим-пыжим-конопатым” припасен ведерный бидон. “Ну да Бог с ними! - крестится Макариха.- Свиделись, и на том благодарствуем”. А что касается медка-маслица, так она о том только и хлопочет, чтобы никого не обделить. Куды ж ей одной все это: десяток ульев, три дойные коровы, гуси, куры.. Ей в радость поделиться плодами своего труда.

...Солнце пошло на закат, когда на обочине луга встали три зарода сена. Их споро обнесли плетнем. Все! Покос завершен.

Макариха еще с полудня, закончив сгребать сено, передала Рыжка копновою. А сама вместе с внучкой вброд перешла присмирившую речку и уже вскоре захлопотала у

русской печи. Вполуха слушала городские новости, обсказываемые внучкой.

Надо расстараться угостить мужичков как следует. На славу потрудились, ничо не скажешь. Страда удалась, а значит, быть малому празднику!

Маадыр-оол ХОВАЛЫГ

МЕЛОДИИ АРЖААНА

Особый, удивительный мир аржаана.

Издалека сразу можно узнать, чьи на склоне горы палатки, слившиеся с разнотравьем: у состоятельных они как шатры у свиты Чингис-хана — островерхие, ослепляющие ярким цветом. Их хозяева в основном приехали просто так: подставить под струю целебного источника ляжки, сведенные судорогами от мягких сидений, прополоскать пересохшее от многословья горло. А палатки тех, у кого действительно не гнулись руки, ноги, кто стал тенью тяжелой работы, и чьи спины и шеи изъедены потом соленым, были как старая вылинявшая картинка, заплатка на заплатке напоминали рыбью чешую. Жилища временных хозяев аржаана отличались друг от друга, но струйки целебного источника, текущие по деревянным желобам, уравнивали всех.

Об этом подумал широкоплечий, уверенный в себе мужчина тридцати с небольшим лет, прихлебывая у костра вечерний чай, наблюдая за многочисленными палатками у опушки леса. Он обернулся, услышав позади низкий мужской голос, явно просящий о помощи, нарочно громко произнесенные слова:

— Аржаана! Разве не знаешь, дочка, за какие веревки натягивать палатку!

Только что приехавшая на легковой автомашине семья разбивала зеленую палатку, сливающуюся с цветом окружавшей ее травы. Задняя стойка палатки почему-то все падала на землю.

— Здравствуйте! Соседями будем! Меня Ондар Дадаром зовут.

— Здравствуй! Помоги, пожалуйста, браток! Моя дочь-студентка не знает, за какой край палатки ухватиться, — шагнул вперед мужчина. Грудь его напоминала сундук. Подавая руку, он произнес фамилию, похожую на имя. По лицу его можно было без труда догадаться о словоохотливости.

— Да что палатка, мы ее так быстро поставим, что даже заика не успеет произнести “а”. Ты, сестренка, только поддержи вот эту стойку, — сказал отзывчивый Дадар, несколько раз взмахнул руками, повертелся, побегал вокруг палатки, и временное жилище на неделю было готово. Когда благодарная семья с двумя детьми ушла освящать исток аржаана, Дадар на ходу раза два споткнулся о веревки своей же палатки.

Его лицо, раньше не знавшее и тени печали, после разговора с новыми соседями вдруг стало задумчивым, предвещая что-то, как внезапно нависшие над аржааном слоистые облака. Дадар был здоров, как бык, и сам бы не смог толком ответить, зачем он приехал на аржаан. Он оглядел свою палатку, по одной стороне которой лежала постель, а по другой продукты и его неизменный спутник — мандолина, и глубоко вздохнул. Странное дело, в голове загудели звуки всех желобов аржаана. В этих мелодиях растворились образы людей, приехавших на лечение, и образ жены, отдохавшей на курорте Үш-Белдир. Неотвязной стала мысль о старшей дочери новых соседей, нечаянно задевшей его своими мягкими пальцами и, несмотря на смущение, смело взглянувшей в упор юными глазами. От этой сокровенной мысли у Дадара будто свело судорогой мышцы: он забыл прежнее намерение идти к знакомым, чтобы поиграть в шахматы, и отказал соседу, звавшему на Чурек-Аржаан, самый холодный, куда ходят сердечники. Его мысли от мира аржаана переключались к глазам двадцатилетней студентки. Он вздрогнул, застыдиллся своих мыслей: среди больных людей, скованных болезнями, разве можно увлекаться девушкой? Вместо ответа его обожгла, как раскаленным железом, холодная струя аржаана. В карих

глазах Дадара появились живые искорки, и ему показалось, что солнце взошло с западной стороны света. Все стало радужным, а сам он будто сбросил с себя десять лет.

– Зовут меня Аржаана, учусь на последнем курсе.

Ее голос был похож на звук падающей с тонкого желоба струи аржаана. Дочь новых соседей подавала пиалу с чаем у костра родителей. Дадар сильными, жилистыми руками удивительно ловко взял пиалу и не спускал глаз с девушки. В сумерках, когда небо над горами затянулось синеватой пленкой и выглянула круглая луна, Дадар заиграл на мандолине. Он не замечал, какую мелодию, что за песню играет, его сердце и душа сочиняли ее сами, подбирая нужные ноты. “Почему до сегодняшнего дня я был просто засоней?” – подумал он, вслушиваясь в землю сквозь постель. В голове звучало биение похожего на ее кулачок сердца, стучавшего всего в десяти шагах от него.

– Мама, если вы не пойдете, то можно мне с дядей Дадаром сходить на Чурек-Аржаан? – сказала Аржаана с едва заметной дрожью в голосе. Биение сердца Дадара, казалось, разнеслось эхом в горах, кровь начала выходить из жил, и аржаан теперь напоминал ему рай, созданный для соприкосновения его души с душой юной девушки. Синие бабочки, порхающие над разноцветьем; похожие цветам на аржаан, напоминающие фланелевые, соцветия бесчисленных эдельвейсов; потные ладони, словно бы нечаянно встретившиеся, а потом соединившиеся; внезапный горячий поцелуй среди зеленых лиственниц...

А вечером у костра гостеприимного Дадара, речь и смех которого напоминали песню всех желобов, новые соседи, уже успевшие проникнуться к нему симпатией, восхищались трогаящими за душу мелодиями его мандолины. Аржаана, в душу которой вошли мелодии и отзывчивый взгляд незнакомого, но успевшего стать близким мужчины, шла нехотя к палатке вслед за своими родителями. На протяжении всей ночи, всего на расстоянии десяти шагов, ее сосед, потерявший сон, не сомкнул глаз, вслушиваясь в биение ее сердца.

– Аржаана, сегодня вечером я уезжаю домой. Кончился мой отпуск...где можно тебя найти? – как шестнадцать лет

назад, когда впервые знакомился со своей нынешней женой, несмело, почти шепотом спросил назавтра Дадар. Цвет лица его теперь стал похож на грозовые тучи, нависшие над аржаном.

– Новосибирск, торговая академия... если точнее, Металлургов, семнадцать. Двадцатого улетаю. Буду ждать. Перед отъездом прошу вас... дядя Дадар, попросить прощения за все это... у Хозяина аржаана. Я тоже буду просить, – хотя слова произносились медленно, но произвели впечатление удара грома.

– Если я потеряю Аржаану, найденную в прекрасном мире аржаана!...

Дадару показалось, что эти слова он когда-то уже произносил.

Юрий Некрасов

ОСТРОВ СПАСЕНИЯ

главы из повести о первой в республике школе

*Если я говорю языками человеческими и
ангельскими, а любви не имею,
то я – медь звенящая или кимвал звучащий.*

Апостол Павел

Первое послание к Коринфянам Глава 13, стих 1

Тенистые своды памяти

“Где-то, когда-то, давным-давно тому назад...”

Где-то, когда-то ...

Давным-давно...

Теперь, перечитывая тургеневские строки, скованный их леденящей красотой и грустью, я думаю о жуткой безнадежности этих вот слов: “И все они умерли... умерли ...

Как хороши, как свежи были розы...”

Это неправда! Они для меня не умерли, мои товарищи и друзья. Они навсегда со мной. Живые! Просто исчезли

куда-то на время, но скоро вернутся, и мы наговоримся вдосталь ...

Но куда уйдешь от неизбежного?

Да и ко мне пришла моя осень. Правильно сказал давно ушедший из жизни писатель Юлий Айхенвальд: “Что и говорить о той печальной поре, о том вечере жизни, когда и тридцать лет осталось далеко, далеко позади и лишь короткая тропинка отделяет тебя от твоего последнего жилища? Тогда особенно хочется уйти под тенистые своды своей памяти, в аллеи прошедшего, и воскресить своим чувством и воображением некогда родные и близкие тени. Желтые листья осени, призраки отцветших весен, пожелтевшие листки заветных писем.

Чтобы лучше понять настоящее, необходимо оглянуться на помертвевшие дали прошлого”.

Я назвал свою книгу “Остров спасения”. Так кто-то сказал о школе. Это удивительно верно – остров спасения и есть. Разве можно найти другое место, где издревле поселились любовь, сострадание, милосердие. Школа! В ней утверждаются ценности, противостоящие распаду, стремление сделать жизнь лучше. Она воистину - остров спасения от скверны жизни.

Все начинается со школы, а в школе все начинается с учителя, этого бескорыстного труженика “Острова спасения”. Его самоотверженность и самоотдача обеспечивают порядок и жизнедеятельность на острове.

Это было в начале 1950-х годов. Я учился тогда в 7-ом классе школы № 121 Ленинграда. Школа соседствовала с огромным заводом “Красный Октябрь”. С четвертого этажа, из своего класса, я видел корпуса завода, машины, людей, восхитительный паровозик, таскавший по территории завода вагонетки, груженые всякой всячиной. Учитель истории, указывая в окно, говорил, что до революции этот завод был собственностью буржуа-капиталиста, а теперь он всенародное достояние, то есть наш с вами завод. Я знал, что на “свой” завод я смогу попасть только в качестве простого рабочего, когда подрасту, а пока могу лишь

любоваться им с высоты четвертого этажа своей школы. С земли же ничего увидеть было нельзя. Высоченная кирпичная ограда отделяла завод от улицы.

Из урока в урок я видел заводской двор, покрытый копотью и грязью, серый, скучный, удивительно неинтересный. И вдруг я услышал, что учитель говорит о каком-то английском моряке, спасшемся после кораблекрушения и оказавшемся на чудесном острове. Это было похоже на приключение Робинзона Крузо. Но моряк был другой и остров совсем не походил на остров Робинзона. Это был прекрасный остров, прекрасный особенно тем, что на нем жили люди, много прекрасных, счастливых людей. Назывался остров странно – “Утопия”. “Утопия” воспринималась учениками как что-то отрицательное, неприятное, а остров с таким названием был воплощением прекрасного. И жили на острове счастливые люди, они трудились в меру своих сил и пользовались всем, что им было нужно бесплатно, “по потребностям”, говорил учитель. Что тебе нужно, то и бери на складе. Ах, как хорошо! Я бы взял велосипед.

С тех пор школа стала представляться мне прекрасным островом, островом спасения. Я был воспитанником детского дома. Жили мы, детдомовцы, в своем замкнутом, отгороженном от мира, мирке. Высокий забор отрезал нас от жизни города. Самовольно выходить за забор запрещалось. Но учились детдомовцы в обычной школе, вместе с “домашними” ребятами. Тут уж никуда не денешься, выпускали нас за забор, и мы попадали в обычную жизнь обыкновенных пацанов. Им-то было все привычно, а нам - свобода, пусть и иллюзорная.

Мне часто вспоминается моя первая в жизни школа, мой первый остров спасения, на который выкинуло меня бурное море жизни. Это был первый послевоенный учебный год. Это было на Смоленщине, это было в деревне, которую и деревней-то назвать было нельзя. В ней не уцелело ни одного дома, люди ютились в кое-как сколоченных временках, а то и просто в землянках. Для школы приспособили

чудом уцелевший сарай. Мужики, тоже чудом уцелевшие после войны, прорезали в стенах сарая окна, кое-как застеклили рамы кусочками опять же чудом сохранившегося стекла, сколотили из досок длинные столы и лавки. И начался мой первый урок. И появилось главное чудо – моя первая учительница. Она была не из этих мест, она была “городская”. Нас поразили ее белая кофточка, ее плиссированная юбочка, ее туфельки. Она была очень молоденькая девушка, пожалуй, девчонка еще. Деревенские бабы и мужики называли ее запросто, но с необычной лаской в голосе, Катюшей. Ну, а для разновозрастных первоклассников она была Екатерина Петровна. Я закончил в этом сарае первый класс. Потом я попал в совсем уж необыкновенную школу – школу Института хирургического туберкулеза в Ленинграде. Мою вторую учительницу звали Ольга Ивановна. Она, разумеется, как и все врачи, медсестры, нянечки и дядьки-силачи, переносившие наши тяжелые, закованные в гипсовые панцири тела с кроватей на каталки, везли нас на разные процедуры, привозили обратно и снова укладывали на кровать, она приходила на уроки в белом халате. Но она, наша учительница, все равно отличалась от всех, потому что она была смотрителем “острова спасения”, как смотритель маяка, она несла свет знаний, который должен был вывести нас на широкий фарватер жизни, как корабли, заплутавшие в темени ночи.

Через три года врачи поставили меня на ноги, а Ольга Ивановна выдала справку об окончании четвертого класса. И определили меня в детский дом № 51, и стал я учиться в огромной ленинградской школе № 121, и услышал на одном из уроков рассказ учителя об острове Утопия. И с тех пор школа для меня уподобилась острову Спасения. Спасения от чего? Прежде всего от неразберихи жизни. Здесь, только здесь спасаются дети от невежества и бездуховности, здесь говорят о любви к Родине, здесь учатся любви ко всему прекрасному. Здесь Учитель осуждает предательство, ложь, скаредность. Как же мы все должны заботиться о школе, об этом острове спасения, чтобы не погибнуть в пучине

мракобесия, как погибли в морской пучине моряки, спутники того человека, которому посчастливилось спастись на острове Утопия. Будем только помнить, что “утопия” значит “место, которого нет”, а школа - вот она, хоть пощупай, стоит.

Ну вот и ко мне пришла моя осень. Закончилась служба на острове спасения. Как старый капитан, я в последний раз осматриваю каюту своей жизни, собираю многочисленные записки и блокноты, оглядываюсь на стены, с которых сняты карты, и уйду под “тенистые своды памяти” о прожитом.

Глава первая

В НЕВЕДОМОМ КРАЮ

Новенький.

В Кызыле, шлепнув печать на мое направление, заведующая облоно сказала, улыбаясь:

- В Туран поедете. Там мужчины нужны. Директор все мужчин требует. А то, говорит, у меня девичий монастырь какой-то, а не коллектив жизнерадостных педагогов. Мужчин присылайте, только мужчин. Невест у нас полно, а женихов нет. Как закрепшишь кадры? Мужчин присылайте!

- А кто там директор? - забеспокоился я.

- Женщина! - с ударением молвила заведующая и, продолжая загадочно улыбаться, добавила: - Маленькая... да удаленькая. Сами увидите...

В середине необыкновенно жаркого августовского дня я оказался в Туране.

- Бывай! - крикнул на прощание шофер, хлопнул дверцей кабины и укатил. Я остался один на обочине дороги с рюкзаком и большим чемоданом.

Есть у Ивана Николаевича Крамского картина “Христос в пустыне”. В глубокой задумчивости, отрешенный от мира, сидит Спаситель на камне. Кажется, ничего не существует для него, кроме этих тяжелых, скорбных дум.

Вот так же сидел и я на своем чемодане в тот знойный день. У ног моих вместо камня лежал туго набитый всякой

всячиной рюкзак. Горьковатый, теплый и печальный запах полыни заполнил все вокруг.

Жара, полынь, едва ощутимый поток прокаленного воздуха и – никого. Действительно, пустыня.

Я взглянул на широко распахнувшуюся долину. Дорога, по которой только что прикатил меня веселый шофер, шла несколько в стороне и выше поселка – у “подошвы” высокой горы Хайбар. Долина, или котловина, как именуют это место географические справочники, была окружена цепью гор и горушек. Дно котловины напоминало по форме ладонь, направленную пальцами на восток. В эту восточную часть и была брошена кучка серых деревянных домов, скорее изб и избышек, сараев, бань и дощатых уборных, приметно торчащих несколько в стороне и ближе к обширным огородам. Какой-то порядок придавала этому хаосу речонка, сплошь заросшая серым невзрачным кустарником. Домишки притиснулись к речке, образуя неровную кривую улицу. Параллельно ей тянулись еще две. Какой там город! Маленькая неухоженная деревня. Житель прекрасного мегаполиса, я не мог не усмехнуться описанию этого города в “Советской энциклопедии”. Величественно пишут в энциклопедиях: “Туран, город, центр Пий-Хемского района Тув. АССР. Расположен в Турано-Уюкской котловине на р. Туран (лев. приток р. Уюк, впадающей в Бий-Хем), на Усинском тракте Абакан-Кызыл, в 70 км к С-З от Кызыла и в 367 км от ж.-д ст. Абакан”.

Значит, вот этот полувысохший ручей и есть “р. Туран, лев. приток р. Уюк, впадающей в Бий-Хем”, а я сижу на обочине Усинского тракта с точной географической отметкой: 70 км от Кызыла, 367 от Абакана. В энциклопедии говорилось еще о том, что в городе находятся промкомбинат, лесхоз, две средние школы, школа мастеров сельского строительства и еще что-то. Словом - есть где приложить свои силы.

Посреди деревни над домишками высилась бревенчатая удивительно красивая церквушка. Шатровая кровля ее колокольни, купол храма и крыша под ним были окрашены в ярко-изумрудную краску. Это стройное, истинно русское сооружение примирило меня с городом-деревней.

Долго искал я глазами школу, но так и не нашел.

– Мальчик, где тут у вас школа?

Парнишка лет двенадцати – застиранная, когда-то белая майка, замызганные штанишки, тапочки на босых ногах – затормозил свой бег, взглянул, почему-то усмехнувшись, на меня и небрежно махнул рукой в сторону церкви:

– Да вон она, рядом с церковью. Туда и иди.

“Иди”, – отметил я про себя и приподнял чемодан с рюкзаком.

– Дай помогу, – мальчишка схватился за ручку чемодана.

– Ух, какой тяжелый! Что у тебя там?

“Затыкал”, – возмутился я, вслух же сказал: – Книжки.

– Оставь у мамки, – посоветовал мой будущий ученик.

– Мамка тут работает (мальчик кивнул на избу, над дверью которой значилось “Столовая”), подавальщицей, еду разносит. А то тяжело до школы тащить. А в школе есть машина. Привезут. Ты зачем приехал? В десятый, наверное, поступать. У нас интернат есть для приезжих.

– Нет, – сказал я не очень уверенно. – Я учитель, работать к вам приехал. Мальчишка сначала будто сконфузился, но потом внимательно посмотрел на мою юную физиономию, хихикнул и уверенно бросил:

– Обманываешь. Учителя такие не бывают.

Оставив вещи в столовой, я спустился по хорошо накатанной дороге к домикам странного города, обошел красивую церковь и подошел к длинному зданию школы. Мне понравились огромные окна школы. “Должно быть, в классах очень светло и уютно. Жаль, что школа находится по соседству с храмом, тем более работающим. Видимо, непросто здесь вести антирелигиозную пропаганду”, – рассуждая таким образом, я подошел к крыльцу школы, поставил ногу на ступеньку крыльца, и тут из двери показались женщина и мужчина. Они вопросительно и изучающее посмотрели на меня. Я для них был человек новый, нездешний.

Я в свою очередь внимательно взглянул на обоих.

Мужчина коренаст, круглая, низко остриженная голова на крепкой черно-красной, обожженной солнцем шее, лицо

вылеплено небрежно, глаза маленькие, но хитрые. Они, как лисята из норки, весело выскакивали из-под бровей, моментально исчезали и тут же появлялись вновь. Мужчина был в спортивной форме: футболка темно-синего цвета с белой полосой у шеи, такого же цвета спортивные брюки, тапочки. “Учитель физкультуры”, - решил я.

Женщине, вероятно, перевалило за сорок. Она была низка ростом и на первый взгляд казалась невзрачной, но лицо выражало уверенность, светилося умом. Она смотрела на меня пристально и доброжелательно, улыбалась.

– Вы наш новый учитель, - сказала она уверенно.

– Да, - подтвердил я ее вывод, вспомнив мальчика, который никак не хотел признать во мне учителя. – Мне нужен директор.

Неучтив я был подобно мальчишке: директора хотелось мне видеть совсем не таким, а передо мной как раз и стояла директор. По определению заведующей облоно, “маленькая да удаленькая”.

Нина Васильевна крепко, неожиданно крепко пожала мою руку и сказала:

– Вот и хорошо, познакомились. А это наш военрук Александр Егорович Бычков.

Военрук галантно кивнул и мягко пожал мою руку.

– Пока мы устроим вас в интернате. Там есть маленькая комната для новеньких, а потом что-нибудь другое подыщем. Александр Егорович, проводите товарища.

“Как хорошо и быстро все налаживается”, – с радостью подумал я. Провожатый, не видя у меня в руках ничего, спросил:

– Где ваши вещи-то?

– В столовой оставил. Рюкзак и чемодан. Чемодан тяжелый – книги. На тракте мальчик сказал, что у вас есть машина.

– На бригаде она. Но это не проблема.

Александр Егорович вышел на середину улицы и бесцеремонно остановил “Газик”. Шофер что-то возразил.

– Да, брось ты, - донеслось до меня. – Новый человек, надо!

Комнатушка моя была длинна и узка. Зато единственное окно выходило на юг и при палящем солнце света в комнате было хоть отбавляй. Мы притащили из кладовой интерната разобранную кровать, столик и один стул.

Все старенькое и ветхое, но мне мое первое – свое! – жильё понравилось. Но Бычков ворчал:

– Вы устраивайтесь здесь не на “пока”, как директриса выразилась, а надолго, потому что “что-нибудь другое подыщем” - слова. Их исполнят на ту осень лет через восемь, как говорится. Это ведь и мое жильё когда-то было. Еле выбрался отсюда, когда женился да свой дом построил. Ну ладно, устраивайтесь. Завтра увидимся.

Разбудил меня колокольный звон. Я попытался от него спрятаться под подушку, но это не помогло. Колокола неистово исполняли свое дело. Церковь находилась через две избы от меня. Наконец, махнув на попытку опять уйти в сон, я вскочил с постели.

Какой замечательный вид открывался из моего окна! Прежде всего огромная гора, та самая, у подножья которой я вчера ступил на эту землю. Восточная часть горы ярко освещена, проплешины травы в пыльной зелени лиственниц сожжены дотла солнцем. Только кое-где в гущу лиственниц вкрапливаются золотые мазки. Это березки начинают надевать свои желтые осенние рубашки. Западная часть горы в глубокой тени. И все это великолепие красок на фоне голубого безмятежного неба. Как хорошо! Я схватил альбом, карандаш (вчера вечером распаковал свой чемодан) и стал набрасывать эту громаду горы и крохотные домики у ее подножья. Работал около часа. Мимо окна прошла стайка русских старушек. Они возвращались из церкви. Я захлопнул альбом. Взял кастрюлю с кружкой (другой посуды у меня не было) и вышел на крыльцо. Рядом с ним находился колодец с журавлем. Над колодцем на веревке болталось ведро. Я заглянул в чрево колодца и был несказанно удивлен: там, в глубине, серел толстенный нарост льда, в центре этого нароста – черный круг проруби для ведра. Ничего себе, при такой жаре! Ах, я наивный и глупый горожанин, привыкший брать воду из-под крана. Многому мне еще предстояло

удивляться и многому – ох, многому – учиться. Наполнив кастрюлю ледяной водой, стал соображать, как из нее умыться.

Двое тувинских мальчиков, один лет шести, другой совсем маленький, из глубины двора наблюдали за моей возней у колодца. Я позвал их к себе, но они не двигались с места. Думая, что они не понимают по-русски, я жестами, указывая на кружку, старался показать, что мне нужно полить на руки. Наконец мальчики подошли ко мне, и старший взял кружку.

– Так, спасибо, а теперь лей на спину.

Младшему мое умывание доставляло, по-видимому, огромное наслаждение. Он корчил уморительные рожицы, представляя, как мне должно быть холодно от ледяных поливаний моей спины старшим братом.

С трудом мне удалось затащить ребятешек к себе. Открыл банку со сгущенным молоком, дал по ломтику хлеба. Ребята забыли обо всем, занялись молоком. Мы разговорились. Причем мальчишки на удивление чисто говорили по-русски.

– Меня зовут Саша, - ответил на мой вопрос старший.

– А тебя, карапуз?

– Я не карапуз. Я Аяс.

– У нас еще есть сестра, - сказал Саша, помедлил и серьезно добавил: ведьма! Все время за нами шпионит и мамке с папкой рассказывает.

– А что, ваша сестра взрослая, в школе учится?

– В десятый перешла, - подтвердил Саша. – Олей зовут. За дверью слышался девичий голос, называвший имена моих друзей. Парнишки насторожились: “Не выдавайте нас”, - казалось, молили их глаза.

– Так нельзя, ребята, старших надо слушаться, - нравоучительно молвил я. – Мы сейчас выйдем к вашей сестре. А потом вы придете ко мне в гости опять. Хорошо?

– Ладно, - ответили дружно Саша и Аяс, сползли с моего огромного чемодана (на единственном стуле сидел я), и мы вышли на крыльцо.

“Ведьма” оказалась очень симпатичной девушкой. Она увидела нас, подошла.

– Вы не сердитесь, Оля, - поспешно обратился я к ней, - на братишек.

Мы познакомились и очень хорошо поговорили о всякой всячине.

Оля улыбнулась мне так хорошо и приветливо, что у меня мурашки забегали по коже.

– Это мои пострелята назвали вам меня. А вы, наверно, новый учитель. В этой комнате живут только новенькие учителя, - пояснила Оля свою догадку. – Как вас зовут?

“Вот задача: для учеников я должен быть Михаил Алексеевич, но я еще не привык к такой официальности. “Задавай” могу показаться. Фамилию назвать? Еще глупее”. Оля вывела меня из затруднения:

– Имя, отчество ваше?

Я назвал, облегченно вздохнув.

Вскоре Оля увела ребятишек, легонько подталкивая их в затылки и что-то сердито им говоря уже по-тувински.

Я подсел к столу и попытался нарисовать Олино лицо. Широкие скулы, кончики бровей и глаз чуть кверху, нос прямой, губы слегка припухшие... Нет, не то. Надо будет, когда поближе познакомимся, нарисовать с натуры.

Вечером под моим окном протарахтел и остановился мотоцикл.

– Не хотите ли прогуляться? - крикнул с седла Александр Егорович. Он был в больших резиновых сапогах, за плечами - двустволка.

Мы вылетели на то самое шоссе, по которому я приехал в Туран. Скоро городок скрылся за поворотом, и мотоцикл запрыгал по неровному полю, а потом, чертыхаясь, Бычков повел его между кочек и, к моей радости, наконец заглушил мотор.

– Отсюда нужно топать пешком, - сказал он, потом взглянул на мои полуботинки и предупредил: – Идти придется по колено и выше в воде.

– Ничего, не впервой, - храбро соврал я.

Мы, спотыкаясь, добрались до внушительной кочки, уселись спина к спине. Я вымок до нитки. Но вода была теплая, как парное молоко, и ничуть не беспокоила. После одуряющей жары даже приятно.

-- Увидите уток со своей стороны - толкайте, — предупредил охотник. — Жалко, что ружьишко одно.

Начинало смеркаться. Солнце посылало свои прощальные лучи на землю. Они скользили гораздо выше нас и впивались в хребты гор впереди меня, раскрашивая горы в фантастические цвета. Небо прозрачное, нежно-розовое, и контрастом к нему почти черная земля. “Ультрамарин, хром, умбра, — подбираю я цвета. — А горы - хребет динозавра. Красная, желтая, перламутровая чешуя”.

— Бах-ах-ах-ах! - неожиданно раздалось за моей спиной, и почти тотчас что-то тяжелое шлепнулось между кочек о воду.

— Вы что, спите, скорей подберите утку! - закричал стрелок.

Я сорвался с кочки и побрел, спотыкаясь, в ту сторону, где барахталась в предсмертных судорогах утка.

Он стрелял еще несколько раз, и почти всегда одна - две утки тяжело ударялись о воду. Но достать удалось всего трех, остальные или подраненные ушли, или падали так далеко, что без собаки их было не достать.

Очень быстро темнело. Бычков нашарил что-то между кочек и протянул мне. Это был еще живой чирок. У него были перебиты оба крыла. Теплые капельки крови вместе с теплыми каплями болотной жижи падали на мои ладони.

— Что вы на него, как на икону, молитесь. Сверните ему шею. Спешить надо, темно.

Я стоял в полной растерянности. Чирок теплым расплавленным комочком лежал на моей ладони и, казалось, просил защиты. Я чувствовал, как колотится его маленькое сердечко.

— Что вы за охотник, - зло пробурчал Бычков, выхватил из моих рук птицу и мгновенно повернул и дернул ее за шею. Мне показалось, что ее шейные позвонки хрустнули на все болото. Мы потащились к мотоциклу.

— Вы что приуныли? - понял мое настроение Александр Егорович. — Он бы все равно погиб: скоро начнутся холода.

Было еще совсем темно. Александр Егорович бросил уток в багажник и извлек оттуда четыре аккуратно сложенных мешка.

- Надо взять тут немного мха.
- Зачем? - наивно спросил я.
- Прокладка между бревен.
- Включите фару, - попросил я.
- Незачем.

Неподалеку от мотоцикла скоро обнаружили аккуратно сложенные штабеля мха. Его было много.

– Чей это?

– Общий, - усмехнулся в темени (по голосу почувствовал) Бычков. – Накладывайте. Берите верхние, сухие слои.

Скоро мешки были плотно набиты мхом, и мы потащили их к мотоциклу. Впереди, сверкая резиновыми сапогами, хлюпал по воде Александр Егорович. Луна давно уже вышла и освещала нелепую фигуру с мешками через плечи.

Прикрепив кое-как мешки, тронулись. В сплошной темноте, если не считать лунного света, доехали до шоссе. Только тут фара выкинула сноп света. Скоро показались огоньки поселка, а вот и первые дома. И, наконец, на берегу речки окруженный высоким забором дом Бычкова. Залаяла собака. Ворота распахнула женщина.

– Жена, - пояснил сквозь треск двигателя хозяин, и мы вкатились во двор. Свет фар выхватил из темноты какую-то рубленную из свежих бревен постройку. То ли банька, то ли сарай. Мох предназначался для нее.

– Оставайтесь чай пить, - предложила женщина.

– Большое спасибо. Я мокрый весь, пойду, надо переодеться.

– Завтра - суп с утятинной, не опаздывайте, – это Бычков.

– Хорошо, - ответил я, и быстро зашагал прочь в свою интернатскую комнатенку.

Первые дни в моей первой школе были заполнены бесконечными знакомствами с учителями, выходящими на работу после летнего отпуска. Я не успевал запоминать все новые и новые лица. Мне казалось, что учителей слишком много. Как оказалось, и в самом деле немало: пятьдесят человек. Но ни с кем близко я не сходилась. Я тосковал в своей одинокой комнате. Мыслями уносился в бесконечно далекий Ленинград. И вот однажды, когда я уже ложился спать, в дверь осторожно постучали.

— Кто там?

— Коллеги, - ответили враз два девичьих голоса. - Говорят, вы здесь очень скучаете, - продолжали девушки, войдя, - вот мы и решили пригласить вас к себе. Идемте же.

— Очень вам признателен, но как-то неудобно...

— Никаких “но”, - сказала широколицая (я не отвык еще мыслить категориями училищного курса пластической анатомии).

— Нам с вами долго придется работать вместе. Мы ведь тоже учителя, только со стажем: второй год будем начинать. Да, совсем забыли представиться. Меня зовут Клава, ее (Клава кивнула на подругу) - Лия.

Лия, стройная, высокого роста, не в пример своей разговорчивой подруге молчала. Она едва приметно кивнула мне, когда Клава назвала ее имя, и продолжала внимательно рассматривать мои рисунки, неосторожно разбросанные на столе. Мне хотелось их убрать, но убрать сейчас было бы неучтиво. И потому я лишь мысленно корил себя, что не спрятал работы в стол. Девушки жили совсем рядом со мной: по этой же улице всего через четыре дома. За этот короткий путь говорливая Клава успела сообщить, что они только сегодня вернулись из отпуска, что живут вместе, что она, Клава, из Ярославля, закончила там физинститут, теперь вот физкультуру ведет, а Лия “бог ее знает откуда, так как родители военные и всю жизнь кочуют по городам и весям. Математик она и даже в начальство выбилась. Завуч. Так что тебя и меня будет проверять и костерить за кратко составленные поурочные планы. Сегодня, в честь возвращения, решили кутнуть. И вот узнали, что еще один страдалец прибыл из наших краев... Не пугайтесь: мы не одни. У нас имеется и мужчина. Валерий! Руководит от райкома комсомола спортом всего района. Большая голова, начальник то есть над нами, физкультурниками. Между прочим, мой сердечный друг... Ну, вот мы и дома.

Снаружи дом, по деревенским меркам, конечно, куда с добром: четырехскатная тесовая крыша, отличной кладки бревенчатые стены, наличники голубой окраски. Нелепо, правда, выглядят торчащие во все стороны дощатые

пристройки сеней. Дом был как дом, но вот сделали общежитие для учителей и понагородили индивидуальные входы. Голь на выдумку хитра.

Комната Клавы и Лии гораздо больше моей, три окна. К ним придвинуты два стола-парты, покрытых клеенкой. В углу – этажерка с книгами, две кровати у противоположных стен, плита. Рядом с плитой кухонный столик, над ним прибитый к стенке самодельный шкафчик с посудой. Вот и все оборудование жилища молодых педагогов. Времянка, как и моя комната.

За столом сидел парень в футболке с засученными выше локтей рукавами. Валерий через стол (столы по случаю торжества были отодвинуты от окон) протянул мне руку и представил соседку: “Октябрина, старшая вожатая школы”.

Революционное имя и внешний вид девушки привлекли мое внимание. Впрочем, всматриваться в лицо я счел неприличным, лишь отметил, что она очень похожа на сестру мальчиков, приятелей моих, встреченных у интернатского колодца.

Валерий распоряжается здесь, как дома. Достает из-под стола бутылку, на этикетке которой ядовито зеленым шрифтом написано “Спирт питьевой”, разливает по стаканам.

– Вы, милые девушки, разбавляйте, а мы хватанем за дружбу вечную и знакомство чистого. Как, Миша, сдужишь?

Валерий хладнокровно маханул спирт в рот и устоял на меня: давай, мол, посмотрим, кто ты есть. Я с ужасом смотрю на свой стакан, мямлю что-то смущенно, что я вообще-то... Но не мог же я показать свою слабость. И я выжарил... Только тот, кому приходилось в первый раз глотать неразбавленный спирт, поймет мое состояние. Будто схватил я ртом всплеск пламени, слезы, покотившиеся из моих очумелых глаз, были попыткой затушить этот адский огонь. Валера хохотал и совал к моему носу кусочек хлеба. Вскоре отлегло и наступило блаженное потепление. Надо мной беззлобно посмеялись и скоро забыли. Вспоминали о летней поездке, кто где побывал. Я помалкивал, но мне стало

хорошо среди ровесников. Как всегда это бывает в среде учителей, разговор зашел о нашем труде.

— Нет, - говорила Лия, - напротив, наша профессия очень и очень романтична. Есть в ней, правда, одна неприятная сторона, не видишь наглядно своего труда. То есть, конечно, видишь: пришел в школу несмышленным, но вот подрос, возмужал, читает, пишет, задачки решает. Но все это как-то само собой происходит, твоего-то вроде бы ничего и нет.

Все согласились с Лией. А мне что ж было говорить: я только готовился начинать эту романтическую деятельность.

— Знаете, в детстве видела я, как возле нашего дома возводилось здание фабрики. Мне страшно нравилось наблюдать, как росли стены ее корпусов. Но особый восторг вызывала труба. Огромная трубина росла на глазах. Через месяц каменщик трудился высоко над землей. Радостно смотрела я на его крохотную фигурку, там высоко в синем небе кладущую последний ряд кирпичей. По-моему, закончив, строитель кричал “ура”. Я видела, как он сорвал с головы кепку и махал ею. Вот это работа: сделал - все видят, любят. Петров сложил! А он пошел гордый, другую трубу класть. Вот это дело!

— Труба — это хорошо! Корпуса не так заметны, - сказал Валерий, — хотя вся суть именно в корпусах. Так и в педагогике нашей: делаем всем миром одно и то же дело, а видна лишь какая-нибудь труба. Педагог-новатор, передовик, награжденный для блеска какой-нибудь медалькой или значком.

В разговор вмешалась Клава и сказала примирительно:

— И здание фабрики, и трубу строят люди одной специальности — строители. Но никуда не денешься: есть среди них люди высшей квалификации и есть рядовые. Мы рядовые. Пока.

— А потом кто-то дорастет до Макаренко, а кто-то кропотливо будет трудиться над возведением все тех же фабричных стен, - не унимался Валерий. — Ты, Миша, что хочешь построить: стены или всем заметную трубу?

Девушки посмотрели на меня с любопытством. Я нашелся и дипломатично изрек:

— Мне рано строить, я буду строителям кирпичи подносить.

— Ну, а ты, Октябрина?

— Только трубу. Я ведь старшая пионерская вожатая. Пионеры всегда впереди.

— Ладно, — примирительно изрек Валерий. — Сочтемся славою, ведь мы свои же люди, как сказал поэт. Пусть нам на вершине Хайбара поставят общий памятник за труды наши. Выпьем.

Однажды, когда уже начался учебный год, я зашел к Лие и Клаве, чтобы взять план воспитательной работы за прошлый год и на его примере составить свой (меня назначили классным руководителем 7 “б”), и вдруг совершенно неожиданно застал у них попа. Батюшка сидел за тем самым столом, за которым совсем недавно мы отмечали встречу. Перед ним в решетке белела горка яиц и лежали деньги.

Встреча с попом ошеломила меня. Еще бы — он был человеком из того мира, который так старательно выбивался из нас, детдомовцев. Только ли? Из страны всей. Но мои подруги-атеистки говорили с попом о мирских делах.

— Вы нам, пожалуйста, — говорила Клава, — больше не носите яйца, надо — сами зайдем. А вообще наша еда — картошка, мясо, хлеб, чай, конечно.

— И напрасно, красавицы, напрасно.

Поп был стар, но чувствовалось, энергичен и любознателен, любил поговорить, хотя во рту его осталось два-три зуба, и шамкающая речь была невнятна и глуха. Я как-то сразу охватываю взглядом облик человека. В училище, делая бесчисленные зарисовки, привык к этому. Батюшка был бы отменным натурщиком для изучения пластической анатомии головы. Жиденькая растительность не мешала видеть кости обширного черепа, а лысина блестела бы под мощным софитом, как костяной шар. Он был в черном пальто, шляпа лежала на коленях.

— А вы, разрешите полюбопытствовать, кем будете, молодой человек? (Я сказал коротко о себе). Похвально, похвально. У меня младший тоже по этой части пошел. Суриковское закончил. Домой вот давно носа не кажет.

Завертелся, должно быть. Дело молодое. А вы пишете маслом или, может быть, графикой занимаетесь?

Клава отошла в угол к этажерке с книгами, Лия сидела за противоположным краем стола, писала что-то в тетради и прислушивалась к нашей беседе.

“Грамотный, черт: “пишете”, “графика”, - думал я о попе, а вслух сказал:

— Мне по душе больше живопись. Цвет люблю. Только мне еще далеко до вашего сына, до института то есть. После училища надо еще учиться и учиться. Вот отработаю три года в школе, а там видно будет.

— Что же, это похвально. Всегда надо стремиться вперед, не останавливаться на достигнутом. Не стану далее вас задерживать.

Он взял со стола деньги и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

— Любопытный поп, - заметил я.

Клава перенесла решето на кухонный стол и сказала мне:

— Любопытный, да. Политик, умница. Чего он только не пережил и чего только не знает. Между прочим, из твоих мест, из Петербурга родом. Если будешь в его доме, обрати внимание на фотокарточки на стенке. У него, как Ваншенкин сказал, “полжизни на бревенчатой стене”. Увидишь его молодым, бравым гвардейцем. Он мне отца Сергия напоминает. Читал у Толстого? Ему не повезло с церковью. Видишь (я выглянул в окно) - церковь и школа рядом. Так первые переселенцы построили, чтобы своих детей в страхе божьем воспитывать. Ну а в наше время все наоборот. Мы ребятшек до того в антирелигиозном духе не воспитывали, что они ничего более умного не придумали, как бить в церкви стекла. Вот он каждое утро и преподносит нашей директрисе счет за эти стекла. А вообще он всех троих детей выучил в этой школе. Говорят, ни одного родительского собрания не пропустил. Его нашим непутевым родителям всегда в пример ставили. Я по приезде, мы ведь дурачки в этом отношении, вопрос ему задала: вы как к комсомолу относитесь? Он посмотрел на меня так это серьезно, аж холодок по спине пробежал и говорит:

“Думайте, прежде чем вопрос задавать, барышня”. До сих пор стыдно. Такие мы дуручки, прости Господи. Мы не можем, как верующие его называть “отец”, “бабушка”. Зовем как привли, для нас по имени, отчеству. Василий Павлович, запомни.

“Вы” и “ты”

Комнатенку мою зажал в тиски ребячий гам. За правой стеной - кухня и столовая интерната, за левой – общежитие девочек. Дом парней находится рядом, но они постоянно толкуются здесь: столовая для всех, к девочкам заходят постоянно. То им по учебе помочь, то самим задачку списать, а чаще просто так – перекинуться парой слов. Да и вообще без девчонок неинтересно. Я прихожу в свое жилище поздно. Двухсменные занятия в дневной и вечерней школе не дают времени на дом. Да и, по правде говоря, не очень-то мне хочется часто бывать в этом доме. Ем я в городской столовой, утром и вечером - чаек со своей плиты. Вот и все.

В начале учебного года удалось уговорить Олю попозировать. Я попросил ее надеть парадное школьное платье с белым воротничком и белым гимназическим фартуком. Предстояла трудная задача расположить девушку так, чтобы и ей было удобно сидеть, и мне удобно рисовать. Узенькая комната не давала возможности отойти подальше, чтобы охватить взглядом всю фигуру. Наконец, решил не мудрить, посадил за стол и положил на него книгу. В школе нашлась чертежная доска. Я расположился с ней на противоположном от Оли конце стола. Получалось изображение в фас, но я всегда предпочитал постановку в три четверти. Встал, усадил девушку в этом повороте и попросил смотреть не в книгу (не видны были глаза), а выше, в завиток на известковой стене. Оля молча исполняла мои указания. Наконец сеанс начался.

– Не устали? - спросил я через несколько минут Олю. Обращение на “вы” со стороны учителя к ученику было для моей натурщицы непривычно и смущало ее чрезвычайно. Все учителя обращались по-домашнему на “ты”, а этот ленинградец говорил “вы”. Неудобно, как-то непривычно. Но от ленинградского мышления не так-то просто было

избавиться. На одном из уроков рисования, объясняя построение перспективы школьного забора и высоких ворот в нем, я говорил о “построении арки ворот” и “колонн”, поддерживающих “арку”. Наверное, со стороны это казалось вычурным, даже глупым. По крайней мере, анализируя мой урок, Лия, как завуч, обязанный это делать, говорила:

– Интересно построен урок. Но вот беда, что вы обыкновенную калитку величаете наподобие триумфальных врат на Дворцовой площади в Ленинграде. Ну какие это колонны вы увидели в двух едва отесанных бревнах, поддерживающих перекладину с вырезом кривого полукруга. Арка! Эх вы, романтик ленинградский. Видели, как ребята на вас ошалело смотрели? Даже капитель нашли в кособокой развалюхе допотопного сооружения.

Вот и Олю смутил своими ленинградскими манерами.

Она смущенно проговорила:

– Как-то непривычно звучит обращение на “вы” от учителя. Не могу привыкнуть. Девчонки наши даже говорят: что это он?

– Ладно, постараюсь перестроиться, точнее, подстроиться, под здешние правила. Я, Оля, долго лежал в больнице. Около трех лет. Закончил там начальную школу. Учителя, врачи, медсестры, нянечки – все к нам относились по-домашнему и, разумеется, на ты. Но вот я попал в городскую школу, а там часть учителей сохранила в обращениях старые правила отношений между учениками и педагогами: только на “вы”. Как-то, в чем-то провинился. Завуч, мужчина в годах, в идеально отглаженном костюме, ботинки блестят, как два зеркала. Я повинную голову опустил и смотрю со страхом в его носочки-зеркала. А он так это величественно говорит: “Прошу вас зайти в мой кабинет”. Я оглянулся: кого это “нас” он пригласил? Оказалось, один я, а учился тогда, кажется, в шестом. Пришел к нему в кабинет. Но не сразу он меня впустил. Урок простоял около двери, лишь потом попал к нему на прием. Допек он меня выканьем и “жалостными словами”, как Обломов своего Захара. После седьмого поступил в чопорное художественное училище. Ну, там уж началось галантное петербургское обращение. Только на “вы”. Вот и привык. Исправлюсь, буду проще.

Портрет получался. Самым характерным в портрете были глаза. На светлом фоне лица глаза горели, если к черному цвету ягодок – глаз применимо такое сравнение, веселым огоньком. Вспыхивали искорки бликов от яркого хрустального осеннего (по Тютчеву: “весь день стоит как бы хрустальный”) света, льющегося из окна.

– Спасибо, Оля, на сегодня все. Потом я попрошу тебя еще посидеть, хорошо?

– Хорошо, – ответила моя прелестная натурщица., – только у вас ведь все закончено.

Бригада

Есть у замечательного писателя Владимира Набокова рассказ, называется он “Путеводитель по Берлину”. Нет в этом рассказе ничего примечательного. Обыкновенные впечатления от обыкновенных уличных сцен скучного города.

– Кому интересно знать, как вы сели в трамвай, как поехали в берлинский Аквариум, – говорит автору собеседник. – Неинтересно. Дело вовсе не в трамваях и черепахах. Да и вообще... Скучно, одним словом. Скучный чужой город. И жить в нем дорого...

Собеседник видит только обыденщину, но здесь же сидит (дело происходит в берлинской пивной) маленький мальчик, сын хозяев. Он тупо всматривается в эту неприхотливую жизнь, к которой давно привык, а за ним со жгучим интересом следит писатель.

– Не понимаю, что вы там увидели, – говорит приятель автору, а Набоков думает в это время: “Как мне ему толковать, что я подглядел чье-то будущее воспоминание”. Будущее воспоминание этого мальчика, воспоминание, которое через годы заиграет всеми цветами радуги.

Вот я и не знал сорок лет тому назад, когда с группой преподавателей-мужчин выехал на отведенный для нас участок земли, чтобы начать строительство домиков школьной ученической бригады. Я не знал тогда, что подглядываю свое будущее воспоминание. Теперь оно, это воспоминание, – реальность. Я всматриваюсь в прошлое.

Это Вадим Никанорович Стариков, преподаватель основ сельскохозяйственного производства. А вон идет вечно улыбающийся, коротко остриженный Александр Егорович Бычков. Ему поручено общее планирование работ. Рядом с ним здоровенный, молодой преподаватель машиноведения Володя Жаботинский. Мне тогда казалось, что все Жаботинские родственники чемпиону мира, штангисту Жаботинскому. Такие все они основательные, крепко стоящие на земле люди. Рядом с ним еще один Володя, преподаватель-агроном Федоренко. Он разработал агротехнику, определил потребность, как говорят знающие люди, в рабочей и тягловой силе, составил график работ. А вот завхоз школы Дмитрий Гилев, все хозяйство школы на нем, теперь и о бригаде надо подумать. Все здоровые, сильные, все юмористы. И никого уже нет в живых. Но я проглядел тогда свое будущее воспоминание, и вот они живые и веселые идут делать полевой стан бригады. Как хорошо в это июньское утро. Небо такое голубое, такое высокое. Ни облачка, чуть потягивает теплым ветерком. Хорошо, так хорошо, что кто-то из нас размягченно предлагает: “Неплохо бы, ребята, и выпить по такому случаю”.

— Мама придет, она тебе выпьет! — отшучивается Александр Егорович.

“Мамой” мы называем между собой Нину Васильевну, нашу неугомонную руководительницу.

Время-то было “неугомонное”. Из Кремля управлял жизнью страны спешащий в коммунизм Никита Сергеевич Хрущев. Разворачивалась его всемирно-потрясающая кукурузная эпопея. Нина Васильевна со своими агропомощниками не преминули в пятипольный севооборот включить кукурузу. Вместе с нею над планом работы трудился Стариков, умнейший и скромнейший человек (я только год спустя после прихода в школу узнал, что он имеет высочайшую награду, Золотую Звезду Героя Социалистического Труда). Он не мог не включить в этот план “спасительницу” сельского хозяйства. Мне было поручено красочно оформить задуманное. Я на большом стенде старательно выписал широким плакатным пером и украсил

соответствующими рисунками: ПЯТИПОЛЬНЫЙ СЕВООБОРОТ ШКОЛЬНОЙ БРИГАДЫ № 1.

1. Пар ранний, удобренный - 15 га.
2. Пшеница яровая - 15 га.
3. Кукуруза - 5 га, картофель - 5 га, итого - 10 га.
4. Однолетние травы - 15 га.
5. Овес - 15 га.

Писал и думал, дело принимает нешуточные размеры. Ведь это действительно целое хозяйство. Как же с ним справится школа?

Но Нина Васильевна была такой горячей поборницей перестройки школы на новый лад, что невольно зажгла своим энтузиазмом всех.

Началось все с педсовета, состоявшегося 2 февраля 1959 года. За окнами лютый мороз, а в нашей уютной учительской тепло от круглой, под потолок, печи. Учителя за большим столом, мужчины - на своих местах, в шкафах с открытыми дверцами. Нина Васильевна за своим столом-поперечиной буквы "Т". Я, как обычно, рисую. Передо мной на стене - портреты писателей. Я рисую Горького, Алексей Михайлович сжимает в пальцах левой руки папироску, из-под носа свисают шикарные усы, но голова голая, стрижена под машинку, и мне удобно прощупывать карандашом на своем листе выразительный череп великого писателя. А со стола-поперечины доносится голос директора:

- Всей работой на полях будет руководить совет бригады. Будем формировать его из ребят восьмых-десятых классов. В совете будут бригадир, его заместитель, бухгалтер или экономист, звеньевые, редколлегия. Совет бригады функционирует круглый год. Во время сельскохозяйственных работ он организует соревнования между звеньями и на личное первенство. Будет создан лагерь труда и отдыха. Место намечено замечательное, если, конечно, колхоз пойдет нам навстречу. А он, я думаю, пойдет. Если что, райком поможет. Дело это уже давно развернулось по всей стране. Пора и нам подключаться. В Туве мы будем первыми. Прошу, товарищи, высказываться...

С того знаменательного педсовета прошло каких-то несколько месяцев, а все устроилось, уладилось и заработало.

Естественно, все подключились к этому делу: и райком, и колхозное руководство, со своим председателем П.В. Астафьевым, и школа с ее до предела укомплектованным коллективом. Ведь каждый год на трехгодичную отработку приезжали сюда десятки новых, только что закончивших учебные заведения учителей. И работали, надо сказать, весело, с полной отдачей, не задумываясь о материальных выгодах, о будущем, которое в эйфории того времени казалось совершенно обеспеченным и прекрасным. Короче говоря, весной 1959 года дело сразу завязалось и пошло в рост. В школе уже была кое-какая техника: трактор “Беларусь”, автомашина “Газ-51” и некоторые прицепные агрегаты. Вовсю работала столярная и слесарная мастерские.

Я, впрочем, жил какой-то своей, внутренней жизнью. Как водится у молодых учителей, ничего важнее своего учебного предмета не знал, пожалуй, и знать не очень-то хотел. А многие старшеклассники (тогда черчение изучалось в 9-10 классах), по моим ленинградским меркам, занимались скверно и не очень жаловали изометрические и фронтально-диметрические проекции деталей. Их больше интересовали практические дела: работа в столярной мастерской с Александром Михайловичем Столяровым, но особенно с Владимиром Григорьевичем Жаботинским. Еще бы, он вел автодело! Валера Котов, ставший как бы официальным школьным шофером (он вывозил мусор с территории школы, продукты на бригаду, доверяли ему возить и бригадников), говорил: “Моя мечта осуществилась - я шофер!”

- Хорошо, - пытался я вразумить старшеклассника, - ты шофер, но разве можно понять устройство сложной техники без знания черчения?

— Устройство автомобиля я изучил по плакатам с помощью Владимира Григорьевича. Без всякого черчения.

— Хорошо! А когда сам задумаешь что-нибудь изобрести, то как это изобретение выразишь на бумаге? Да и потом, что такое изображение на плакатах, по которым вы изучаете автомобиль? Это те же аксонометрические проекции деталей, то есть черчение.

В начале июля Александр Михайлович с ребятами и помощниками из колхоза закончил постройку основных

помещений полевого стана: красный уголок, кухня, кладовая, избушонка для движка мини-электростанции. Для жизни ребят-бригадников разбили палаточный городок, провели электричество, поставили мачту для подъема флага. Все это красиво разместилось под развесистым ивняком на берегу нижней оросительной канавы. А возле верхней – поставили что-то вроде триумфальной арки. Надпись предстояло сделать мне. Без арки было нельзя. Названия бригады тогда еще не было. Мне следовало написать: “Школьная бригада № 1”. Почему № 1? Потому что это была первая бригада в Туве. Добраться до верхней перекладины было непросто. Валера подвел грузовик под арку, в кузов поставили длинную лестницу. Ее верхний конец оперся на перекладину арки. Я с тяжелой банкой масляной краски полез наверх. Над аркой свистел ветер, и я чувствовал предательскую дрожь в ногах. На них была вся надежда: в левой руке я держал тяжелую банку, правая вырисовывала большущие буквы.

И вот он – праздник! 10 июля 1959 года. Какой яркий, солнечный день, сколько гостей! Школа № 1 открывает первый сезон трудового лагеря...

Здесь я останавлиюсь. Что-то уж больно благостно получается у меня. Не по предположению ли Набокова у меня получается: прошлое отражается “в ласковых зеркалах будущих времен”. Я показываю прошлое в “ласковом зеркале” настоящего. Только такое ли уж оно ласковое зеркало, в котором отражается прошлое?

Бригада наша жива, жива до сих пор. Хотя двадцати – тридцатилетние дети тех, первых бригадников, согласно новым нравственным установкам, начали тянуть с нее все, что только возможно. Сначала содрали шифер с домиков, и тогда обнажились стропильные ноги, на которых их отцы-романтики вырезали перочинными ножами надписи типа “Оля + Ваня = любовь”. Может быть, и отзовется что-то в черствой душе нынешних “новых людей”. Да вряд ли. “Мелочь нашего обихода” не стала “сама по себе прекрасной и праздничной”, как наивно полагали мы в далеком и, несмотря ни на что, прекрасном - для нас! - прошлом.

Продолжение следует.

Куулар Черлиг-оол

СОНЕТЫ

* * *

Над речкою, над откосом,
Как девушка на сносях,
Береза стоит с наростом,
Укрытом в ветвях-кистях.

А за березой смежной,
Похожей на колыбель,
Подглядывает месяц нежный,
Спрятавшийся за ель.

Колыбель подмечает просто
Грядущего дня черты:
Разомкнется коры короста,—
Жизнь выйдет из темноты.

Как та береза с наростом,
Куда подевалась ты?

* * *

Как бивни слоновьи грозны,
Тают забереги на плаву;
Вдоль берега белые козы
Зеленую щиплют траву.

Эне-Сай забурлил, как море,
Чадаганом гремит весна.

Трелям жаворонка вторя,
За волною идет волна.

Но в соседстве с весной вечной,
Под небесной крышей одной,
Есть любовь еще человечья,
Что сравнима с самой весной:

Ей навстречу плачет она,
И пронзает, как крик слона!

* * *

Чтоб маме своей помочь чем-нибудь,
Вдел нитку в иголку при свете луны,
Мама встала, расправила плечи и грудь,
И пошла, поплыла, наподобье волны.

С коня на скаку бросал я аркан,
Чтоб удаль мою увидеть смогла.
Прощаясь с отрочеством, мальчуган,
Смотрел на летящего в небе орла.

Оставив маму, за табуном
Мчаться в дикую степь хотел.
Красавицы-девушки жгли огнем,
И ночь напролет на звезды глядел.

Я волком выл в ночной небосклон,
Совсем от любви потерявший сон...

* * *

Ты, слушая шум водопада, росла—
Оттого так звонки твои песни.
Взяв в руки хомус, мастерство обрел я,
Оттого твои руки прелестны.

Ты с открытой улыбкой ко мне идешь—
Не со златом, на пальцы надетом...

Мой бархатный тенор тоже хорош—
Давай-ка споем дуэтом!

Министров охватит зависти дрожь—
Такое им и не снилось.
Звездой вечернею ты взойдешь
Над красавицами Кызыла.

Я стану скалою с тобою рядом,
Ты, солнце мое, зазвенишь водопадом!

* * *

Не говорите маме, что я болен,
Не огорчайте горестною вестью,
А сообщите — жизнью я доволен,
И здесь, в Кызыле, я здоров и весел.

Тружусь, как хлебороб для урожая,
Забыв про сон, стараюсь я упрямо:
Своею стала мне беда чужая, —
Таким вестям порадуется мама.

Ушла жена, оставила мне дочку, —
Погряз я в неурядицах и быте:
Мне тяжело тянуть все в одиночку...
Об этом маме вы не говорите.

Она сейчас живет судьбой моею, —
Не говорите ей, что я болею...

СВОБОДА НА КРОВИ...

Что он кровопийца - на лбу не написано.
Кровавую руку он нам подает;
Поскольку не знаем, что дьявол он истинный,
Он с нами напиток искрящийся пьет.
Прости мне, Господь, заблуждение искренне,
Что слеп был, как в землю зарывшийся крот.

Как беженцев много! Война и беда
За жизнями их озверевшая бродит;
И совесть по капле, как в почву вода,
Из нас постепенно, но верно уходит;
И я ощущаю себя иногда
Мутантов заложником, что верховодят—
Грабят,— над ними не властен закон;
Выйти на улицу стало опасно.
Чтоб поглядеть на ночной небосклон—
Жить, как и прежде, с природой согласно...
Вот и дождались “свободных” времен,
Кровью сверх меры окрашенных красной...

*Перевод с тувинского
Николая Карпова, Москва*

Эмма ЦАЛЛАГОВА

НЕГАТИВ СУДЬБЫ

Под звуки незнакомого мотива
проявится судьба из негатива
и отразится в холоде зеркал
самой на изумленье и на диво.

Среди людей и лет,
как среди скал,
зачем мой разум негатив искал
и в поисках все пытки перенес,
которых не постичь воображенью.

Теперь судьбы своей изображение
мне невозможно разглядеть без слез.

Я вдребезги разбила зеркала.
осколки,
как зловещие приметы,
глядят в упор,

исполненные света,
в котором отблеск буйного огня,
опасного сожженьем для меня.

Я в жизни ничего не сберегла.
Спасая душу, сердце пережгла.

ПОЛЕТ

Мой журавленок,
ты покинул лес,
но затаился под зеленой крышей
и вмиг проклюнул скорлупу небес,
и рвешься — дальше,
замышляешь — выше.

Ты — недоросль,
беспомощный на вид,
ты одинок,
но ты отнюдь не сирий.
Тебя нельзя теперь остановить
лети,

ликуй,

блаженствуй

и пульсируй.

Крылатый мой,
Ты светишься почти,
как будто ты из янтаря и меда.

Дерзай, лети,
другим не превзойти,
не совершить подобного полета!

ПАМЯТЬ ЮНОСТИ

Я юность прожила, дыша печалью,
которая из книг струилась в душу,
и томно я лелеяла ее,

баюкала, растила
под охраной
безмолвного двуглавого Эльбруса,
и в шорохи осенние вплетала
горячечные смутные стихи.

И первая любовь была прекрасной,
как и мечталось —
в звездах и словах,
достойных только любящего сердца.

Но улетела юность,
словно птица
с руки,
туда, где равнодушное забвенье
ей не дало ни корма, ни приюта.

Всю меру человеческого горя
познала я
и вынесла потерю
родных, друзей, капризов,
прежде милых,
во времени рассеянных разлукой.

Но сердце почему-то не погибло.
И, вытряхнув все вздорные обиды,
как непригодную для жизни ветошь,
любить и ненавидеть научилось
и провело меня сквозь горы горя,
и повелело мне писать о счастье,
которое возможно обрести...

А юность пусть летит —
ей нет возврата,
оплачь ее — и в памяти храни.

* * *

Тихо падают желтые листья,
как в дороге прожитые числа.
И бездонное синее небо
над моею висит головой.
И куда ни пойду,
ни поеду,
надо мной будет синее небо,
да все то же всесильное небо
будет править моею судьбой.

Так, наверное, думает каждый,
кто, на небо взглянув однажды,
разглядел за созвездий хорами
ко спасенью дорогу и к Храму.
И не надо другой мне дороги.
Пусть роса обожжет мне ноги.
Белый иней виски обметает...
Я ко Храму иду.
А не к краю.

Тихо падают желтые листья,
как в дороге прожитые числа,
а в конце, где-то там, за горами,
я ко Храму приду,
а не к краю.

* * *

Листья с деревьев слетели,
а я не заметил, когда.
Надо же: две недели
уже стоят холода.

Багряный листок осенний
ложится на тонкий лед.

Я думал, что зрелость — спасенье,
оказывается, наоборот.

Багряный листочек, последний,
просвечивает сквозь лед.
Жизнь моя — это падение,
все ближе к земле, с высот.

* * *

Проплывали лебеди над Камой —
белые, по утренней заре...
Так вот и остались они в памяти.
Талым снегом пахло во дворе.

Старый двор.
Серебряные клены.
Молодая верба — белый цвет.
Сотни километров годы-кони
мчат меня сквозь суетный наш век.

И не оглянуться.
Только память:
талым снегом пахнет во дворе.
Пролетают лебеди над Камой,
белые, по утренней заре.

Людмила САНЧАЙ

“ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ”

*Ветеранам Великой Отечественной
посвящается.*

Марш впервые взгремел над Россиею
в дни далекие Крымской войны.
И вспоенные музыки силою,
шли на ворогов Руси сыны.
“Прощай, любимый край!
Труба зовет на бой...!”

Волнует душу сей великий марш...
 Оглушительный грома военного
 и пронзительней женских речей,
 звуки марша того вдохновенного
 над Отчиной взлетали моей:
 “Прощай, сынок родной...
 Страна тебя зовет...”,
 “Коль встанем все стеной,
 никто нас силой
                         не возьмет!..”,
 “Любимый мой, прощай!
 Отчину защити...”,
 “Ждать обещаем,
 и вам желаем
 к победе краткого пути!...”
 Поначалу без слов,
 слов понятнее,
 марш навеки озвучил в себе
 шепот, крик, пляс и плач,
                                 и объятия...

Шаг солдатский —
 навстречу судьбе.

СВЕТ ЧЕЛОВЕКА

Струится свет
                                 с земли на небо —
 то человек восходит
                                 солнцем,
 дарящим жизнь
                                 всему живому.
 Он очень прост —
                                 Земли Хозяин.
 Он сеет хлеб.
 И словно звезды
 ростки взойдут
                                 на землесклоне.

Когда же хлеб заколосится,
созреет — зорькой золотою,
уронит свет на звезды
нива,
и звезды росами воспрянут...

А человек —
в зените солнцем —
исконно жатвою займется.

НАЧАЛО ЗИМЫ

Глянь: от лютой тоски
поседели дожди проливные
и над травами мертвыми
все кружат, ненаглядных зовут.
Но безмолвны травинки.
Не уймутся дождевики седые,
пока с милыми рядом
бездыханными не упадут...

Эдуард МИЖИТ

ЗДЕСЬ ПОЧИТАЮТ

Здесь поклоняются
с трепетом нежным
истокам всех рек —
крохотным родникам, —
так же, как детям,
ибо каждый ребенок
здесь почитается
богом.

Здесь почитают
высокие горы, помыслы и деянья,
как стремление ввысь,

ибо все, что возвышенно,
приближено к небу,
священному Небу - Отцу.

Здесь почитают
мягкие, как материнские руки,
долины в густой траве
и плоские желтые степи,
ибо ветры хранят здесь
преданья и песни веков,
все напевы
земли и неба,
и вдыхают их бережно
в души людей,
в души людей.

Здесь почитают
тайгу, как живую
и светлую тайну,
сокрытую в мощных стволах и корнях
кедров и сосен,
в свитках их колец годовых;
как тайну, звучащую
в торжествующих криках маралов,
грозном реве медведей
и пронзительном вое волков;
как тайну, что прячется
в лабиринтах тропок
зверей и тех, кто преследует их,
в лабиринтах смертей и рождений.

Здесь почитают
большие и малые реки,
твердо несущие воды свои,
словно потоки жизни и времени,
то мощно катя их
бурными волнами вдаль,

словно конница древних
свою страсть и напор за пределы
жизни и смерти,
то кружа их
в спиральных водоворотов
темных омутов и эпох,
словно шаманя,
словно шаманя.

Здесь почитают
каждую складку гор и степей,
как и складки
материнского платья,
что так мягко струятся
в то время, как мать
мирно кормит младенца
щедрой грудью своей,
полной тепла и любви,
тепла и любви.

Здесь поклоняются
так же, как небу и звездам,
поколениям предков,
ушедших из жизни и времени,
ибо те не ушли
из вечной жизни души и песен,
ибо звезды и небо
были, есть и будут всегда,
даже тогда,
когда их не видно с земли.

Здесь почитают
тех, кто помнят еще
о почитании мира и мира души,
как святыни,
как святыни святынь.

ПЕСНИ ТУВЫ

У нас поют
обо всем и том же,
о чем поют люди везде,
но еще и том,
что за гранью всего,
что доступно
зрению, слуху
и пониманию,
как жизнь и смерть
бесконечно далеких звезд
и миров.

У нас поют
по тем же нотам,
по которым поют все люди Земли,
но еще и по тем,
что скрыто зреют
внутри каждой ноты,
как ядрышки кедровых орешков
внутри скорлупы.

У нас поют
такими же словами -
как любовь и нежность,
солнце и луна,
жизнь и смерть ...
которые есть в любом языке,
но еще и словами
гор и степей,
неба и звезд,
деревьев и птиц,
словами крови, бьющейся в жилах,
словами тайны, стучащейся в дверь,
словами без слов.

У нас поют
о том, что видят,
слышат и чувствуют,
как и везде,
но еще и о том,
что поется само,
как поют и тростинки,
и жилы,
и кожа бубна,
о том, что видит,
слышит и чувствует
тот, кто играет нами.

У нас поют,
как пели, поют и будут петь
везде и всегда,
но, если честно,
у нас не поют...
У нас просто-напросто,
без фокусов и без лукавства,
сливаются с небом,
с землей и с мгновеньем,
с полетом птиц, облаков
и души,
как сливаются струйки ручья
с потоками рек
и бескрайностью всех океанов.

ПОПЫТКА ОТГАДКИ

Это место,
где собрана,
как в сжатом кулаке,
вся тишина земли
в ожидании часа,
когда же кулак, наконец,
разожметя.

Это место,
где собрано,
как в сердце людском,
все приветствие мира
в ожидании часа,
когда же сердца, наконец,
откроются друг другу.
Это место,
где бушуют,
как в кипящем котле,
такие бурные стремнины
и страсти,
что человек, попадая сюда,
наконец, понимает
цену жизни,
цену любви и борьбы.

Это место,
где кружатся,
как в кольцах вечности,
самые вольные орлы
поднебесья
и поют своим клетотом
саму гордую песнь
о свободе.

Это место,
где спят,
как песчинки на дне океана,
все времена
от самой первой секунды творенья,
что человек,
с головой окунаясь в вечность,
чувствует себя
и великим, и ничтожным
одновременно.

Это место,
загадку которого
можно отгадывать вечно;
это место,
где мифы
рождаются, как облака,
и растут, как трава;
это место,
о котором
можно петь без конца;
это место,
которое
можно видеть перед глазами,
но все же не видеть,
на земных языках
называют
Тувой.

Болат МААДЫ

ЛИСТВЕННИЦА

О, лиственница, как прекрасна ты!
Вся в образах таинственного лета,
среди степной звенящей пустоты
стоишь ты от заката до рассвета.

Корнями сердце матери-земли
Ты обнимаешь с каждым днем все крепче.
И даже злые ветры не смогли
Ослабить плен твоих объятий вечных.

И кто б на стан твой стройный ни смотрел:
Будь путник он — иль пеший, или конный —
Все с благопожеланьем “йорээл”
Стремятся отдохнуть в тени бездонной.

Пусть хлынет ливень серою стеной,
Я в непогоду под твоею сенью.

Ты и от зноя для меня спасенье:
В тени твоей – как в юрте я родной.

НЕ ЗАБЫВАЙ

В небе синем ни облачка, ясен день этот как никогда.
На меня смотри – взгляд твой искренний, словно звезда.
За ушедшее лето не прячь в своем сердце вину,
я открою тебе беспокойной души глубину.
Не грусти, не вздыхай, что и этот день тоже пройдет,
будем мы наблюдать отлетающих листьев полет.
Я, забыв обо всем, для открытий волшебных воскрес —
сколько родина наша таит неизбывных чудес!

Сквозь морозы на голос капли прорвется весна,
отразится в небесной лазури реки глубина.
Капли рос драгоценные радугой будут сверкать,
вот бы нам босиком по звенящей росе пробежать!

Свое время для каждой поры непременно придет,
осень медленно кружит опавшей листвы хоровод.
Далеко позади повседневных забот суета.
Вдаль, узду оборвав, устремляется снова мечта.

Перевод Елены Трушниковой

ОТЗВУК ОСЕНИ

Вдоль осеннего поля,
криком душу тревожа,
пролетел черный ворон –
к чему бы?

Ах, пора увяданья,
птиц прощального плача
незаметно настала,
так быстро.

Каждый год это время
мою душу невольно

в тоску погружает
все больше.
И забытую рану
тихой болью пытается
до слезы одинокой
и горькой.
Младшим сыном любимым
на руках своих близких
рос веселым мальчонком
когда-то.

А теперь только лица
ушедших так рано
память смутно рисует,
едва лишь.

Желтый лист с легким шумом
мне на плечи ложится,
вся окрестность в осеннем покрове,

где брожу целый день я,
сердца бег унимая
рыбалкой, покоем,
стихами.

СВЯТОЕ СЛОВО

В темноте, на высоком обрыве,
где ходит лишь дикий зверь,
оступившись на узкой тропке,
я с испугом крикну: “Авай!”

Когда, как вершину хмарью,
душу затаяет тоской,
не в силах сдержать кручину,
прошепчу печально: “Авай”.

Днем и ночью в степи бескрайней,
на дорогах трудной судьбы

до костей проберет меня холод
и взмолюсь, как в детстве :”Авай”.

Когда в необъятном мире,
сиротливо ища любовь,
повстречаюсь внезапно с милой,
от радости крикну: “Авай!”.

А когда завершится путь мой,
передам своим детям наказ,
и в последний раз над планетой
прозвучит мой призыв: “Авай!”.

Перевод Саяны Ондур

Инна ПРИНЦЕВА

ИЗ ЦИКЛА “САЯН”

* * *

Я тебе говорила,
что вдоль Усинского тракта,
сразу за перевалом
слишком рано деревья
корочкой льда сковало —

и нынче сквозь лед зеленым
сияют кедры и ели,
березы светятся желтым,
во льду сгорает шиповник.

...и большинство деревьев
раздеться перед морозом
желали — но не успели.

* * *

Да, Гумилев.
Да, скифы.
Да, границы.

Да на носу у воробья
апрель мостится,
высокий —
до дерев и до небес.

Еще не зелень,
лишь пронизан ветер
ее виденьем,
мчащимся в дожде:
о листья бьются тополевы листья,
ковчегами несутся гнезда птичьи,
иные здесь смещаются границы,
совсем не те.

Да, Гумилев,
да, скифы,
и *страницы архивные шуршат,*
и *сумрак нежен,*
и *под грозным небом*
апрель да воробьи навеки вечны,
судьба других кратка.

* * *

Опять стоишь над душою.
Желтый взгляд. Седина.
Жесткая грива туго в косу заплетена.
Лютый, требуешь жизни.
Нежный —
взываешь к ней,
ветром равнинным источенный,
камень среди камней:

— Увы, всех жен своих оставил я,
и сыновей своих оставил я,
и табуны свои оставил я...

Не плачь:
кто — выплакав глаза,
кто — осушив,

все жены спят,
в степи растворены.
И сыновья,
твои и не твои,
оскалившись, сплетясь,
в крови лежат,
не поделив по чести табуны.

За восемь перевалов сведены
из табунов все иноходцы.

Опять я перед тобою.
Желтый взгляд. Седина.
Жесткая грива туго в косу заплетена.
Лютый. Требуешь жизни.
И милосердно она
на песок осыпает
каменные семена.

Спящий Саян

Воин спит.
Вращается время.
Бесстрастен каменный профиль.
По телу
кровь медленно тянется к сердцу.
Под раскосыми веками
пристально внутрь глядят
зрачки азиатского тигра.
Воин спит.
Смещаются облака,
ложатся снега,
и русла меняют реки.

По дороге в Твой дом,
Твой заснеженный лес
ненасытная степь
растворяет меня,

азиатский напев
не пускает меня —
в отступленьи от крови
из столетий кляня,
бьет в падучей, ломает, калечит.

Волос дыбом, к закату эксперимент,
смех, и грехопадение, и ужас —
в шевелюре каждая жесткая прядь
по своей принадлежности разобралась:
рядом с черным волосом русский.

Что творю, что творю
на просторах Твоих:
смуглый образ Саяна
вместо ликов святых,
и отец мой земной
из-под тяжелой земли
улыбаясь, молчит.

Спит Саян,
Словно гоголевский мертвец,
Разрастаясь костями.

— Радость, милый,
какой там затейливый крест
возвели между нами?
Да древесная свежая вязь
никому не мешала.
Сквозь нее, погибая, родясь,
я тебя целовала
и дивилась степному лицу.

Отражалась
жестокость и власть
в полированном веки назад
зеркале из металла.
И металась полынная горькая кровь,
подступая под горло,

била маленьким родником
между степью и полем.

Воин спит.
Вращается время.
Бесстрастен каменный профиль.
По телу
кровь медленно тянется к сердцу.
Смещаются облака,
ложатся снега,
и русла меняют реки.

* * *

Слышишь, что стеблем цветущей полыни
ветер выводит невнятные линии,
чуешь — смолой,
не человеком пахнет объятие,
видишь — следы на земле обметала
красная соль.

Солоно так —
чугунок с неизбывною кашей
окаменел
хрупкой развалиной цивилизации
в плотном песке,
рядом с полынным густым сухостоем,
рядом с водой
пыльные овцы
лизут, толкаясь,
столб соляной.

Вот тебе воля.
Гляди, не моргая:
кладбище.
Степь.
И на вершине
кривой пирамидки
тренькает жесьть.

Вот тебе крест,
и звезда,
и прощенье —
все тебе здесь.

Видишь —
улыбка из соли прозрачна,
но проступает в ее очертаньях
слез безутешных немая гримаса,
смертного часа неистовый вопль.

Ах ты, неверие,
ах, любопытство:
лишь оглянись,
лишь взгляни сквозь ресницы —

низкое солнце
окрасит дорогу
в красную соль.

Кондратий ЕМЕЛЬЯНОВ

* * *

Переживаю томный лик луны.
Пришелец неба. Изучил страданья,
рожденья страх и возрожденья стыд,
и безнадежность добрых начинаний.

И нет сомнений в пагубности тьмы.
Мой светлый мир мечтой и верой сочен.
Но есть вопрос — за что сгораем мы?
Но есть ответ - что мы сгораем очень!

Пульсирует созвездие Весны.
Душа притихла - внемлет Мирозданию.
Других галактик оживают сны.
Но эта ночь жила моим признаньем!

ГОРОД ГРЕЗ

В.П. Шульге

Нам не дано потрогать темноту,
услышать радугу, поцеловать рассвет.
Как жабрами вдыхаем немоту
того, что было и того, что нет.

Мы впитываем чувственные блики
полутонов, которых не понять.
Эмоции нас заполняют криком,
и этот крик мы отправляем вспять.

Живописуя, можно ль осознать
дыхание, слова пустой квартиры?
Когда себя другим не рассказать, —
друзья тебя заранее простили!

Все судьбоносно! Абсолютно все!
Мы - странники, изученные миром:
опять выходит на балкон Ассоль,
на мотоцикле Грей пронесся мимо.

И величавый гулкий Енисей
Офелии, смеясь, умоем слезы.
Встречает город Гамлета рассвет.
И воздух утомят шальные осы...

Рисуя мир, мы извлекаем сок
сомнений, и восторга, и терзаний.
Рука ведома кистью, и висок
пульсирует от объяснений тайны.

* * *

Мне суждено под солнцем долго жить
горливой птицей, сон крылом цепляя.
В паденьи песню Неба окружив
открыто и размашисто, без стаи

я вознесу страданий миражи
в покой мечты и дальность созерцаний...
Пронзая Время крыльями - резцами,
я буду долго и счастливо жить.

* * *

Соцветие семи цветов:
семь нежных лепестков летящей радуги.
Семь жизней засветились у висков, -
от смерти и до смерти - только в радости.
От плача до рыдания, простите,
так грешно жить и подарить любовь -
дороже всяких безыскусных истин.
Безмолвие рождается из слов.

* * *

И молнией герою светит небо,
трусливым - криво улыбнется вслед.
И если бездна под ногой запела, -
ты слышишь сердцу своему ответ.

Поломанные крылья — только крылья.
Они окрепнут, духом ты не пал.
Твоя надежда обреченной былью,
поет в глазах, как огненный опал.

Нам горе щедро раздает советы.
Свободу неба трогают кресты.
Герои подражают Сыну Света.
Любовь есть свет, и нет в нем темноты!

Сылдыс Донгак — молодой поэт. Его лаконичная немногословная лирика — слепок души современника, живущего в лихое время. Стихи грустны, душа плачет, кожа чувств обнажена. Он возрос на фольклорных образах параллелизма, контраста, прямого обращения в космос. Его возгласы к миру, любимой выражают жажду слова и взаимопонимание. Эти стихи опубликованы в журнале “Сибирские огни”, и у них обязательно появится новый читатель, русскоязычный.

М.Хадаханэ.

СЫЛДЫС ДОНГАК

ВЕТЕР ПЛАЧЕТ В СТЕПИ ГЛУХОЙ

* * *

Я не закричу на тебя:

“Усни скорей!”

Можно уснуть и можно проснуться,
но холоден вечный сон.

Я не закричу на тебя:

“Уйди скорей!”

Можно уйти и можно вернуться,
но черен уход без возврата.

* * *

Озеро мое!

Озеро мое с ресницами из желтого тростника —
душа тоскует и плачет.

Но выйдет ли озеро из своих берегов?

Небо мое!

Небо мое с немигающим взором,
которое слеза застигает.

Не померкнет ли свет передо мной?

Земля моя!

Земля моя — колыбель родовая.

Сына своего не оставь сиротой.
Дай забыться от слез в объятьях твоих.

* * *

На востоке,
словно лик прекрасной принцессы,
восходит проснувшееся солнце. .

На западе,
словно в душе покинутой возлюбленной,
гаснет заходящее солнце.

* * *

Жизнь — это ножницы.
Земля и небо — лезвия.
А тоненькая волосинка — моя жизнь.

* * *

Туча, блуждающая в горах,
в озере отразится,
но, пролившись дождем,
стирает свой образ.

Лик моей милой, перекочевавшей за горы,
в душе моей ярко сверкает,
но слезы, пролившись,
стирают ее образ.

* * *

Прислушайся, путник!
Ветер плачет в степи глухой —
это плачет душа моя,
заблудившаяся в верхнем
и нижнем мирах.

* * *

Эхо, затихающее в душе моей —
эхо твоего прощального слова.
Не оставляй меня, друг мой...

Слезы твои горестные —
бурная река без переправы.
Не оставляй меня, милая.

Душа, сохранившая тепло твое —
дорога, по которой я приду к тебе.
Не оставляй меня, любовь моя!

* * *

Когда тело мое застынет бездвижно,
когда светильник мой угаснет
во тьме беспросветной,
когда дыхание мое пресечется,
когда голос мой умолкнет...
Тогда и обманывай меня —
я ничего не услышу и промолчу.

* * *

Суровые слова — это горестей серьги золотые,
укрась ими уши.
А слезы — это бусинки грусти,
укрась ими грудь, в ожерелье собрав.
Жестокосердие — это злости платочек,
узорчатый, шелковый,
повяжи его на голову, когда заплетешь свои косы.

* * *

От взгляда любимой моей
все горести ушли без следа.
От жара любви
одиночество мое испепелилось.
От эха одного-единственного слова
застенчивая душа моя застонала.

Авторизованный перевод с тувинского.

*К 75-летию тувинской письменности и
к 75-летию писателя.*

АНТОН КАЛЗАН

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА ТУВИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Созданием тувинской письменности ровно полвека тому назад была решена одна из ключевых проблем развития перехода новой Тувы к социализму. Национальный алфавит, помимо прочего, явился необходимым условием возникновения и развития тувинской литературы и литературного языка, который в устной форме начал складываться еще в 20-х годах.

Тувинский литературный язык был порожден объективными потребностями нового времени — необходимостью удовлетворения нужд общественно-политической жизни ТНР, ее зарождавшейся художественной литературы, печати, издательского дела, народного образования, театрального искусства. Исконный разговорный язык, обслуживавший повседневную хозяйственно-бытовую деятельность тувинцев, и традиционный язык фольклора в том виде, в каком они существовали, естественно, не способны были полностью отвечать требованиям изменившихся исторических условий.

Национальный литературный язык тувинского народа не является каким-то абсолютно новым явлением. Он сформировался как высшая форма народного языка на готовой базе его фонетической, лексической, грамматической и стилистической системы, подвергаясь влиянию русского и монгольского языков.

Язык художественной литературы непосредственно и тесно связан со своей первоосновой — народно-языковым

языком и языком фольклора, с их художественно-изобразительными традициями. Тувинцы как творцы многожанрового, самобытного фольклора еще в прошлые века довели до совершенства образную систему родного языка. Такие типичные языковые средства живописания словом, как повествовательная, диалогическая и монологическая формы речи, разные виды тропов, лексико-морфологические и интонационно-синтаксические способы изобразительности, достигшие высокого уровня в народной словесности и в живом разговорном языке, были закономерно унаследованы литературой, где они видоизменялись сообразно с ее спецификой.

Тувинскими языковедами в содружестве с видными тюркологами страны достигнуто немало успехов в исследовании вопросов национального литературного языка. В аспекте темы нашей статьи представляет большой интерес в особенности книга доктора филологических наук Ш. Ч. Сата “Формирование и развитие тувинского национального литературного языка”, в которой обстоятельно исследован широкий круг вопросов, касающихся истории, письменной основы, общественных функций, структуры и стилей тувинского литературного языка.

Однако становление литературного языка тувинцев под влиянием экстралингвистических факторов пока исследовано недостаточно. Развитие тувинского литературного языка в целом и его художественных стилей, в частности, было неразрывно связано с теми коренными переменами в социально-экономической и духовной жизни тувинского народа, которые происходили со времени победы народной революции в Туве до наших дней. Автор данной статьи, в основном, в порядке постановки вопроса касается лишь одной стороны указанной проблемы, а именно, возникновения и развития литературных основ и норм языка современной тувинской письменной словесности в неразрывной связи с общим литературным процессом.

Как известно, художественная литература и литературный язык при всей их самостоятельности — это явления двуединые, немислимые друг без друга. Вслед за акад. В.В.Виноградовым, который подчеркивал, что “огромную

роль в оформлении и развитии литературных языков играет художественная литература”¹, Ш.Ч.Сат применительно к тувинскому языку приходит к выводу: “...Художественная литература своим влиянием обогащает, нормализует, возвышает и усиливает литературный язык. Роль основоположников тувинской литературы заключается в том, что они закрепили и разработали в литературных произведениях нормы современного тувинского литературного языка”.²

Литературное творчество, подобно любому виду интеллектуальной деятельности человека, не может существовать иначе как через свою, особую языковую систему самовыражения. Оно воплощается в живую эстетическую плоть только посредством письменно-художественного языка — подчиняющегося его общим законам. В свою очередь, литературный язык — это обязательный атрибут письменной словесности, вне которой он не существует.

Становление художественных стилей тувинского литературного языка происходило в целом синхронно с поступательным движением национальной литературы, в соответствии с особенностями оформления ее жанров в русле реалистического художественного метода в тот или иной период. Изучение этого факта, на наш взгляд, должно привести, в конечном счете, к выводам, имеющим значение для творческой практики писателей Тувы.

Какие явления в языке современной тувинской литературы выдержали суровое испытание временем, как отвечающие требованиям письменных речевых норм, что является наиболее плодотворным и перспективным? — таковы актуальные вопросы, стоящие перед языковедами и литературоведами Тувы. Очевидно, дать научно обоснованный ответ на них можно после предварительного выяснения не менее важного вопроса, - каким был и каким стал язык тувинской литературы?

На наш взгляд, в зависимости от характерных особенностей того или иного периода развития социалистического реализма в тувинской литературе во взаимодействии с традициями коллективного творчества процесс форми-

рования языка современной тувинской литературы можно с некоторой условностью разделить на три этапа.

Первый период охватывает двадцатые и тридцатые годы — во время интенсивного роста нового революционного фольклора и зарождения тувинской литературы на основе синтеза устно-поэтических традиций с реалистическим опытом русской литературы. В эти годы литературные жанры, находясь на стадии первоначального формирования, испытывали сильное влияние народного творчества и непосредственно копировали его формы. Поэтические произведения создавались, как правило, в рамках поэтики народных песен, а образцы прозы представляли собой беллетризованные воспоминания или непосредственные рассказы очевидцев событий о лично виденном и поэтому существенно не отличались от устных рассказов. Но в этих условиях возникали и постепенно накапливались собственно литературные явления — новые темы, образы, идеи и жанровые формы.

Все это определяло характер языка тувинской литературы того времени. Зачинатели молодой литературы писали преимущественно в духе разговорного фольклорного языка. Вместе с тем в их произведениях привычные для них с детства формы родного языка начали дополнительно приобретать несколько иные, чем в устной речи или поэзии, черты. Кроме того, в художественный язык начали проникать новые слова и выражения, созданные средствами самого тувинского языка или заимствованные из монгольского и русского литературных языков. Так, на базе общих, интердиалектных элементов народного языка, путем видоизменения, совершенствования и унификации его грамматических и лексико-семантических основ и освоения иноязычных слов начал формироваться тувинский литературный язык в художественной сфере.

Элементы литературного языка появляются уже в первых произведениях тувинских авторов, что можно проиллюстрировать следующими примерами из публицистического очерка “Цепи разбиты” С.Тока:

“Ол беш кижини ававыс диленип, орус, тываның аразынга кезип чорааш, бистерни доруктуруп, кижини үрезинге немере кылган”; *“Ол цеде чүве кылырда, шак барымдаалавас, эртенгиниң даңының хаязын болгаш кежээкинниң имирин барымдаалап турган чүве болгай”;* *“Идам-Сүрүн феодал, өске феодалдар-биле дөмей, кончуг чүзүн-баазын янзы-биле арат хөйүнү дарлап турган идегет болгай”.*³

Цитированные фразы написаны в основном в разговорной манере — без необходимой шлифовки, в результате чего в каждой из них встречаются тавтологии, характерные для устного общения. Но все же они полностью не укладываются в рамки обычной устной речи: первая фраза по стилю скорее книжная, нежели разговорная, в частности, здесь предикативность лишена той яркой модальной окрашенности, так свойственной разговорной речи, ведущейся от первого лица; во второй фразе употреблен союз *болгаш* “и”, который в данном значении имеет письменное происхождение; а в третьей — содержатся новые слова с яркой социально-политической окраской — *феодал*, *дарлаар* “угнетать”, *идегет* “чуждый элемент”, *арат хөй* “аратские массы”.

Использование народного языка в несколько модифицированной, литературной манере в 30-х годах было более характерным для поэтической речи. Молодые стихотворцы, стремясь найти стиль письменной поэзии, вносили в народный язык свежую струю, приспособивали его к новому содержанию.

Типичный пример этого — строки из стихотворения С.Сарыг-оола “Мы победим” (1935).

Бажывысты кескештиң,
Баалыкка азып чорду.
Малывысты үскештиң,
Мааладыр сүрүп чорду...
Хөреңгивисти кактааннар,
Хөңнүвүстү каганнар.
Октябрның бүгээнинден,

Оттуг чаңнык дүшкенинден...
Адаан демисел үндү,
Араттың чазаа доктаады...
Ажыл-агыйывысты сайзырадып,
Ажык байлаавыс камгалап,
Эки чуртталгавысты эгеледивис,
*Эртем культурун ажыттывыс.*⁴

Социально-публицистическое литературное содержание стихотворения здесь ярко раскрыто благодаря соответствующей ему языковой форме выражения. Необычная для фольклорного стиха повествовательная манера развития поэтической мысли, патетическая интонация языка, новые понятия (*октябрь, демисел, араттың чазаа, ажыл-агый, сайзырадыр, эртем, культура*) — все это придавало языку стихотворения книжно-литературную окраску.

Итак, в 30-х годах, когда тувинский язык начал обслуживать дотоле незнакомое его носителям письменное словесное искусство, язык тувинской литературы, как и сама литература, переживал начальную пору становления. И, хотя тенденция к выработке своих специфичных художественных стилей в нем со временем стала возобладающей, но его литературные основы утверждались в условиях активного проявления в писательском творчестве традиций разговорного языка. Однако новизна письменной литературы с неизбежностью повлекла за собой зарождение в тувинском языке и новых явлений.

Роль литературы для становления тувинского литературного языка состояла и в том, что писатели вводили в письменный оборот все большее количество слов из народной лексики. Подавляющее большинство этих слов, впервые орфографированные в художественных произведениях на основе латинизированного алфавита, обрело как бы вторую жизнь в литературном языке. Такое явление сохраняется и поныне, ибо в народном лексиконе продолжает существовать значительный пласт, который может влиться в литературный обиход главным образом через художественные произведения.

Следующий характерный этап развития языка тувинской литературы охватывает приблизительно двадцатилетний период с начала 40-х годов. Этот период открывается очерковой повестью “Мои воспоминания” С.Тока и поэмой “Чечек” С.Пюрбю, которые увидели свет в 1941г. и сразу выделились на общем фоне литературы того времени новаторством как жанровых форм, тем, так и языка. Естественно, что в этих произведениях продолжает заметно сказываться влияние устно-повествовательной речи. Но все же литературность является ведущим признаком их языка, целенаправленно обработанного и избавленного от чрезмерных вольностей разговорного языка.

Если в предыдущие годы творческие искания зачинателей молодой литературы в области языка привели к созданию предпосылок книжного стиля, то со времени появления указанных произведений — первенцев тувинского реализма — развитие языка национальной словесности следует характеризовать как непосредственное формирование в нем тех коренных свойств тувинского литературного языка (нормативность лексико-грамматической структуры и орфографии, книжно-стилистическая дифференцированность, отшлифованность и упорядоченность речи, наличие в общих чертах уже определившихся тенденций дальнейшего развития языка на всех его уровнях), которые, непрерывно обогащаясь и видоизменяясь, сегодня образуют его основы. Этот процесс занял сравнительно небольшое время, он получил относительную завершенность уже к первой половине 60-х годов.

В отличие от общественно-политической или научной сферы, где становление тувинского литературного языка было связано с созданием большого количества новых терминов, освоением многих заимствованных или калькированных слов и выражений, в литературно-художественной практике это же явление сводилось главным образом к обработке и шлифовке применительно к специфике писательского творчества богатых изобразительных средств и приемов народного языка. Отсюда и та “скоротечность” (по выражению Н.Сердобова)⁵ вызревания художественно-

функциональной разновидности тувинского литературного языка. При этом конечно, важное значение имело и то обстоятельство, что тувинский язык в основной своей массе не имел существенных территориальных диалектных отклонений.

Факты показывают, что еще к середине 40-х годов, в основном, определились типичные стилевые признаки языка тувинской поэзии, прозы и драматургии. Об этом свидетельствуют многие известные произведения военных лет — повесть “В берестяном чуме”, комедия “Тонгур-оол” С.Тока, поэма “Саны-Моге”, повесть “Подарок”, многие стихи С.Сарыг-оола, образцы лирики С.Пюрбю, трагедия “Хайыраан бот” В.Кок-оола.

В чисто субъективном плане манера художественного письма 30-х годов уже тогда стала восприниматься как несовершенная, а редактирование языка авторских произведений, исходя из получивших признание литературно-художественных стилистических принципов, стало одним их важнейших условий издания литературных текстов.

Язык произведений, созданных ведущими писателями республики в первой половине 40-х годов, стал эталоном для всех, кто двигал тувинскую литературу вперед в последующие годы. И на рубеже 50-60-х годов язык тувинской литературы достигает такого уровня, что невозможно не определить его иначе как сложившийся в основных чертах литературный язык. Его лексические, грамматические и стилистические нормы получили закрепление не только в художественно-речевой практике, но и в научной, вузовской и школьных грамматиках, в орфографических и двуязычных словарях.

Литературный язык в распоряжении тувинских писателей стал действенным средством создания реалистических художественных произведений. Подлинным литературным языком были написаны многие образцы тувинской литературы 40-50-х годов. Среди них — “Слово арата” С.Тока, “Алдын-кыс” С.Сарыг-оола, “Чечек” (новая редакция) С.Пюрбю, “Дружба”, “Аржаан” О.Саган-оола; стихи Б.Ховенмея, Л.Чадамба, Ю.Кюнзегеша, С.Тамба и других поэтов. Эти произведения полюбились массовому читателю не только силой эстетических идей, но и в не

меньшей мере литературными достоинствами языка, с помощью которого они выражены.

В формировании письменных норм языка тувинской прозы большая роль принадлежит, наряду с другими основоположниками тувинской литературы, С.Тока, в особенности его известной трилогии “Слово арата”. Одним из плодотворных итогов творческой эволюции писателя в 30-х годах было появление у него принципиально нового подхода к художественному языку, который впервые четко обнаружился в названной выше книге “Мои воспоминания” и нашел логическое продолжение и развитие в повести “В берестяном чуме”, положившей начало будущего романа “Слово арата”. В дальнейшем, в течение двадцати лет, продолжая работу над своим автобиографическим полотном, С.Тока поднял на новую высоту язык тувинского реалистического эпоса.

1. В.В.Виноградов. *Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития*. М., 1967, с.43.

2. Ш.Ч.Сат. *Формирование и развитие тувинского национального литературного языка*. Кызыл, 1973, с. 69.

3. Сб. “Кинчини чаза шапканы”. Кызыл, 1932, с. 3, 6, 9.

4. Сб. “Чынды чогаалдар”. Кызыл, 1937, с. 6-7.

5. Н.А.Сердобов. *История формирования тувинской нации*. Кызыл, 1971, с. 410.

Мария ЧЕРНОУСОВА-САРЫГ-ООЛ

КАПЕЛЬКА ДУШИ МОЕЙ...

Недавно, встретившись с Монгушем Бораховичем Кенин-Лопсаном, мы вспоминали о поездке наших писателей, которую организовали руководители Дзун-Хемчикского кожууна, на место пленения восставших, гору Кара-Даг. Для Сарыг-оола эта поездка была особенно важной. Было это в 1982 году.

Приехали. Сарыг-оол, не раздумывая, взобрался на обрыв скалы. По рассказам, именно там находился наблюдательный пункт повстанцев, и где-то рядом стояла последняя юрта Самбажыка, одного из их руководителей.

Монгуш Борахович в числе других приехавших оставался ниже. Он, вспоминая, сказал примерно следующее:

– Когда я увидел Сарыг-оола на гребне скалы, спокойно смотревшего на юг, на равнины, у меня вдруг закружилась голова, словно это я стоял на его месте. Потом ехали в автобусе, и кто-то спросил Степана Агбановича, не боялся ли он сорваться вниз. Он ответил: “Я же смотрел не своими глазами, а глазами Самбажыка, а ему было необходимо видеть все”.

Большинство из нас находились на северной стороне горы, где, среди небольших камней, какими-то сказочными, отдельно рассажеными букетами рос багульник, полыхая сиренево-розовыми цветами, разливающими тончайший аромат. Вдали, на западе, мы смогли разглядеть стайку горных птиц, уларов. К западному склону горы подступала река Алаш, к северному склону исчезая, будто пропадая в чреве Кара-Дага, а дальше ее серебристая лента, сверкая, мчалась по направлению восхода солнца.

ЗАВЕРШЕНИЕ ПУТИ

Наступил 1983 год, в котором Степану Агбановичу Сарыг-оолу, народному писателю Тувы, предстояло отметить 75-летие. Дату, в жизни каждого человека значимую. А для писателя особенно. Ему хотелось одарить читателей интересной, содержательной книгой. Автор уже передал в издательство рукопись сборника стихов и еще непременно хотел завершить исторический роман на тему восстания шестидесяти богатырей. Над сбором материала он работал более двадцати лет. Бывал в командировках в разных районах Тувы, искал долгожителей, которые помнили бы что-нибудь о тех событиях. Среди его собеседников были и родственники, потомки участников восстания. Эти встречи были особенно дорогими находками. По существу, роман был завершен, но для последней главы недоставало документально подтвержденных имен. Их он пытался отыскать в нашем Госархиве. Мы вместе листали предоставленные папки, но поиски не увенчались успехом. Сарыг-оол загоревал, расстроился.

Однажды, сидя за рабочим столом, обхватив голову обеими руками, он сказал: “От этих неразрешенных вопросов у меня не только голова — печенка вспухла. Мне крайне надо отыскать подлинные имена этих четырех”. Он еще долго неподвижно сидел за столом, и вдруг, поднявшись, сказал: “Мак, бесполезно доить яловую корову, молока все равно не дождешься. Пойдем в парк”.

Общение с природой для него всегда было не только отдыхом, но, скорее, врачеванием души и тела. К этому “лекарю” мы обращались в течение многих лет, в любое время года, при любой погоде. Возвращались домой обновленными, и Степан Агбанович вновь приступал к работе. Но на этот раз работа все равно не шла. Он нервничал, вспоминая о своих задумках побывать в Монголии, посетить архивы, чтобы ознакомиться с документами тех лет. Ведь судилище над пленными восставшими завершилось именно там. К великому сожалению, поездка писателя не осуществилась. Он не отыскал подлинных имен тех четырех героев, которые предпочли броситься с кручи, нежели сдать наемным китайским войскам, присланным из Монголии.

Сарыг-оол сетовал на себя, очень переживал, что не может поставить последнюю точку. Эти волнения привели к обострению давнего заболевания правой руки. Он оказался в больнице и выписался оттуда только в начале марта. Он выглядел поздоровевшим, бодрым, но за письменный стол не садился, а позвал меня на прогулку в парк. Мы, не обращая внимания на лужи и мокрые кучи снега, оживленно беседовали, шутили, смеялись. И вдруг он завел разговор о творческих планах. А это для Сарыг-оола было несвойственно. Задумки он хранил глубоко в душе, словно боясь их сглазить, боясь, что они не осуществляются. Но в тот день он заговорил о том, что когда сдаст в печать роман о шестидесяти, обязательно приступит к третьей книге автобиографической “Повести о светлом мальчике”:

— Знаешь, Мак, я ведь давно собираю материал для продолжения.

Увидев на моем лице удивление, он весело продолжил:
— Я хотел удивить тебя этой задумкой. Вижу, это удалось. Ведь да?

И мы, обнявшись, закружились, как дети...

Затем нас крепко привязали издательские дела. Готовили, кроме романа, сборник стихов, который планировался к выходу в конце апреля, а строк, указанных в договоре, не доставало. А ведь стихи — не камушки на дороге, которые можно собрать в любое время.

...Он был задумчив и в один из дней подал мне для набора на машинке исписанный лист, стихотворение “Мольба сироты”. Вчитавшись в содержание, я встревожилась его необычной интонацией. А взглянув на поникшие плечи Сарыг-оола, неподвижно сидящего за столом, испытала недоброе предчувствие. Но от обсуждения воздержалась, тем более, что и автор не был склонен говорить об этом стихотворении. Назавтра я отнесла в издательство недостающие строки.

Через несколько хлопотных апрельских дней Степан Агбанович, вернувшись вечером с какого-то писательского собрания, оживленно рассказывал, как удачно выступил, а поужинав, рано лег спать. Ночью ему захотелось выпить воды, и он, не включая света, побрел на кухню. Вдруг послышался грохот и вскрик: “Ой...”

А подбежав, я увидела его, беспомощно лежащего на полу. Пришлось искать на ночной улице прохожего, чтобы поднять Сарыг-оола на кровать. Затем “неотложка” привезла нас в травматологию, врачи диагностировали страшное — перелом головки бедра. Замуровали в гипс...

Дальше была долгая неподвижность. Так, в этом гипсовом саркофаге, он и расстался с жизнью.

И через двадцать лет после ухода Степана Агбановича я всегда отмечала его дни рождения. Если это были рядовые даты, то дома. А вот два года назад я отдыхала в санатории “Красноярское загорье”, где было несколько наших земляков. 17 ноября они охотно приняли мое предложение посвятить вечер памяти Сарыг-оола, а библиотекари

предоставили нам читальный зал. Некоторые из участников вечера так тепло вспоминали о писателе, о встречах с ним, а более молодые, кто родился уже после ухода из жизни Степана Агбановича, читали его стихи. Словом, вечер удался, а меня очень обрадовало отношение собравшихся к памяти писателя. Кроме того, я почувствовала доброту и внимание к себе, это очень согрело.

А особенную заботу проявила милая молодая женщина Люба. Возвратившись в Туву, мы снова встретились с Любушкой, общение с которой было очень приятным. Однажды, придя ко мне, она вручила мне два листа, исписанных бесконечно знакомым и дорогим мне почерком...

Вчитываясь в строки стиха, переполненные светлыми чувствами и беспредельным восторгом, я была поражена страшной мыслью: “Каким же коротким оказался пир его сердца, всего-то через пару недель от случайного падения оборвалась его радость вместе с жизнью”.

Сидевшая рядом Люба, смущенно опустив голову, очевидно, ожидала моей реакции. Она не ждала горячих слов глубочайшей благодарности за то, что благодаря своей чуткости, своему такту, не оттолкнула, не намекнула на преклонный возраст поэта, и потом бережно хранила эти строки, как бесценную реликвию более двадцати лет. А познакомившись со мной, решила принести этот дар в архив писателя. Этот поступок, передача стихов и письма, кажется мне особенно благородным в то время, когда другие, очень, на первый взгляд, культурные посетители квартиры Сарыг-оола бессовестно и изощренно обкрадывают архив умершего, несомненно, с меркантильными целями. Они не задумываются, что крадут частицы истории своего же народа.

Из архива:

“Дорогая моя сестричка Любаша!

Смею уверить, что к Вашему чуткому, отзывчивому, сердечному, смиренно-ласковому, душевно-нежному, порой младенческому, порой материнскому, девичьему характеру, я постепенно сам собой приластился, и уже с ним сроднился, и окончательно к нему привык.

Или, честно признаться, я просто очень сильно влюбился в Вас! Это нисколько не стесняет меня, а блаженно вдохновляет, радует, словно я в раю. Среди многих друзей моих: разных мужчин и женщин, взрослых и совсем юных я нашел самого близкого друга, товарища. Я радуюсь этому и считаю огромным счастьем. Я бесконечно доверяю Вам, надеюсь, что Вы меня поддержите, и поймете, и пожалеете меня с моими романтическими выходками. Не забудьте, дорогая, своего друга — жалкого старика. Прочтя с улыбкой эти строки, написанные второпях, постарайтесь увидеть, дорогая, что в них есть капелька души моей, мелодия поэзии любви.

Степан Сарыз-оол.”

Подстрочный перевод письма
В. Монгуша.

Молодые голоса

Виктория КОНДРАШОВА

МЫ ВСТРЕТИМСЯ

Я знаю: мы встретимся.
Краешком вечности,
вешней проталиной
станет свидание.

Я знаю: мы встретимся.
солнца завертятся,
звезды умножатся,
рифмами сложатся
в небе расплывчатом
сном переливчатым.
Взгляд мой потерянный
вспыхнет уверенно,
грусть одиночества
свергнет пророчество.

Я знаю: мы встретимся,
песнею светлую, сном обожания
станет признание.
Руки небесные —
в объятия тесные,
глаза ненасытные,
сердца — в одно слитые...

Я знаю: мы встретимся.

* * *

Я хочу тишины.
Чтобы сердце стучало
и звук его эхом от стены отдавался.
Чтоб на гребне луны,
забытая всеми, лежала
под холмом моя грусть.
Я в подлунную келью навряд ли вернусь.
Я прикинусь звездой
и на вас с высоты погляжу
и зажгусь сквозь туманную даль.

Когда все отцветут и увянут надежды,
я сорвусь,
    полечу,
растворюсь,
    раздроблюсь...

Помоги мне, Господь.
Помоги мне счастливой родиться невеждой,
чтоб бродить по земле,
ее близостью теплой уметь наслаждаться
и в небо
не вздывать занятой головы,
чтобы все было просто,
как дом,
    как цветы,
чтобы каплями — дождь,
чтоб всегда я и Ты...

РОМАШКА

Подари мне ромашку.
Не цветков, не улыбку, не с неба звезду.
Подари мне барашка.
Пусть на нем не сияют рога
и не вьются кудряшки —
я такого сама, если хочешь, найду.

Подари мне свой смех,
серебристый и звонкий,
как звездный рожок
в расшитом гирляндами небе...
Я его соберу и в ладонях, как снег,
буду долго к щекам прижимать,
и смеяться в ответ, и мечтать
о еще не родившемся снеге...

Ты придешь,
ты уснешь на плече у меня,
утомленный дорогой суровой
и жаждою неизмеримой.
Я совью тебе шарф
из двенадцати стеблей
двенадцати розовых лилий.
Я совью тебе сон
из десятка прозрачных
русалок, и голос
будет тихо журчать,
и слова
расплывутся кругами без линий...

СПЕКТАКЛЬ “ХАЙЫРААН БОТ” В ОЦЕНКЕ КРИТИКИ

Хомушку Саяна, 11 гуманитарный кл., 2001.
Рук. Е.В. Ослина

Тема исследования нова и оригинальна. Автор анализирует критические отзывы о постановке пьесы “Хайыраан бот” А. Оор-жакком и подчеркивает неоднозначность оценок, что, по мнению ученицы, свидетельствует как о непреходящей ценности и глубине пьесы В. Кок-оола, так и о творческом потенциале режиссера.

(Из рецензии И.И. Цыбы,
ст.препод. кафедры литературы ТывГУ)

Выбор пьесы “Хайыраан бот” как предмета критического осмысления закономерен, ибо драма Виктора Кок-оола уже давно признана литературоведами и критиками классикой тувинской

литературы и высокохудожественным явлением искусства. Впервые пьеса была поставлена на тувинской сцене в 1943 году Иваном Исполневым, и почти ежегодно начало сезона Тувинского музыкально-драматического театра отмечается спектаклем по этой пьесе.

За 50 с лишним лет почти каждый ищущий режиссер обращается к постановке “Хайыраан бот”, пытаясь найти новые повороты в осмыслении темы, трактовке образов, пробуя новые жанры.

Театр – искусство временное, и любая постановка до определенного момента, а снятая с репертуара утрачивается как явление реальности, становясь явлением истории. Критические отзывы, опубликованные в газетах, тоже одномоментны. Для зрителей, читателей и театральных деятелей важно иметь полное представление о позициях критиков за несколько десятилетий, что позволит определить место произведения в историко-литературном контексте.

Самые бурные споры вызвала последняя трактовка пьесы, поставленная народным артистом в октябре 1995 года Заслуженным деятелем искусств Республики Тыва Алексеем Кара-ооловичем Ооржаком. Многие зрители и некоторые критики сочли этот вариант недостойным замысла Кок-оола и даже посягательством на его авторские права, со значительной долей консерватизма утверждая, что в подобном самоуправстве А. Ооржака нет ни намек на то, что “Хайыраан бот” – это картина нравов того времени, своеобразный способ сохранить в памяти народа этот отрезок истории.

С другой стороны, спектакль плучил одобрительные отзывы в тувинской прессе. “Необычайный по своей неординарности спектакль показался “не лучше и не хуже, другим, современно отличным от предыдущих, непохожим ни на один из них” (Э.Ховалыг). Но в 1996 году на международном театральном фестивале. “Туганлыг” в Уфе постановка была отмечена как лучшая по четырем номинациям: за режиссерские поиски в разработке национальной тематики, лучшему молодому актеру, за лучшую роль второго плана, за лучшую сценографию.

Сам режиссер объяснял, что смотрит на тувинскую классику с позиций времени. В период, когда материальные ценности ставятся очень высоко, а человеческая жизнь так обесценилась, творческая группа спектакля пришла к решению показать примеры высокой духовности и бескорыстия. “Для нашего поколения эта драма стала легендой” (А. Ооржак). А легенда позволяет уйти от

конкретики этнографических, географических и бытовых деталей, расширяя рамки художественного пространства до мировых масштабов. “Подобная ситуация ведь могла быть не только в Торгалыге, но и в любом другом месте. Хоть в Париже”.

Ощущение сказочности происходящего появляется в самом начале спектакля. Под нежную мелодию в легкой прозрачной подсветке на сцене радостно и естественно играют маленькие герои - Кара и Седип. “Когда мы видим ребятишек, то бросаем нежный, чистый, наивный взгляд и смотрим на спектакль детскими глазами”, - отметила в обсуждении спектакля на фестивале театральный критик В. Рыжова. С. Монгуш отметила как ценную находку использование в прологе и эпилоге игры “сайзанак”, которой заняты дети. “Это самые первые уроки жизни... играя в эту древнюю игру, тувинцы учились любви, готовились к будущей семейной жизни”.

Но радостное мироощущение соединяется с трагическим, это поддерживает и красный цвет освещения сцены, и слышимый сестрами Кары зловеющий крик филина. Уфимский театральный критик Г. Верлицкая выделила, что “спектакль избегает мистических моментов, хотя, казалось бы, все могло располагать к этому”.

Многие тувинские критики остались недовольны сценографическим решением. Режиссер же объяснял, что “главной эмоциональной нагрузкой должен быть белый цвет”, ассоциирующийся со светом, сиянием, легендой. К сожалению, почти никто из наших критиков не вспомнил, что во многих фольклорных произведениях тувинцев белый цвет является олицетворением чего-то чистого, светлого.

Э. Ховалыг рассуждает о трансформации декораций. “Белая юрта вдруг превращается в дерево, вокруг которого идет камлание шамана. Затем непонятным образом она становится клеткой, в которой бьется Кара, и снова спиралью воспаряет вывыс символом непрекращающегося развития человечества”. И. Комбу репителен в суждении: “Декорации в пьесе и *костюмы* - “не богу свечка, ни черту кочерга”. Действительно костюмы также предельно обобщенные, в них цветом выделены только принадлежность к жанру легенды. Художник по костюмам Н. Юша одевает Кару в нежные пастельные тона, что еще больше подчеркивает незащищенность, хрупкость красоты и любви.

Неоднозначно отнеслись зрители к любовной сцене. В качелях увидели зыбкость жизни, но и “полет, колыбель ребятишек, ложе смерти”, “и на этом круг замыкается: рождение, жизнь и смерть”.

Актеры, игравшие главных героев, Эльвира Докулак и Станислав Ириль – обладатели богатейших голосов, их природ-

ный дар усилил впечатление от восприятия персонажей. “Исполнение песен... никого не оставило равнодушным. Особенно хороши песни Кары. Чарующий голос актрисы со своеобразным, неповторимым тембром придавал образу героини особое обаяние”, - восхищалась Э. Ховалыг, ее восхищение разделяли многие критики. Голос охотника Седипа звучит по всей тайге. “Если голос такой удивительный, уникально богатый, то и душа, наверное, должна быть такой же”. Мысль режиссера поддержал и четко сформулировал В. Топул: “Седип (Станислав Ириль) показал истинную любовь”.

Изменена режиссером и смысловая доминанта образов героев. Кара уже “не идеологический божок, образ революционной личности”, а “обыкновенная женщина, борющаяся за свое счастье...”. Образ шамана лишился шутовского тона, превратился в одну из центральных фигур, воплощающих человеческое злодейство. Лишившись социально-бытовой величественности и солидности, шаман по-прежнему выглядит очень эффектно через цветовые контрасты освещения во время камлания. Образ матери в исполнении Д. Барыны, “точно передавшей трагическую раздвоенность” матери - “маленькой отважной, бесстрашной женщины”, которая “вот такая маленькая оказалась огромной в своей храбрости”, вступив в бой за дочь (В. Рыжова и Г. Берлицкая).

По прошествии времени новые режиссеры осмелятся по-другому взглянуть на пьесу “Хайыраан бот”. Любое новаторство в искусстве - обычное явление, которое часто вызывает различные, полностью противоположные отклики зрителей и критиков. Но без поисков, экспериментов невозможно движение искусства и всей культуры вперед.

Рассмотрев позиции режиссера и критиков относительно последней постановки классической тувинской пьесы, ставшей визитной ТМДТ, можем заключить, что творческий потенциал тувинского национального театра чрезвычайно велик. Театр находится в постоянном поиске. Это свидетельство его жизнеспособности и залог дальнейшей эволюции. Разные трактовки классических произведений вызываются не просто личными амбициями участников постановочной группы, а стремлением откликнуться на требования времени, ибо зритель не хочет удовлетворяться повторым. Неоднозначность восприятия постановки является свидетельством ее художественности, а также свидетельством долговечности произведения, ставшего основой для данной трактовки.

*ДЛЯ НАШИХ
МАЛЕЙШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ*

Мария КУЖУГЕТ

КОЗЛЕНОК

Игрив, забавен резвый наш козленок,
детеныш милый козочки ангорской.
Мелькает он среди травы зеленой
пушистой и кудрявой белой шерсткой.

Он блеет, подавая голосишко,
чтоб мамочка — коза его слышала.
До темноты он бегаёт вприпрыжку
и даже забирается на скалы.

Друзей-козлят упорно призывает,
чтоб с ними в шутку наиграться в драку.
Безрогий лобик смело подставляет,
в своем сердечке ощутив отвагу.

МЕДВЕДЬ

Медведь силен и грозен он собой,
его свирепый вид всех устрашает.
Забавно, что любимую едой
избрал он мед, что пчелы собирают.

ЗАЯЦ

Над зайцем насмехались все не раз,
его молва людская обижает.
Пусть длинноног он,
пусть он косоглаз,
но в беге никому не уступает.

Перевод Эммы Цаллаговой.

ЕСЛИ БЫ ПРОДАВАЛИСЬ СНЫ

Хочешь сказку увидеть?
Или правду увидеть? –
Покупай в кино билеты.
Ах, какая благодать!
Захотел – сходил в буфет,
Захотел – купил конфет,
или пряников пакет.
Только сны не продаются,
их нигде в продаже нет.

Мама снова гонит спать.
Папа грозно: “Марш, в кровать!”
Как заснуть ребѣнок может,
если сон ушѣл гулять?
Ходит ветер по траве,
бродят мысли в голове...
Если сон бы мне купили,
я б заснул в минуты две.

... Вот включился первый сон.
Вижу: облако, как слон.
Я сажусь верхом скорее,
говорю: “Бери разгон!”

Сколько снов! Таких! Сяких!
Этот – весел, этот – тих.
Друг на друга не похожи,
как вершины гор моих.
А еще бывают сны
удивительной длины –
приключения и сказки
до утра тебе видны.

Захожу я в магазин:
“Дайте сон, да не один...”

“ Не кричали б мама с папой:
“Засыпай скорее, сын!”
Я б всю ночь во сне летал,
я б веселым утром встал,
я б сестричкам и братишкам
и соседским ребятишкам
сон, как сказку, рассказал.

КРАСАВИЦА

Качалась под ветром сосновая крона,
примолк на мгновение птичий галднж,
и мальчика громко спросила ворона:
— Кар-кар, дорогой мой, куда ты идншь?

А мальчик фотографом был знаменитым,
К сосне подошл он тихонько, в упор
нацелился он своим славным “Зенитом”,
и кнопку нажал. И щлкнул затвор.

Ворона взлетела, вернулась обратно,
потом закричала ему с высоты:
— Кар-кар, поведение твое непонятно,
скажи, дорогой мой, что делаешь ты?

... Вот фото на стенке: сосновая крона,
и птица на взлцте, и щжик-хвоя...

В окно с удивлением смотрит ворона:
— Глядите, какая к-р-р-расавица я!

Перевод М. Сергеева.

Мария ХАДАХАНЭ

К 75-летию Е.Т. Тановой

“И СУТ-ХОЛЯ ВОЛНА КАЧАЛА”

Она родилась в красивейшем уголке Тувы у озера Сут-Холь, с детства впитав прекрасные образы природы, мудрость тувинского фольклора, ибо это еще и край певцов и сказителей. Отец — мастер на все руки по дереву и железу, мать была умелой хозяйкой, швеей и повитухой. В юрте часто звучали музыкальные инструменты, сделанные отцом многодетной семьи.

Младшая Катя уехала в Кызыл к старшей сестре Софье Чимит. В их доме часто собирались первые интеллигенты — летчики, писатели. С детства она наблюдала, слушала интересных людей — соседей С.Сарыг-оола и О.Саган-оола. Красивая, умная девочка всю жизнь училась, имеет два высших образования, стала кандидатом исторических наук.

Перебирая ее сборники стихов и прозы, чувствуешь поэтический и духовный рост. “Мир детей” — сборник для малышей, — просто, понятно, сердечно разговаривает бывшая пионервожатая с детьми, прожуждает их любознательность,

показывает светлый мир чувств ребенка.

Образом ее поэзии стала анай-хаак — нежная верба в цвету:

Греет пусть сердце

мне анай-хаак,
словно я детство держу в руках.

Поэзия Е. Тановой отражает маршруты ее путешествий по Туве, по стране. Чуткое сердце поэта слышит скорбные колокола Хатыни, сравнивает северную реку Вилюй с родной речкой, любит якутской землей; взор ищет новое и интересное в Монголии, в Москве. Е. Танова долго работала радиожурналистом, выходила в эфир со стихами, очерками о земляках, писала радиоприемы, была свидетелем становления радио и телевидения. В ее поэзии много песен: о школе, комсомоле, любимом Кызыле, о радиожурналистах.

В ее жизнь вошел композитор Альберт Танов, их даже прозвали “Пахмутова и Добронравов наоборот” — поэтесса и музыкант вырастили троих сыновей, шесть внуков и написали совместно десятки извест-

ных песен. Есть творческая энергия и в генах детей, музыка звучит в доме часто. В память мужа и друга издала его сборник песен.

Трудно представить женщину — поэта, писателя — с засученными рукавами, в косынке, под жарким солнцем — она лет двадцать держит дачу, растит урожай, помогает семьям детей. Невестка Галя всегда тепло отзывается о доброте и сердечности Екатерины Туктуг-ооловны — она никогда не забудет поделиться, пришлет подарки внукам.

Две большие поэмы — “Песни Хемчика” и “Оседлав лихого скакуна” — связаны с малой родиной, в них звучит тувинский фольклор, песни и обычаи предков, героическая тема 60 богатырей, романтической образ народа.

Но пламя костров,
зажженных во тьме,
Памятью вечной живет

на земле,
во мне живет и в тебе живет...
богатырей не забыл народ.

Многие стихи ее переведены С.В.Козловой — подвижницей тувинской литературы. О ней написала Е.Танова воспоминания о совместных командировках и встречах с читателями. Писатель Е.Танова всегда пишет о том, что хорошо знает, что близко ее сердцу. Так родилась ее “Повесть о старшем брате”

Монгуше Чылбаке — воине-добровольце. Она собрала память детства, говорила с его однополчанами, съездила в Ровно — на место боев и гибели брата, реконструировала ход событий, а это так непросто. Получилась правдивая сердечная книга с болью душевной утраты родного человека.

В последнее десятилетие Е.Танова обратилась к прозе надолго. Это “Весна жестоких годин” о судьбе репрессированной Сайдаш — много бед выпало на ее долю. О жизни скромного полузабытого человека, достойно прожившего свою жизнь, — в романе “Кара-Бай”.

Работа над прозой невольно заставляет возвращать художественное мастерство: авторские отступления, диалог, пейзаж, психологизм деталей, крепость композиции и сюжета.

Перестройка принесла новые темы.

Хулить все прошлое,
и все мосты сжигать,
которыми пришлось в сегодня
нам шагать —
так модно в наши дни!
Но это — не по мне.
Как можно тех винить,
— кого на свете нет?

Женская тема ей всегда была близка — детство, материнство, любовь. И она написала интересную повесть “Судьба матери” о Наталье Ажикмаа — маме гениальной девочки

Нади Рушевой. Участь в Москве и даже работая год в Литературном институте, она близко общалась с тувинской балериной — одинокой женщиной, живущей памятью о своей дочери. В рассказах матери утолялась боль, и читатель узнает о детских шалостях Нади, как проснулся в ней талант, пестуемый отцом — художником.

Наталья Дойдаловна вспоминает первые шаги тувинского балета в сороковые годы, свою молодость, учителя танцев — незабвенного А. В. Шатина, жизнь в Душанбе и Монголии, становление национальных балетов, работу мужа Николая Константиновича на телевидении, его прекрасную книгу — сказку о Кодур-ооле и Биче-кыс, где в иллюстрациях ожила она в образе девушки Биче-кыс.

Иллюстрации отца в чем-то потом будут перекликаться с рисунками Нади. В рассказах матери о первых выставках, об успехе рисунков дочери отзывы известных художников и писателей, поездки Нади в Питер и к морю, ее первое увлечение, ее письма родителям и такие детские наивные искренние поздравления к праздникам.

Писатель старается проникнуть в тайну гениальности, от ее смешанной крови или особом таланте воспитания родителей. Она задумывается и над одино-

кой судьбой женщины, породившей и потерявшей так рано единственное дитя. Работа приносила особое удовлетворение необычностью женской судьбы. Сейчас она трудится над пьесой о Наде Рушевой.

Наиболее близкий жанр для Тановой — очерки, путевые заметки, размышления. Новая книга названа необычно и очень по-женски “Не выпускай из рук метелку”. Это во многом итоговая книга — о близких людях, друзьях, родне: “Чем ближе я к родине — тем ближе я к народу”. И в который раз проляжет ее путь на запад к сказочно прекрасному озеру Сут-Холь, к родным местам предков, они питают ее творческую фантазию.

Е. Танова занимает свое особое место первой женщины — профессионального писателя. Ее примеру следуют другие, молодые. Она сумела реализовать свой творческий потенциал разнообразно: была пионервожатой, журналистом, директором театра, деканом — и везде находила свой стиль, облик, была нужной. Редко кому удается так полно жить — осуществить себя во многих образах: писателя, матери, скромной душевной красивой женщины, знающей себе цену. Пусть осень жизни будет полной тепла и плодов.

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ В РОМАНЕ К.-Э.КУДАЖИ
“УЛУГ-ХЕМ НЕУГОМОННЫЙ”

Художественная деталь - это изобразительное средство и компонент творчества. В литературном произведении деталь может быть выдвинута во всех пластах его структуры и выполнять множество функций: репрезентировать внешность персонажа, картины природы, помещение или предмет, характеризовать объект изображения, атмосферу, в которой протекают события, и само действие. Деталь предназначена как для изображения реальной действительности, так и для достижения особой выразительности художественных образов, для активизации воображения читателя. Деталь делает художественный образ целостным, богатым по содержанию.

Известный тувинский писатель К.-Э.Кудажу уделяет художественной детализации пристальное внимание, в разных целях используя разные типы художественной детали. Исторические и этнографические детали способствуют у него созданию необходимого фона, соответствующего настроения, атмосферы изображаемого времени. Роман “Улуг-Хем неугомонный” позволяет судить о том, насколько

разнообразной является деталь и как велика ее роль в художественном переосмыслении действительности. К.-Э.Кудажу скрупулезно исследует исторический процесс, до мельчайших деталей воспроизводя картины жизни, доводит их до глобальных художественных обобщений. Из множества деталей писатель выбирает самые необходимые, способные работать на решение художественной задачи.

Роман “Улуг-Хем неугомонный” свидетельствует о художественных достижениях не только данного писателя, но и тувинской литературы в целом. Имеется достаточно оснований для определения жанра “Улуг-Хема неугомонного” как романа-эпопеи благодаря принципу историзма, определяющему особенности его идейного содержания, глубине психологического анализа и философского осмысления событий, сюжетной многоплановости. Эпичность “Улуг-Хема неугомонного” — в стремлении автора увидеть и передать ход истории, в широте охвата событий, насыщенных внутренним и внешним драматизмом, в широте временных рамок повествования, в умении

передать эволюционный характер событий одновременно с детализацией портрета, пейзажа, быта.

Принцип историзма при этом проявляется в строгом следовании логике общественного развития, в глубоком знании жизненных закономерностей, в исторической правде. Все это делает роман “Улуг-Хем неутомонный” историческим и одновременно семейным, в котором “мысль семейная” является одной из важнейших наряду с мыслью исторической.

Таким образом, это произведение характеризуется жанровой многоплановостью — одним из обязательных признаков романа-эпопеи. В личной судьбе героев К.-Э.Кудажи, словно в фокусе, отражаются различные грани исторически значимых событий, драматический накал “двух миров, двух идеологий”.

Психологическому анализу К.-Э.Кудажи присуща активная оценочность. Человеческие деяния художник оценивает, исходя из объективных закономерностей общественного развития, с высоты “вечных идеалов”. Душевные переживания и жизненные искания героев исследуются глубоко и многосторонне — как путем самоанализа, так и при помощи подробной обрисовки личностных отношений.

К.-Э.Кудажи постоянно стремится к “двойному” воспроизведению действительности: с одной стороны, это

реальная действительность, ареал обитания героев, с другой — то, что постигается, воспринимается их внутренним видением, проявляющемся в поведении и отражающемся в их душевном строе.

“Черный” и “Красный” (первые два тома романа) — цветовая символика борьбы за свободу народа. Эпитет “черный” становится реалистическим объектом изображения и фоном произведения (чернел аал, почернели берега, черное жилище, черные снеговые тучи, черные кусты караганника). Представляется дополнительная характеристика персонажа — “черные слова шамана”, “черные старики”. Доминирующее положение черного цвета соответствует пафосу изображаемой эпохи, ее особому трагизму и безысходности.

Протест против этой действительности писатель выражает цветовым эпитетом “красный” в значении “кровавый”. “Красный” (кровавый) — это особая форма типизации, за которым стоит мир человеческих страданий (“изо рта вырывались кровавые пузыри”, “залил кровью головы его сыновей”, “били в кровь, сдирая кожу” и т.д.).

Кроме того, красный цвет во втором томе является символом, который углубляет и расширяет авторскую мысль. Это — символ нового времени и освобождения народа, символ

революции (красный отряд, красные флаги, красные партизаны, Красная армия).

Особенности такого жанрового своеобразия “Улуг-Хема неугомонного”, своеобразии творческого почерка писателя в определенной мере обуславливается своеобразием подбора и сочетания художественных деталей. Повествование начинается с обращения к центральному, “сквозному” образу романа - детали-символу Улуг-Хему, олицетворяющему могучий поток народной жизни. Глобальность этого образа уже сама по себе убедительна в детализации: жизнь человеческая, на первый взгляд, кажется обычной, как река. Однако это иллюзия: каждый шаг может быть преодолен физическим и волевым напряжением, требует усилий и мужества. Далее следует небольшая пейзажная зарисовка и детально развернутая портретная характеристика одного из главных героев романа — Сульдема, изобилующая портретными и бытовыми деталями: “Про таких, как этот человек, говорят: если встанет, то высок, если схватит, то силен. Облезлый полшубок из козьих шкур, поношенная черная мерлушковая шапка, штаны из выделанной косульей кожи... вся одежда и обувь, хоть и сшиты были впору, никак не шли к его широкой груди,

похожей на сундук-аптара, к плотному туловищу, словно ствол могучей лиственницы...” Простота, кажущаяся незамысловатость, узнаваемость деталей не только не препятствует, но, напротив, позволяет естественным, органичным образом перейти к глубокому философскому обобщению: “Ему было далеко за пятьдесят, но никто бы не сказал, что он хоть сколько-нибудь поддался долгому испытанию жизнью”.

К.-Э.Кудажи диалектик, философ, способный в малом увидеть большое, в общем — частное. Подобного рода переходы от центральных образов-символов, являющихся конституирующим идейно-композиционным элементом романа (Улуг-Хем, его притоки, горы, тайга, собирательный образ народа и т.д.), к конкретным бытовым деталям, от бытовых деталей к широким обобщениям — одна из наиболее ярких особенностей творческой манеры К.-Э.Кудажи.

Философское кредо писателя — утверждение и воспевание “жестокой и беспощадной жизни”. Оно порождает жизнеутверждающий пафос романа-эпопеи “Улуг-Хем неугомонный”.

Заслуживает внимания изображение конкретной среды в романе и то, как при этом К.-Э. Кудажи пользуется деталью и возможностями детализации.

Мы увидим подробные описания домашней утвари тувинцев, убранство юрты (деревянные кадки, кожаные сосуды для хранения кислого молока, войлочные мешки для продуктов и посуды, другие предметы).

Бытовое пространство у К.-Э.Кудажу конкретно, ограничено (т.е. имеет четкие, ярко очерченные пределы) и по природе своей не может быть свободно от вещей - оно всегда заполнено предметами с ярко выраженным признаком материальности. Его можно назвать центристским, так как оно тяготеет к замкнутому в узких пределах локусу - чаще всего к домашнему очагу. "Красиво было в юрте! Напротив двери - четыре аптара с серебряными ручками, расписанные разноцветным орнаментом. Под грудой вещей - кожаные барбы с узорчатыми цветными нашивками по углам. И койка расписная. А подушки обшиты серебряными монетами. Белые войлочные подстилки-ширтки окаймлены красной материей".

Автор "Улуг-Хема неугомонного" интересен как бытописатель, знаток традиций, свежо и первоначально показывающий жизнь своего народа. У тувинцев до сих пор сохранены древние традиции в способе членения туши барана, восходящие к первобытному языческому. Однако К.-Э.Кудажу использует эту этнопоэтическую деталь, чтобы показать,

что этот ритуал приобретает иерархический смысл, потому что разные части туши распределялись по тем или иным сословным категориям родственников или гостей. На празднике у тувинцев "по всем правилам, прямо на глазах у гостей, зарезут барана, подают с почетом тут же сваренную грудинку, курдюк, кровяную колбасу - хан, свежую печенку, обернутую в жареное сало - согажу". Благодаря многовековой народной практике, тувинцы владели способами консервации мяса не только зимой, но и летом, в жаркое время года. Описание этих подробностей, и в том числе основной пищи тувинцев (мясной и молочной) мы можем встретить во всех произведениях К.-Э.Кудажу. Так, в романе "Улуг-Хем неугомонный" юрта наполняется "острым запахом дикого лука и сытным ароматом свежего мяса", мясо лежит в деревянных корытах, варится в чугунном котле, люди едят "колбасу из крови косули", "густую сметану", "бараний суп", лепешки, пьют хойтпак и араку.

В художественном произведении определенные функции выполняет такой элемент стиля, как звук. Звукорисование у К.-Э.Кудажу - необходимый штрих его реалистического пейзажа, связана со всей картиной, обуславливаемой художественной структурой произведения.

В то же время она может иметь символическое значение и раскрывать эмоциональное состояние персонажа. Многочисленные примеры тому находим в романе.

К.-Э.Кудажу слышит сокровенное звучание весеннего мира в лесу: “сосульки чуть слышно позванивали при порывах ветра”, “леса гудят от буйных ветров”, “с шумом бежит узенькая речушка”.

Звуковые подробности создают целостную правдивую картину окружающей среды, ее колорит, читатель не только видит описываемое, но и слышит звуки, его сопровождающие. Это позволяет воспринимать изображаемое не в застывшей форме, а в движении. “Весь Шагонар наполнился неистовым собачьим лаем”, “человек, впервые очутившийся тут (в Чадане), тем более если приезжал он из глухого, отдаленного сумона, шалел от шума и суеты. Повсюду здесь взад-вперед скачут всадники, ревет скот, лают собаки. Хоть уши затыкай!”. “Долина Барыка встречала многолюдьем. На узкой дороге теснились стада коров и отары овец. Бредут, бредут - конца не найдешь. Толкаются, мычат, блеют”.

Иногда звукопись у К.-Э.Кудажу приобретает символическое значение. Улуг-Хем имеет “звонкий голос, как звук стальной струны дошпулуура.

Прислушиваешься в тихий вечер к мелодии речных волн, и кажется, будто Улуг-Хем играет на чадагане, прославляя новую жизнь на своих берегах”.

Элементы звукописи у К.-Э.Кудажу не только содержат детально разработанную и изображенную реалистическую картину звуков леса, деревни, но и передают душевное состояние героев или символическое значение, усиливают лиризм повествования.

У К.-Э.Кудажу пейзаж является своеобразным отражением идейного содержания сюжета произведения. Свое чувство природы, свою натурфилософию писатель часто выражает тем, что придает образам природы ту или иную эстетическую окраску самим характером пейзажа. В описаниях тайги, таежных деревьев и гор, изобилующих деталями-эпитетами (белоснежные, ореховые, нежные, темно-красные, голубые), мы видим органическое единство природы и человека. Однако К.-Э.Кудажу, одним из первых, вводит в свое произведение образ ветра, его динамику и силу.

Ветер осмысливается как нечто злое, враждебное, мистическое, связанное с нечистой силой или с различными нарушениями законов природы и ритуальных запретов: “ветер прижал к земле пламя костра, он сердито набрасывался на

костер”. Становится напряженнее темп повествования, усиливается мрачное и страшное. Ветер гонит, наводит на людей тоску и ужас (“ветер, разгулявшийся над ровной степью, неистово жалил лицо путника”, ветер “набирает силу”, “становится сильнее и яростнее”, “крепчает”, “бьет в лицо”. Главной чертой ветра является его разрушительная сила - он валит корни могучих деревьев, сносит все преграды на своем пути. Стихия подступает к людям ближе, прорывается, бушует. Охотник Сульдем оказался в тайге один. Внезапно начался сильный ветер. Мы видим нервную напряженность героя. Его “удрученное состояние” будто передалось и коню. Здесь - постепенное нарастание - кульминация - спад. В свою очередь, вся эта сцена в общей композиции романа - пролог к еще более напряженным событиям, пейзаж непосредственно

связан с сюжетом. Образ ветра, которым пронизано все произведение, становится художественной деталью и обобщающим образом одновременно. Иногда он приближается к символической, обозначая силы, мешающие людям идти вперед, строить новую жизнь. Таким образом, и здесь мы видим в детализации параллель - человеческий мир и природа.

К.-Э. Кудажу привел “в движение” богатую палитру деталей, проявив при этом глубокое знание истории своего народа. Обычай, традиции и ритуалы выведены на арену художественного действия. Сочетая различные детали быта и нравов, К.-Э. Кудажу раскрывает потаенные участки жизни, которые придают “серой действительности” многоцветное художественное звучание, делают страницы романа “Улуг-Хем неугомонный” ярким образцом романа-эпопеи.

Сайлыкмаа КОМБУ
литературовед, критик.

ТАРАС ШЕВЧЕНКО И ТУВИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Интерес и уважение к великому украинскому писателю Тарасу Шевченко безграничны. Творения гения переведены почти на все языки народов земного шара. Не является исключением и тувинский язык.

Тувинский язык — язык одного из древних народов Азии, населяющего центральную часть Южной Сибири, впитавшего в себя древнюю самобытную культуру, а также испытавшего влияние культур

соседних государств — Монголии, Тибета и Китая.

Шевченко относится к тем писателям, чьи произведения впервые переведены на тувинский язык, с чьими произведениями впервые познакомился тувинский читатель на своем родном языке после создания тувинской письменности. История помнит, что в 1937 году тувинские поэты восторженно переводили Александра Пушкина. Второй поэт мирового значения, на которого они обратили внимание, — это Тарас Шевченко.

В 1941 году в журнале “Революстун херели” (“Пламя революции”) комитета искусства при Совете министров Тувинской Народной Республики появилась статья “Украин улустун улуг чогаалчызы Тарас Григорьевич Шевченко” (“Великий писатель украинского народа Тарас Григорьевич Шевченко”). Статья носила познавательный характер. И там же были опубликованы стихи Тараса Шевченко “Сон”, “Завещание”, переведенные Степаном Сарыг-оолом и Сергеем Пюрбю. Это первые печатные произведения Тараса Шевченко на тувинском языке. Следует отметить, что в те годы тувинский алфавит был латинизированным. Таким образом, именно в 1941 году, когда Тува была суверенным государством, тувинцы впервые прочли стихотворения Шевченко на родном языке. Хочется отметить, что первые предста-

вители тувинской интеллигенции понимали необходимость переводов произведений Тараса Шевченко на тувинский язык для ознакомления с ними широких читательских масс.

Но это не дает полного представления о его популярности в Туве, ибо после вхождения Тувы в состав Советского Союза (1944) тувинцы начали овладевать русским языком и с произведениями великого кобзаря знакомились и на русском языке.

Переводы стихотворений “Сон”, “Завещание” можно считать классическими. Перед тувинским читателем именно тот случай, когда о переводах можно сказать словами Гоголя: “Переводчик поступил так, что его не видишь: он превратился в такое прозрачное стекло, что кажется, как бы нет стекла...”.

Переводчики — Народные поэты Тувы Степан Сарыг-оол, Сергей Пюрбю — в сокровищнице родной речи нашли такие слова, которые без малейших потерь передали всю теплоту, легкость и изящество подлинника.

Надо сказать, что новый этап в восприятии и популяризации творчества Тараса Шевченко, великого сына украинского народа, начинается в Туве с пятидесятых годов прошлого столетия.

Жизненный и творческий путь Шевченко входил в программу обязательного изучения в общеобразовательных школах Тувы. Так, в хрестоматии род

ной литературы для 6 класса (1954) автором, одним из первым переводчиком произведений Шевченко, О. Саган-оолом были даны материалы о жизни и деятельности Тараса Шевченко. Для обязательного заучивания — стихотворения “Сон”, “Завещание”. В Туве не найти человека, не знающего этих стихов наизусть на родном языке. Изучение Тараса Шевченко в тувинских школах открывает огромные возможности патриотического и интернационального воспитания. Прочитав Тараса Шевченко, школьники видели в нем свободолюбивого поэта всемирного диапазона и общечеловеческой значимости его дум, идей и образов.

В 1964 году, ко дню 150-летнего юбилея гения был издан сборник его стихов под названием “Душ” (“Сон”) под редакцией Монгуша Кенин-Лопсана. В сборник помещены стихи Шевченко в переводах таких выдающихся тувинских поэтов, как Степан Сарыг-оол, Сергей Пюрбю, Олег Саган-оол, Монгуш Кенин-Лопсан, Салим Сурун-оол, а также в переводах тогдашних молодых писателей: Кызыл-Эника Кудажы, Екатерины Тановой, Монгуша Доржу, Монгуша Олзей-оола, Экер-оола Кечил-оола.

Следует учесть, что, поскольку в Туве тогда было только одно высшее учебное заведение — учительский институт — то поэты, писатели, которые дела-

ли переводы, учились в основном в других городах Советского Союза. В свое время С. Сарыг-оол, К. Кудажы учились в Москве, С. Пюрбю — в Ленинграде, О. Саган-оол — в Иркутске, Е. Танова — в Абакане, М. Доржу — в Москве. Естественно, что, оказавшиеся в центре оживленной общественно-культурной жизни крупных городов, они были приобщены к прогрессивной мировой и русской культуре и литературе, были более подвержены их благотворному влиянию. И не случайно они обратились к переводческой деятельности, вполне понимая важность такой работы.

На долю этих тувинских поэтов, писателей, переводчиков выпала задача огромной исторической важности — познакомить тувинского читателя с жизнью и творчеством великого украинского поэта Тараса Шевченко, певца свободы. Ибо они справедливо считали, что прогрессу молодой тувинской литературы могут способствовать переводы произведений таких звезд мировой литературы, как Шевченко.

Родоначальник тувинской литературы Степан Сарыг-оол был горячим поклонником выдающихся талантов, в том числе Тараса Шевченко. Он переводил такие шедевры Шевченко, как “Сон”, “Завещание”, “Горы мои высокие”, “Полубилася”. В его переводах переданы шевченковский колорит и

романтическая приподнятость поэтических образов. Один из основоположников тувинской литературы Сергей Пюрбю воспитывался на бессмертных произведениях Шевченко. В его переводе “Завещание” Шевченко стало хрестоматийным и очень популярным стихотворением: любой школьник и взрослый могли цитировать его на родном языке наизусть. Переводчик прекрасно пронес сквозь стихотворение главную мысль оригинала, не вмешиваясь, не прибавляя от себя ни одного лишнего слова.

На очень высоком уровне выполнены переводы К. Кудажи. Он переводил многие стихотворения Шевченко: “Колыбельная”, “Как днем осенним чумаки”, “И тернистый, и колючий”, “В светлый праздник на солеме”, “Не самому ль мне написать”, “Мне золотую дорогу”, “Готово. Парус распустили”. Переводы близки к оригиналам. В переводах так же, как и в оригиналах, слышатся философские раздумья человека, стремящегося передать другим самое главное, суть смысла жизни: готовность бескорыстно служить людям. Переводчик сумел передать читателям тончайшее движение души поэта, его переживания.

В переводах стихотворений “И сонные волны, и мутное небо”, “Растет цветок на горке”, “Он не похож на меня” поэт С.Сюрюн-оол точно передал глубочайшую лирическую

проникновенность, неумную и всеильную страсть великого украинского поэта.

М. Доржу, будучи студентом Литературного института имени М. Горького, превосходно переводил творения Шевченко. В переводах он сумел передать особенности творческой манеры великого украинского поэта, склонного к лирико-философскому восприятию действительности. В стихотворениях “Плач Ярославны”, “Опять настало время злое”, “Судьбу свели, обвенчались”, “Сам удивляюсь. Кто ответит”, “Гамалия” лирический замысел, обаяние свежести, чистота помыслов, романтический порыв — все читается в переводах М. Доржу.

М. Олчей-оол точно на высоком художественном уровне передал в своих переводах содержание лирики Шевченко. Переводы стихотворений “Когда мы были казаками”, “Тем сытым очам”, “Сон Тараса”, “И погибшим, и живым... мое личное письмо”, “Ой ты, темная дубрава”, как и оригиналы, отличаются единством вдохновения, интеллекта, чувства и поэтического искусства. Здесь раскрылось дарование переводчика, тонко чувствующего мысль, идею стихотворений и творческую индивидуальность другого поэта.

В первом случае поэты-переводчики должны были перенести тувинского читателя в тот мир, в те времена, где жил Тарас Шевченко. Для этого

нужно было сохранить национальное своеобразие подлинника — воссоздать без потерь исторические реалии далекой эпохи, сохранив языковое богатство шевченковского стиха. Во втором случае тувинским поэтам-переводчикам необходимо было сохранить народно-бытовые элементы стихов Шевченко, ведь перед тувинским читателем должны раскрыться думы, чаяния великого сына украинского народа.

Переводы стихотворений Шевченко демонстрируют в основном бережное отношение тувинских переводчиков к творчеству великого украинского поэта и обогащают тувинского читателя с познавательной и эстетической стороны.

Почти все тувинские поэты в свое время включились в творческую работу по переводу произведений великого кобзаря. Были выпущены два сборника стихотворений Шевченко. В первом сборнике (1964) опубликовано 27 стихотворений, во втором, в “Завещании”, выпущенном в 1988 году — 29 стихотворений. Эти книги были изданы Тувинским книжным издательством с послесловиями, с указаниями фамилий переводчиков.

Издание книг Тараса Шевченко на тувинском языке общим тиражом 4000 экземпляров — одно из самых замечательных явлений в тувинской литературе. Качество переводов говорит и о росте профессио-

нальной культуры наших переводчиков, правильно осознавших задачу как можно точнее передать характерные стилевые и художественные особенности оригинала, богатые поэтические образы и чувства гения украинской литературы. Тем не менее, различие в грамматическом строе языков создает большие сложности для переводчиков и требует от них упорного труда, глубокого проникновения в оригинал и умения использовать все изобразительно — выразительные средства родного языка.

Думается, что тувинские переводчики с блеском справились со сложной задачей: их работы являются образцами точного перевода осуществленного на высоком художественном уровне.

Освоение классического наследия Тараса Шевченко не исчерпывается, однако, лишь переводами. В своих стихотворениях и статьях тувинские писатели взволнованные строки посвящают великому украинскому поэту Народный писатель Тувы М. Кенин-Лопсан проделал большую работу по популяризации имени великого украинского поэта в Туве. Он составитель книг Т. Шевченко на тувинском языке: “Дүш” (“Сон”), Чагыг” (“Завещание”), вышедших в 1964, 1988 гг. В послесловии этих книг М. Кенин-Лопсаном даны материалы о жизни и деятельности Т.Г. Шевченко и об истории

перевода его произведений на тувинский язык. Эти сборники стихов, вышедшие на тувинском языке, дают относительно полное представление о поэте и о украинской поэзии вообще.

На страницах газет в разные годы печатались статьи о великом украинском поэте и о его влиянии на тувинскую культуру. Отзывы тувинских писателей о Тарасе Шевченко свидетельствуют об углубленном интересе к его миру, судьбе, наследию. В них проявляются особенности восприятия творчества гениального украинского поэта представителями тувинского народа. Писатель Б. Ховенмей в своей статье “Улуг демиселчи, уран ыраажы” (“Великий боец, умелый певец”) подробно описывает не только жизнь и деятельность великого украинского поэта, но и его мечту, борьбу за справедливость, за будущее. Народный писатель С. Сарыг-оол в статье “Улуг Шевченкодан өөренип тур бис” (“Мы учимся у великого Шевченко”) писал о широком мировоззрении и творчестве поэта и называл его своим учителем и учителем всех тувинских писателей. Поэт Ч. Куулар в статье “Шевченко Тывада (“Шевченко в Туве”) подчеркнул огромное интернациональное значение бессмертного гения. Мысль о бессмертии его творений выражена в этих статьях. Следует отметить, что наши литераторы особое внимание уделяют общественной

направленности творчества Тараса Шевченко, выделяют свободолюбие, гуманизм его поэзии.

Б. Ховенмей взволнованные строки посвящает украинскому поэту в своем стихотворении “Тарас бөгүн көргөн болза” (“Если б видел Тарас сегодня”). Слова стихотворения очень просты, но главным является то, что великого украинского поэта тувинский народ воспринимает так близко. “Он услышал бы, как братские народы его читают, он увидел бы, как тувинцы воевали в годы войны за Украину, за Ровно...”. Автор в своем стихотворении изливает глубокую скорбь о великом поэте.

На тувинском языке поется песня “Днепр” в переводе О. Саган-оола, что также является характерным примером признания.

Поэзию Тараса Шевченко тувинские писатели воспринимают как своего рода урок и стараются развивать овладевшие их помыслами мысли гения.

Нет сомнения, что и в дальнейшем тувинская переводческая литература будет пополняться новыми книгами, ибо Тарас Шевченко — неисчерпаем, ибо Тарас Шевченко — гений. Прав был тот, кто изрек, что гений — это символ. Тарас Шевченко стал символом свободы для всех народов мира.

ПАФОС РОМАНА С.А.САРЫГ-ООЛА “АЛДАН ДУРГУН”
 (“ШЕСТЬДЕСЯТ БЕГЛЕЦОВ”)

“Править народом не так-то легко, это вам не игры играть. Нельзя без причины даже щелчком обидеть человека, а не то чтобы невинному человеку кару назначать и истязать пытками! (Чон чагырар деп чуже ындыг амыр, оюнчук эвэстир. Чылдагаан чок, актыг черге яла онаап эриидээр хамаанчок, согуп-даа болбас!)”

(Дажыма, из романа С.Сарыг-оола “Шестьдесят беглецов”)

Роман “Алдан дургун” (“Шестьдесят беглецов”) Народного писателя С.А. Сарыг-оола вышел в свет в 1987 году. Писатель Э.Л. Донгак пишет в Послесловии к роману, что С.А.Сарыг-оол создавал это произведение в течение многих лет:

“Один из основоположников тувинской литературы С.Сарыг-оол работал долгие годы над созданием произведения о первых борцах за свободу. В постановлении ЦК ТНРП об изучении истории шестидесяти героев перед развивающейся тувинской литературой была поставлена важная цель создать художественные произведения о героях, оставивших свои бессмертные имена в памяти народа. Автор рассказывал, что уже тогда он задумал произведение о шестидесяти героях, и, бывая в западных районах, начал беседовать о них с людьми старшего поколения”.

Со времени появления упомянутого постановления

1941 года прошло более 40 лет. Все эти годы С.А.Сарыг-оол встречался с разными людьми, записал воспоминания более шестидесяти человек и много работал с архивными документами. Отдельные главы романа издавались на страницах альманаха “Улуг-Хем”.

Тема народно-освободительного движения в старой Туве была особенно актуальна в молодой тувинской литературе с ее романтическим пафосом, народными героями (С.Сарыг-оол, С.Пюрбю, Е.Танова, З.Намзырай и др.). Сегодня интерес к роману народного писателя Тувы очень велик. Огромно значение эпического полотна, осветившего восстания бедных аратов 1883-85 годов в колониальной Туве и создавшего образы участников этих кровавых событий, ставших для нас народными героями.

Жанр романа - наиболее оптимальная форма для того, чтобы показать, как разворачивались исторические события, и какую роль они сыграли

в истории народа, в становлении его национального самосознания.

Однако “Шестьдесят беглецов” - незаконченный роман. Он состоит из придцати глав, и, как справедливо отмечает Э.Л.Донгак, “некоторые главы незавершены, даже прерваны на “полуслове”, сюжетные линии оборваны”.

Например, описание сцен, когда главные участники событий - бедные араты, возмущенные разнузданными нравами власть предержащих, собирались под предводительством чиновника Дажыма-чангы¹ и Самбажыка в устье речки Чыргакы, обсуждая порядки на тувинской земле, дано в главах: “Дажыма и Самбажык”, “Наша месть на южном склоне”. Между этими двумя главами появляются главы “Следы на Хемчике” и “Чиновник, не знающий законов, распускает руки”. Это эпические отступления автора, в которых повествуется о том, как в пытках терзали арата Хоогенчика за обнаруженную нойоном мозоль на спине его вола, и о том, как в течение двух дней вынужден был терпеть побои и пытки бедный парень Дозурукчу, имеющий малых детей, лишь за то что проходил мимо аала известного богача Сенгина-чангы. Дополнение вплетается в ткань повествования, однако не имеет четко оформленной

сюжетной линии, персонажи этих сцен не появляются на последующих страницах романа. Очевидно, что работа писателя над созданием художественной структуры произведения еще продолжалась. Однако вышеназванные эпизоды усиливают эмоциональный тон романа - пафос сострадания и возмущения, вызванные произволом тувинских феодалов.

Трудно говорить о полном и достаточном раскрытии художественных образов главных героев - Дажыма-чангы, Самбажыка, смелой Шевермы и юной Дарины - их характеры, рассказ о судьбах не оформились окончательно. Мы лишь успеваем узнать, что главным собеседником, советчиком Дажымы и авторитетной силой среди восставших был Самбажык. Дажыма представлен как идейный вдохновитель и один из организаторов, координаторов всех движений, поступков восставших.

Повествовательная ткань романа “Шестьдесят беглецов” насыщена многочисленными народными пословицами и поговорками, рифмованными фразами, что создает неповторимый художественный стиль этого произведения. Вместе с тем в народных изречениях запечатлены народная философия, взгляд народных масс на изображаемые события.

---

*Чангы - должностной чин в феодальной Туве.

Например, таким мы видим в романе народное представление о власти; о том, как должно быть устроено общество: - *Сумон¹ имеет свое управление, вода имеет свое течение. (Суму чагыргалыг, суг агымныг).*

А такой оказалась жизнь тувинцев конца 19-го столетия на окраине китайской империи:

При таком правлении убивают людей,

А на пригорке закалывают верблюдов. (Төреге кижиге өлүрген, дөңгеликке теве сойган).

О государственной бумаге:

- Кровавая, коварная, замешанная на лжи, разбавленная отравой просительная бумага. (Ханныг, каралыг: меге-биле белдирлээн, хоран-биле холумактаан өргүцүдел бижии).

В словах Дажымы:

- Править народом не так-то легко, это вам не игры играть. Нельзя без причины даже щелчком обидеть человека, а не то чтобы невинному человеку кару назначать и истязать пытками! (Чон чагырар деп чүве ындыг амыр, оюнчук эвес-тир. Чылдагаан чок, актыг черге яла онаап эриидээр хамаанчок, согуп-даа болбас!)

Образы восставших аратов, шестидесяти героев в народных изречениях. Самбажык, слушая Дажыму:

- Узнаю я тебя еще глубже после нашего знакомства, доверяю тебе еще больше после того, как доверился, многое

познал я, радуюсь, и принимаю все с большим удовольствием, мой друг. (Танышканының кырындан танып, идегээннің кырындан идегеп, магадап, хөйңц билип, өөрцп, таалап олур мен).

В речи других персонажей:

Дружба с достойным - подобна лучам солнца, дружба с дурным - подобна змеиному яду. (Эки-биле эдержирге, хцн херелдиг, багк-биле эдержирге, чылан хоралыг).

- Эти настоящие сыны народа действительно познали черное и белое, смельчаки-удальцы, ловкие и быстрые, их глаза зорче глаз орла и грифа, их слух острее слуха кулана, а если глазами не увидят, ушами не услышат, сердцем почуют они.

- Езулуг-ла акты-караны таный берген, эрес-кайгал, тудунгур-кавынгырылаптыг-ла чоннуң оолдары... Эзир, дастан артык караа көскү, куландан артык кулаа дыыжы, а караа көрбөзө-даа, кулаа-биле дыңнаваза-даа, чирээ-биле чүвени эндевес).

- В трудные времена слово мужчины должно быть крепким, лицо - гордым, а сердце - каменным. (Шагның берге чезинде эр кижиниң аксы быжыг, арны чоргаар, а чирээ даш чоруур херек).

О чиновниках:

- Вор, о котором знают все, не понесет наказания. (Чарлыг

¹Сумон - Тув "суму" административная единица в Туве.

оорда яла чок). – *С дохлой козы не собрать шерсти (влген өшкүден дүк үнмес)*.

О правителях, о порядках в обществе:

– Собака, не знающая своего стойбища, снует вокруг юрты, чиновник, не знающий законов, распускает руки (Кодан билбес ыт өг долганыр, хоойлу билбес дүжүмет хол чедер).

Это изречение, будучи названием одной из глав, а также выраженное устами персонажей и автора, является лейтмотивом романа, выразителем идейного содержания произведения.

В ставке амбын-нояна чиновники-нойоны перед Олзей-Очурнойоном:

- В руках белое, в устах правдивое - так представлялись в поклоне богачи-чиновники (Холунда актыг, аксында шынныг мөгейип бараалгап турар).

В этих строках заметна горькая ирония: в противопоставлении двух положений - каким должен быть в народном представлении государственный человек и каким оказались правители в действительности - рождается злая насмешка.

В романе “Шестьдесят беглецов” язык художественного произведения, сплетенный из многочисленных народных изречений, создает определенную ценностную ориентацию. Основной эмоциональный тон, идейную направленность, ценностную ориентацию художественного произведения составляет пафос

произведения. Понятие пафоса помогает понять отношение автора к движению шестидесяти героев, его воззрения, выстраданный взгляд писателя, а также идейную направленность романа “Шестьдесят беглецов”.

Писатель, изображая картину событий в художественном произведении, через героев выражает свое отношение к изображаемому, а герои литературного произведения являются выразителями обреченных идей. Эстетические идеи, представляющие авторское отношение к изображаемой действительности, становятся пафосом художественного произведения. Особая организация повествования, преследующая цели эстетического характера, также участвует в создании пафоса произведения. Теоретики литературы различают следующие типы пафоса:

- эпико-драматический;
- героический;
- романтический;
- трагический;
- пафос сатиры и юмора;
- инвектива;
- сентиментальный.

В романе С.А.Сарыг-оола “Шестьдесят беглецов” соединены героический, романтический и трагический типы пафоса. Борьба личностей или группы людей за осуществление и защиту идеалов, когда действия людей непременно связаны с личным риском, личной опасностью, вплоть до самой смерти, создают пафос героики. Герои романа, удалые

парни под предводительством чиновника Дажыма и арата Самбажыка, не подчинились несправедливым властям, объединились против огульного обвинения в угоне тысяч голов скота, против жестокого произвола нойонов. Их действия решительны, они перекочевывают в долину Оргу-Шол, создавая сплоченный союз. Так в пафосе героики проявились авторская позиция Народного писателя С.А.Сарыг-оола. Героический пафос через героические поступки персонажей утверждает величие их подвига, ценность и необходимость его для развития нации, народа, всего человечества.

Народные изречения в повествовательной ткани романа поднимают ценностный уровень произведения, открывают широкий взгляд на изображаемые события. Глубокое, многозначное, философское, универсальное значение народных пословиц и поговорок поднимает историческое значение движения шестидесяти героев на общечеловеческий уровень. Роман "Шестидесять беглецов" отражает борьбу угнетенного класса за свободу и равенство в истории человечества, зарождение и становление национального самосознания народа. С.А.Сарыг-оол в своем романе показал горячее стремление тувинских аратов к изменению несправедливого устройства общества.

Тувинские араты объединились в ответ на произвол властей с требованием справедли-

вости и законности. Безусловно, это героические поступки. Однако заметно, их доверие местным тувинским и монгольским правителям, а затем и китайской власти. Дажыма и его сподвижники считают необходимым обратиться к властям для справедливого решения вопроса об иске монгольских феодалов и тувинского феодала Сенгиначангы. Когда араты, объединившиеся в местечке Оргу-Шол перекочевывают, а потом собираются на встречу с нойоном Дугаром, они охвачены возвышенно-радостным, даже приподнятым, торжественным настроением. В параде наездников, направляющихся в ставку феодалов на перевале Адар-Тош, одетых в лучшие одежды, заметен романтический пафос произведения. Эмоциональный тон "Шестидесяти беглецов", эмоциональная направленность романа отмечена романтикой.

Невозможность реализации возвышенных идеалов, их неосуществимость в условиях феодального общества, колониальной страны очевидны. Интересы, устремления правящей власти и империи: угнетение поработченных классов, присвоения природных богатств подвластных территорий - все это причины невозможности осуществления высоких идеалов, к которым стремятся герои произведения. На такой объективной основе возникает вместе с тем и пафос трагизма. Закономерность неразрешимого конфликта, невозможность его

благополучного разрешения, субъективность героев, утрата, причем утрата непоправимая, таких важных жизненных ценностей, как социальная и личная свобода лидеров движения шестидесяти героев, судьба казненных усиливают трагизм произведения.

Роман С.А.Сарыг-оола “Шестидесять беглецов” поднимает вопросы об общественном устройстве Тувы конца 19-го столетия, о пути становления национального самосознания тувинцев. Здесь отражены народные представления о том каким должен быть человек государственный (төре херээ кылып чоруур кижиги), о личном счастье и о достойной жизни человека на земле.

Роман, описывая исторические события 1883-85 годов в Туве, вместе с тем предлагает свое понимание начала пути становления государственного самоопределения Тувы - восстание шестидесяти героев подго-

товило почву для судьбоносного исторического события тувинского народа - создания в 1921 году суверенного государства (бот догуннаан күрүне). Борьба за равенство и свободу, справедливую государственную власть (эрге-шөлээ, чөптүг шынныг төре херээ) - это трудный, кровавый путь, сопровождающийся невосполнимыми потерями, однако устремленный в будущее и отмеченный героизмом отдельных личностей. Таков пафос, идейная направленность этого произведения. Пафос государственности, равенства и свободы (стихотворения “Эрге-Шөлээ”, “Совет Эвилелиниң хамаатызы мен”, диалогия “Аңгыр-оолдун тоожузу” и др.) пронизывает все творчество Народного писателя Тувы С.А.Сарыг-оола, что особенно ярко проявилось в последнем произведении, над которым работал писатель - в романе о шестидесяти героях.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ И ТУВИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В 2005 году исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося русского писателя Михаила Шолохова. Его художественные произведения сыграли важную роль и в развитии тувинской литературы. В 1957 году переведен на тувинский язык его рассказ “Судьба человека”. В 1959 году в переводе С. Пюрбю он вышел отдельной книгой “Кижинин хуу-салымы”.

В 1960 году Тувинским книжным издательством издана книга “Кадарчы” (“Пастух”), включающая в себя рассказы “Мең” (“Родинка”), “Кадарчы” (“Пастух”), “Ногаа таңныылы” (Бахчевник), Шибалоктуң төлү” (“Шибалково семя”), “Кулун” (“Жеребенок”), “Коргунчуг дайзын” (“Смертный враг”). Перевод удачно сделан Н. Тава-Самбу. Видно, что он усердно взялся за это благородное дело. Перевод соответствует оригиналу.

В 1963 году вышла книга “Андарган кур чер” (Поднятая целина”. Вторая книга). I–XII главы этого произведения переведены Биче-оолом Ондаром, XIII–XXIX — Сергеем Пюрбю. Первую книгу “Поднятой целины” перевел О. Саган-оол. Известно, что С.Сюрюн-оол тоже работал над переводом произведений М. Шолохова. Отрывки из романа “Они сражались за Родину” (Олар төрөөн чурту дээш тулчуп турганнар”) переведены В. Монгушем.

Не зря упоминал (в 1965 г.) О. Саган-оол, что Михаил Александрович Шолохов воспринимается современными литераторами как образец (үлегерлиг чогаалчы), он оказал большое влияние на дальнейшее развитие тувинской литературы.

Ведущие артисты тувинского театра В. Монгальбии, М. Мунзук по своим сценариям ставили “Бабий бунт” из романа “Поднятая целина”. Дед Щукарь стал любимым комическим персонажем на сценах народных театров. Народный артист Тувы Александр Салчак и сегодня исполняет его роль. Нужно отдать должное Народному писателю Сергею Пюрбю за мастерскую переводческую работу.

Опыт инсценировки прозы на сцене тувинского театра, как считают критики и писатели, начался с осуществления постановки эпизода “Бабий бунт” в начале 60-х годов.

Начиная с рассказов “Судьба человека”, “Жеребенок”, а также театрализованных постановок из романа “Поднятая целина” шолоховский дух навечно вошел в литературу и театральное искусство тувинского народа.

У книжной витрины

М. Шолохов

*“Я хотел бы, чтобы мои книги
помогали людям стать лучше,
стать чище душой,
пробуждали любовь к человеку”.*

**Фронтные письма. Составители Сенгин-оол М.М.,
Бадыргы С. И. и др. — Кызыл: Тувинское книжное
издательство. 2002. — 176 с.**

*В книгу вошли письма фронтовиков - участников Великой
Отечественной войны — родным, близким и однополчанам,
написанные ими на войне в послевоенное время. Сборник знакомит
современного читателя с патриотизмом советских бойцов.*

Свидетели ушедшей от нас на шестьдесят лет в
прошлое Великой Отечественной войны, унесшей десятки
миллионов жизней и оставившей после себя руины городов
и сел, испепеленные поля и леса... Для читателя, листаю-
щего страница за страницей эту книгу, они кажутся
незримыми свидетелями тех фронтовых дней, однако строка
за строкой живые голоса писем воссоздают портреты воинов,
сражавшихся за свободу и независимость Советского Союза,
России и всей Европы.

“Пожелтевшие от времени солдатские треугольники,
наспех исписанные простым карандашом... истрепавшиеся
по краям, порвавшие на сгибах, склеенные из кусочков... со
штампами полевой почты и военной цензуры” - читаем мы
из Предисловия, обращенного к читателю, и узнаем, что
публикуются здесь письма, хранящиеся в Национальном
музее им. Алдан-Маадыр, в Центральном государственном
архиве и в Центре архивных документов партий, обществен-

ных организаций РТ. Из письма Бай-Кара Маспык-ооловича Биче-оола, погибшего 14 мая 1944 года при освобождении Румынии: "...Родная сторона, родители и родные, я вас вспоминаю, я знаю, так нельзя и очень креплюсь. Для меня выполнить цель, поставленную народом и партией ТНР, и вернуться домой — очень важная историческая миссия... Моим родителям, братьям и сестре и всем родственникам. 27 августа 1943 года".

М.Б.Кенин-Лопсан. Ойтулааш. Классические образцы любовной лирики тувинского народа. Ынакшылдың кожаңнары. — Кызыл: "Новости Тувы". 2004.- 384 с.

В научно-популярной книге Монгуша Бораховича Кенин-Лопсана "Ойтулааш" представлены классические образцы тувинской любовной лирики. Что такое ойтулааш? В одно емкое слово вложены и ночные игры влюбленных, и песенная культура древних тюрков, которая удивительным образом сохранилась у тувинцев, и архидревний жанр устного поэтического творчества, которые в годы советской власти были запрещенными. Из более чем двух тысяч стихов в русском переводе представлена лишь незначительная их часть, а также краткий экскурс в историю уникального явления тувинцев — ойтулааш.

Перед нами открывается еще одна страница истории, отражающая философию, этические нормы и эстетику наших предков. Открывается она изданием книги "Ойтулааш". Многообразные сведения от автора, известного этнолога, философа, знатока народных традиций М.Б.Кенин-Лопсана, от самих участников молодежных игр; разные по форме и содержанию тексты песен, исполняемых во время игрищ; сказы о животных двенадцатилетнего цикла, а также "Список информаторов" и "Словарь тувинских слов и выражений, составленный на основе понятий и толкований информаторов", как результат многолетнего труда исследователя, они определяют роль и значение *ойтулааш* в воспитании молодежи в прошлом, место этого феномена в традиционной культуре тувинцев.

Из воспоминаний М.С.Бегзи читаем: “В 1932 году мне исполнилось шестнадцать лет, и я смог играть в ойтулааш. В первый месяц лета скотоводы Чаа-Хольского кожууна откочевали в подтаежные края, где тихо и прохладно. Тогда было много парней и девушек, а еще больше коней. Да, тогда тувинец был богат конями, как берег богат тальником. В те времена в нашем краю не было ни школы, ни клуба, ни кино. С заходом солнца что было делать молодым? Вечером собиралась молодежь на том месте, где по устному “объявлению” намечалась встреча. Парень выбирал самого лучшего, по своей мечте, коня, а всадницей — понравившуюся девушку”.

Может, встреча дана нам однажды,
Так давайте влюбляться скорее.
Пусть звучат мелодии ласковых песен,
Как гимн единения и любви.

Эта встреча дана, чтоб влюбляться,
Так давайте вместе гулять.
Пусть звучат мелодии песен веселых,
Как жизнь, величавых.

ОЖУК ДАЖЫ. Тувинские трехстишия. Антология.
Сост., вступ. ст. и комм. Л.С. Мижит. Перевод с тув.
Л.С.Мижит и Э.Б.Мижита. — Кызыл, 2004. — 176 с.

Сборник тувинских трехстиший ожук дажы составлен из лирических миниатюр Ю.Кюнзегеша, А.Даржая, В.Серен-оола, Н.Куулара, А.Уержаа, Э.Мижита и др. поэтов, написанных в 1980-2000 гг. В антологию вошли также образцы загадок-триад и древнетюркских трехстиший. Во вступительной статье рассматривается процесс становления и развития трехстишной формы в тувинской поэзии.

Ценители поэзии получают в подарок двуязычное издание, в которое вошли вступительная статья о поэтической форме трехстиший в тувинской словесности в двух вариантах: на

тувинском языке “Ожук даштары — делегейниц хензиг хевири” (“Ожук дажы — миниатюрная форма вселенной”) и на русском языке “Тувинские трехстишия ОЖУК ДАЖЫ”, а также тексты трехстиший ожук дажы с их параллельным подстрочным переводом на русский язык.

Три быстрых на свете:
Молниеносен мысли ход,
Стремительна стрела в полете,
Движение глаз при взгляде моментально.
(Загадка-триада)

В священных просторах неба моего
Даже орел парить перестал...
Как пусто и уныло!
(Ю.Кюнзегеш)

Первую каплю тающего снега
Пробует потрепанный воробышек.
Он первым благословляет весну.
(А.Даржай)

Не дающий покачнуться котлу счастья на огне,
Прибавился третий камень нашего очага —
У нас родился сын, как же велик этот дар, милая моя.
(А. Уержаа)

Куулар Черлиг-оол. Мелодия моих гор. Книга прозы. Редактор и переводчик повести Г.Принцева — Кызыл: Библиотека редакции журнала “Улуг-Хем”. 2004. — 144 с.

В книгу Заслуженного писателя РТ Куулара Ч.Ч. вошла повесть “Шораан” о жизни слепого композитора Солаана Базыроола, получившая широкое признание читателей и критиков, а также оригинальные поэтические рассказы, новеллы и были.

“Мелодия моих гор” звучит в повествовании о судьбе слепого музыканта (повесть “Шораан”), в рассказах минорного (“Красная соль”) и мажорного лада (“Как меня

приняли в интернат”), в былях и легендах. Дополняют, облагораживают мелодию книги статьи и заметки о литературном таланте писателя и поэта Куулара Черлиг-оола критика из Москвы Г.Красникова (“Я открыл для себя настоящего поэта”), Народного писателя Тувы и ученого мирового уровня М.Б.Кенин-Лопсана (“Удивительный талант”), талантливое поэта и исследователя Г.И. Принцевой (“Я хочу рассказать вам”).

“Повесть “Шораан” очень гуманная, и нельзя ее читать без слез. Родился мальчик, ослеп. У него ясный ум и музыкальный талант. Народный учитель и добрый человек открыл ему счастливую дорогу: Шораан окончил школу для слепых и стал любимым композитором всей Тувы. Создается впечатление, что Черлиг-оол Куулар видит то, чего другие не замечают. Нежная душа писателя волнующе чувствуется в каждом стихе, в каждой песне и каждой повести. М.Б.Кенин-Лопсан”. Перевод повести на русский язык осуществлен талантливым поэтом Г.Принцевой.

“Однажды утром он сумел освободиться от веревки, придерживающей его за пояс, и переступил порог юрты. Мать, доившая овцу, увидев его, очень удивилась: О-ой, эчен, бедный мой несмышлениш первый раз сам вышел из юрты. Ну-ка, посмотри, что дальше?” Теплые солнечные лучи и нежный ветерок коснулись лба, и малыш поднял глаза к небу. Видимо, своими детскими нервами он ощутил прикосновение солнца. Ища эту неведомую могущественную силу, Шораан поднял вверх руки, словно хотел поймать и удержать солнечные лучи”.

А.А.Даржай. Песня неоперившейся любви. Повести, рассказы. Пер. с тув. автора. Под ред. В. Кривдика. — Кызыл: Республиканская типография, 2004. — 132 с.

В книгу известного тувинского писателя А.Даржая включены две повести “Жаркие дни”, “Если хочешь жить” и рассказы, вышедшие в свет в 1970-80-х годах на тувинском языке.

В ней представлен перевод произведений на русский язык, осуществленный автором. Издание дает открывает возможность русскоязычному читателю познакомиться с прозой одного из известных писателей Тувы.

“Песня неоперившейся любви” – название завораживает, притягивает внимание, заставляет задуматься: о чем она? О любви как несбывшейся мечте или о приостановившемся мгновении в момент рождения сильного чувства, а может быть, она - о потерянной возможности?

Автор предлагает читателям самим окунуться в эту противоречивую гамму чувств и разобраться, что же произошло много лет назад с героем рассказа и как отразилось это на его судьбе; предлагает поразмышлять о перипетиях человеческих судеб, о переживаниях молодых людей, начинающих свою биографию и опытных, повидавших разное на своем веку.

“Земля-небо словно студень — так и качается, расставив руки, как крылья, в обе стороны. Пошатываясь туда-сюда, человек сделал два-три шага, словно шел по тонкому мостику, думая: “Лишь бы не упасть”. Ноги неподъемны, словно к ним привязали тяжелые бревна, голову тоже невозможно поднять, как будто на шею подвесили дубину.

Глаза человека заметили сухой сук, лежащий на траве. С подгибающимися коленями, с трудом поднял его и поволокся, опираясь на него всем телом. Хотя он и понимал, что силы кончаются, а глаза застилаются пеленой, все равно прикусил губы и потащился в долину, к людям” (из повести “Если хочешь жить”).

В статье “Духовные искания современников в творчестве А.Даржая”, вошедшей в эту книгу, делится своими наблюдениями о повестях, рассказах и о своеобразии творческого пера поэта, писателя, драматурга А.А.Даржая критик У.А. Донгак.

Александр Павлов

*Отражение
неба*

*Александр Павлов
родился в 1968 году в
городе Севастополе.*

*Член СП России,
автор многих книг
поэзии. Его новая книга
стихов в 2004 г. "Отра-
жение неба" вышла в г.
Подольске Московской
области, где живет и
работает автор. Алек-
сандр Валентинович
переводит наших авто-
ров.*

* * *

Не разменяться б на гроши,
не повторить былых ошибок...
Нам за ранения души
не полагается нашивок.

* * *

...И вспыхнула остывшая зола!
А может, то любовь не умерла
и под покровом ледяной коры
горели жарко угли до поры!

Зачем же снова раздувать костер?
Над нами Бог ладонь Свою простер—
Благословить готов, предостеречь?..
Мне, грешному, Его неслышна речь.

***

Не замерзли птички —
повезло с ночевкой:
в поздней электричке
бомж храпит с бичовкой.

Хорошо в вагоне
На лощатом ложе —
Прочь никто не гонит,
Спящих не тревожит.

Сладко спят бичары
Не в сырой могиле —
Знать, пузырь водяры
На ночь раздавили...

Унесенных ветром
пес приبلудный лижет.
С каждым километром
небеса все ближе....

С миром упокоясь,
Спит страна родная,
И куда нас поезд
Завезет, не знаю.

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Твой мир спокоен, и меня в нём нет,
его и потревожить-то бессилён
пустым звонком ещё один рассвет
в невыспавшемся спальном жилмассиве.

Грустинку пробужденья превозмочь
едва ль способны чувственные строки:
повсюду одиночество и ночь,
и сны, где мы все так же одиноки.

Сливается предутренняя тень
с холодными, смурными небесами,
но, запоздалый, робко входит день,
на холст судьбы ложатся краски сами.

Весна необратимая чиста
на полотне январском неспроста!

* * *

Мы создавали свой уют,
тащили в дом все, что дают,
Был хлам почти что целым
и по доступным ценам.

Скопилось в доме до фига
необходимого добра,
но главное при этом —
веревка с табуретом.

Ну, чтоб развешивать бельё...
Вполне обычное жильё.
Семью прочней, чем битум,
крепит проверка бытом.

Однажды встали я и ты
у той — критической — черты, —
Бог оградил от бездны,
и — опыт наш полезный.

Мы в этой долбанной стране —
не смейся — счастливы вполне:
с зарплатой, газом, светом,
веревкой,
табуретом...

ОБ АВТОРАХ

1. **Монгуш Борахович Кенин-Лопсан** — поэт, прозаик, романист, переводчик, Народный писатель Тувы, известный этнограф, д.и.н., действительный член Нью-Йоркской Академии Наук, член СП России.

2. **Кызыл-Эник Кыргысович Кудаж** — поэт, прозаик, драматург, Народный писатель Тувы, член СП России.

3. **Мария Давыдовна Черноусова-Сарыг-оол** — вдова Народного писателя Тувы С.А.Сарыг-оола, автор нескольких книг воспоминаний о писателе.

4. **Екатерина Туктуг-ооловна Танова** — поэт, драматург, переводчик, Заслуженный писатель РТ, член СП России, одна из основателей тувинской детской литературы, к.и.н.

5. **Антон Коваевич Калзан** — (1930-1990), известный тувинский литературовед, критик, фольклорист, член СП СССР.

6. **Мария Андреевна Хадаханэ** — известный литературовед, к.ф.н., автор многих книг по творчеству тувинских писателей, член СП и СЖ России.

7. **Черлиг-оол Чашкынмаевич Куулар** — поэт, прозаик, переводчик, Заслуженный писатель РТ, член СП России, председатель СП РТ, член Правления СП России, главный редактор журнала “Улуг-Хем”.

8. **Людмила Андреевна Санчай** — поэт, одна из самых одаренных русскоязычных авторов.

9. **Болат Бурунаевич Маады** — поэт, член СП РТ, автор трех поэтических сборников, учитель Дерзиг-Аксынской средней школы.

10. **Вячеслав Алексеевич Бузыкаев** — писатель, член СП России, автор нескольких книг.

11. **Эмма Борисовна Цаллагова** — поэт, переводчик, ст. преподаватель ТывГУ, к.п.н., автор одного поэтического сборника.

12. **Юрий Некрасов** - учитель Туранской средней школы, автор нескольких книг.

13. **Юрий Федорович Вотяков** — поэт, переводчик, бард, автор трех поэтических сборников. Живет в Кызыле, с 1970-х годов посещал литературное объединение “Исток”, автор сборника “Припади к своей мечте”, “Старый двор”. Много лет работал в геологических экспедициях.

14. **Маадыр-оол Баргыштаанович Ховалыг** — прозаик, публицист, член СП России, редактор газеты “Араттын сөзү”, мастер спорта по альпинизму, директор Национального зоопарка.

15. **Мария Амын-ооловна Кужугет** — поэт, ст. преподаватель

ТывГУ, автор двух поэтических сборников, член СП России.

16. Эдуард Баирович Мижит — поэт, драматург, член СП России, Лауреат премии Министерства культуры и по делам национальностей РТ, автор двух книг, выпускник Литературного института им. М.Горького.

17. Елена Тадар-ооловна Бады-Монге — литературовед, к.ф.н., ст. преподаватель ТывГУ

18. Сайлыкмаа Салчаковна Комбу — поэт, литературовед, критик, переводчик, член СП России, к.ф.н., ст. преподаватель ТывГУ

19. Уран Алдын-ооловна Донгак — литературовед, критик, к.ф.н., ст. научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований.

20. Сылдыс Донгак — один из одаренных поэтов Тувы, закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М.Горького, автор одного из поэтического сборника, живет и работает в с.Ак-Чыраа Овюрского кожууна.

21. Инна Павловна Принцева — поэт, переводчик, член СП России, сотрудник газеты “Тувинская правда”.

22. Кондратий Анатольевич Емельянов — поэт, драматург.

23. Виктория Кондрашова — поэт, студентка ТывГУ, сотрудник газеты “Тувинская правда”.

24. Саяна Хомушку — выпускница Государственного лицея РТ, участник конкурса “Шаг в будущее”.

СОДЕРЖАНИЕ

Куулар Черлиг-оол. Слово стоило больше снаряда.....3

ЮБИЛЕИ

М.КЕНИН-ЛОПСАНУ — 80

Монгуш Кенин-Лопсан. Девять алгышей

1. Алгыш к солнцу.....7
2. Алгыш к небесной горе.....7
3. Алгыш к одуванчику.....8
4. Алгыш к роднику.....8
5. Алгыш коню.....8
6. Алгыш сказителю.....9
7. Алгыш к чаю.....9
8. Алгыш человеку.....10
9. Алгыш к ячменю.....10

ПРОЗА

- Екатерина Танова. Дети военного лихолетья.....11**
- Кызыл-Эник Кудажи. Улуг-Хем неугомонный.....26**
- Вячеслав Бузыкаев. Макариха.....58**
- Маадыр-оол Ховалыг. Мелодии аржаана.....71**
- Юрий Некрасов. Остров спасения.....74**

ПОЭЗИЯ

Куулар Черлиг-оол. Сонеты

- Над речкою, над откосом.....99
- Как бивни слоновьи грозны.....99
- Чтоб маме своей помочь.....100

Ты, слушая шум водопада.....	100
Свобода на крови.....	101
Эмма Цаллагова. Негатив судьбы.....	102
Полет.....	103
Память юности.....	103
Юрий Вотяков. Тихо падают желтые листья.....	105
Листья с деревьев слетели.....	105
Людмила Санчай. “Прощание славянки”.....	106
Свет человека.....	107
Начало зимы.....	108
Эдуард Мижит. Здесь почитают.....	108
Песни Тувы.....	111
Попытка отгадки.....	112
Болат Маады. Лиственница.....	114
Не забывай.....	115
Отзвук осени.....	115
Святое слово.....	116
Инна Принцева. Из цикла “Саян”.....	117
Кондратий Емельянов. Переживаю томный лик луны.....	122
Город грез.....	123
Мне суждено под солнцем долго жить.....	123
Соцветие семи цветов.....	124
И молнией герою светит небо.....	124
Сылдыс Донгак. Ветер плачет в степи глухой	
Я не закричу на тебя.....	125
Озеро мое!.....	125
На востоке.....	126
Жизнь — это ножницы.....	126
Туча, блуждающая в горах.....	126
Прислушайся, путник!.....	126
Эхо, затихающее в душе моей.....	126
Когда тело мое застынет.....	127
Суровые слова.....	127
От взгляда любимой моей.....	127

НАСЛЕДИЕ

- Антон Калзан.** Общие тенденции развития
языка тувинской литературы.....128
- Мария Черноусова-Сарыг-оол.** Капелька души моей.....136

СТУДИЯ

- Виктория Кондрашова.** Мы встретимся.....142
- Я хочу тишины.....143
- Ромашка.....143
- Саяна Хомушку.** Спектакль “Хайыраан бот”
в оценке критики.....144

ДЛЯ НАШИХ МАЛЕНЬКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

- Мария Кужугет.** Козленок.....148
- Медведь.....148
- Заяц.....148
- Чооду Кара-Күске.** Если бы продавались сны.....149
- Красавица.....150

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Мария Хадаханэ.** “И Сут-Холя волна качала”.....151
- Елена Бады-Мөнге.** Роль художественной детали
в романе К-Э. Кудажи “Улуг-Хем
неугомонный”.....154
- Сайлыкмаа Комбу.** Тарас Шевченко
и тувинская литература.....159
- Урана Донгак.** Пафос романа С. Сарыг-оола
“Алдан дургун” (“Шестьдесят беглецов”).....165

К 100-ЛЕТИЮ М. ШОЛОХОВА

- М. Шолохов** и тувинская литература.....171

У КНИЖНОЙ ВИТРИНЫ

- “Фронтовые письма”**.....173

Монгуш Кенин-Лопсан. Ойтулааш.	
Классические образцы любовной лирики тувинского народа.	
Ынакшылдың кожаннары.....	174
“Ожук дажы”.....	175
Куулар Черлиг-оол. Мелодия моих гор.....	176
Александр Даржай. Песня неоперившейся любви.....	177
Александр Павлов. Не разменяться б на гроши.....	179
И вспыхнула.....	179
Не замерзли птички.....	179
Зачем же снова раздувать костер?.....	180
Предрассветное.....	180
Мы создавали свой уют.....	181
Об авторах.....	182

Литературно-художественное издание “Улуг-Хем”

На русском языке

Набрано и сверстано в компьютерном цехе журнала
“Улуг-Хем”.

Редакция журнала “Улуг-Хем”. 667000, г. Кызыл, ул. Щетинкина-
Кравченко, 57.

Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура литературная. Физ. печ. л. 11,75.
Тираж 500 экз. Заказ № 409.

Отпечатано в Республиканской типографии Госкомпечати и
информации РТ. 667000, г. Кызыл, Щетинкина-Кравченко, 1.

